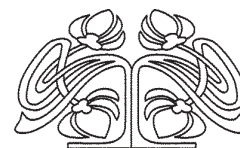

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Научный журнал
2017 Том 17
ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 2

Издается с 2001 года

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Аникин Д. А.** Сетевые основания социальной памяти 129
- Даренский В. Ю.** Философско-антропологическая концепция Г. С. Батищева: «человек восходящий» 135
- Демченко П. Н.** Элементы и объекты русской мифологии в Масленице 141
- Дуплинская Ю. М.** Феноменология многослойного восприятия: инфраперсональное и ультраперсональное 146
- Клементьев Б. С.** Глобализация и индивидуализация: логика социально-философской взаимосвязи 152
- Михель Д. В.** Болезнь как социальный диагноз: философия социального исключения и реинтеграции 156
- Николаева Е. М.** Организация образовательного процесса в условиях новомедийного пространства 162
- Одинцов А. В.** Медиапространство в сетевом обществе: контуры новой властвующей элиты 167
- Петров Д. Б.** Внеконфессиональная религиозность россиян: опросы, интервью, мониторинг Рунета 172
- Филимонова О. Ф.** Зодчие утопического: «Город без имени» В. Ф. Одоевского 177
- Фролова С. М.** Идея соборности и ее кризис в период советской действительности 183
- Хомякова Е. П.** Динамика ценностных ориентаций творческой элиты в обществе риска 189

Психология

- Белых Т. В.** Выраженность познавательных потребностей и специфика межуровневых связей в структуре интегральной индивидуальности у студентов вуза 194
- Глизнуцин Д. В.** Мотивы начала бизнеса и представления о государственных системах у предпринимателей с различными типами мотивации 199
- Леонова К. М.** Копинг-стратегии лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ, с различным уровнем жизнестойкости 203
- Потапова Ю. В.** Сепарационный статус и стаж как факторы когнитивной оценки ситуации сепарации с родителями в студенческом возрасте 207
- Смирнова А. Ю.** Ольденбургский опросник профессионального выгорания: диагностика изменения психического состояния субъекта труда по континууму: увлеченность работой – профессиональное выгорание 211
- Терентьева О. В.** «Ссылка на себя» как показатель ложности/правдивости письменного сообщения 219

Педагогика

- Ваулин В. И., Сингеев С. А.** Адаптационные характеристики профессионального становления курсанта-летчика 223
- Паатова М. Э., Науменко Ю. В.** Педагогическая модель процесса формирования социально-личностной жизнеспособности 229
- Павлова О. В.** Профессионально-этическая культура личности 237
- Феллер В. В.** Тьюторство: на пути к «дисциплинированному воображению» 241

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Гаврина Марина Владимировна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталья Владимировна

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и редакции:

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 16.05.17

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41(15,5).

Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- внешнюю рецензию, заверенную надлежащим образом по месту работы рецензента;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлгией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлгией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

- Anikin D. A.** Network Bases of Social Memory 129
- Darenskiy V. J.** Philosophical Anthropology of G. S. Batishev: Conception of «Ascenting Man» 135
- Demchenko P. N.** Elements and Objects Russian Mythology in the Maslenitsa 141
- Duplinskaya Yu. M.** Phenomenology of Multilayered Perception: Intrapersonal and Ultrapersonal 146
- Klementev B. S.** Globalization and Individualization: Logic of Social and Philosophical Interrelation 152
- Mikhel D. V.** Illness as a Social Diagnose: Philosophy of Social Exclusion and Reintegration 156
- Nikolaeva E. M.** The Organization of Educational Process in the Conditions of New Media Environment 162
- Odintsov A. V.** The Media in the Network Society: Outlines of a New Ruling Elite 167
- Petrov D. B.** Nondenominational Religiosity of the Russians: the Results of Questionnaires, Surveys, Interviews and Monitoring of Runet 172
- Filimonova O. F.** Architects of Utopia: «A Town Without a Name» of V. F. Odoyevsky 177
- Frolova S. M.** The Idea of Conciliarity and Its Crisis in the Period of Soviet Reality 183
- Khomyakova E. P.** The Dynamics of Value Orientations of the Creative Elite in a Risk Society 189

Psychology

- Belykh T. V.** Severity of Cognitive Needs and Specificity of Inter-level Connections in the Structure of Integrated Individuality of Students of High School 194
- Gliznutsin D. V.** Motives for Starting a Business and Representation of the Government Systems of Entrepreneurs with Different Types of Motivation 199
- Leonova K. M.** Coping Strategies of People, Suffering from Drug and Alcohol Addiction, with Different Levels of Hardiness 203
- Potapova Yu. V.** Separation Status and Experience as Factors of Cognitive Assessment of Separation Situation with Parents in the Student Age 207
- Smirnova A. Y.** The Oldenburg Burnout Inventory: Diagnostics of State of Mind's Change of the Employ on a Continuum: Work Engagement– Professional Burnout 211
- Terent'eva O. V.** The Self-reference Words as an Indicator of the Lying/True Written Message 219

Pedagogy

- Vaulin V. I., Sinqeev S. A.** Adaptive Features of Professional Formation of Cadet-Pilot 223
- Paatova M. E., Naumenko Yu. V.** Pedagogical Model of Process of Formation Social and Personal Viability 229
- Pavlova O. V.** Professional-Ethical Culture of Personality 237
- Feller V. V.** Tutoring: on the Way to «Disciplined Imagination» 241

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

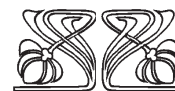
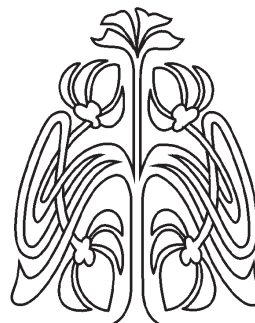
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

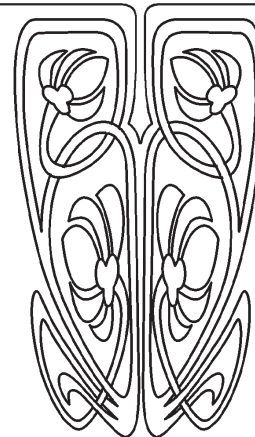
Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

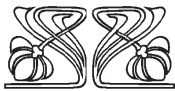
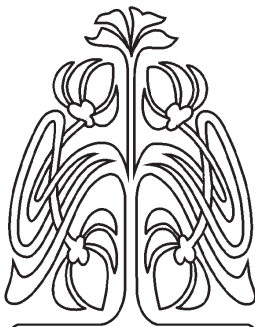
Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Богатырева Елена Николаевна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Капичникова Ольга Борисовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мокин Борис Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Позднева Светлана Павловна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рожков Владимир Петрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Турчин Геннадий Демьянович, кандидат пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фриауф Василий Александрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

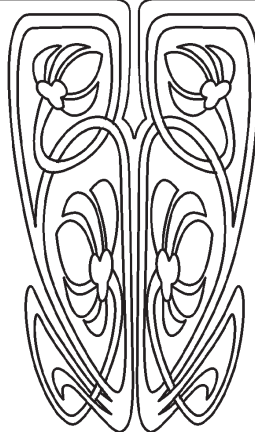
**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Bogatyryova E. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aksenovskaya L. N. (Saratov, Russia)	Listvina E. V. (Saratov, Russia)
Aleksandrova E. A. (Saratov, Russia)	Martynovich S. F. (Saratov, Russia)
Afanasyeva V. V. (Saratov, Russia)	Mokin B. I. (Saratov, Russia)
Balakireva E. I. (Saratov, Russia)	Orlov M. O. (Saratov, Russia)
Bosco G. (Michigan, USA)	Pozdneva S. P. (Saratov, Russia)
Friauf V. A. (Saratov, Russia)	Rozhkov V. P. (Saratov, Russia)
Frolova S. V. (Saratov, Russia)	Ryaguzova E. V. (Saratov, Russia)
Furmanov I. A. (Minsk, Belarus)	Shamionov R. M. (Saratov, Russia)
Gobozov I. A. (Moscow, Russia)	Turchin G. D. (Saratov, Russia)
Kalnoy I. I. (Simferopol, Russia)	Zhelezovskaya G. I. (Saratov, Russia)
Kapichnikova O. B. (Saratov, Russia)	

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

СЕТЕВЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

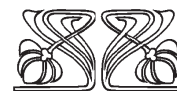
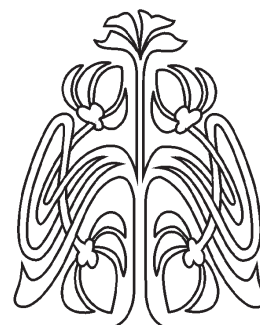
Аникин Даниил Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: dandee@list.ru

В статье анализируется смена моделей изучения социальной памяти в контексте становления сетевого общества. Констатируется необходимость перехода от субстанционального к релятивистскому анализу, в связи с чем выделяются основные методологические характеристики сетевой модели социальной памяти: полилогичность, медиальность, процессуальность и контекстуальность. Использование этих методологических принципов позволяет исследовать память не в качестве определенного набора воспоминаний, а как динамичную совокупность социальных связей и практик, вызывающих эффект обращения к прошлому. При сетевом подходе отдельные образы социальной памяти перестают восприниматься как исторические факты, обладающие объективными характеристиками, а приобретают точки пересечения различных связей. К числу наиболее значительных детерминант, определяющих формирование и трансформацию образов прошлого, стоит отнести когнитивные, политические, этические и праксиологические факторы. Когнитивные факторы — это закономерности формирования знания о прошлом (следование критериям достоверности или вероятности). Политические факторы являются точкой символической борьбы между различными политическими субъектами. Этические и праксиологические аспекты актуализации определенных образов прошлого тесно связаны с коммуникативной рациональностью и потребностью в формировании устойчивых социальных взаимодействий.

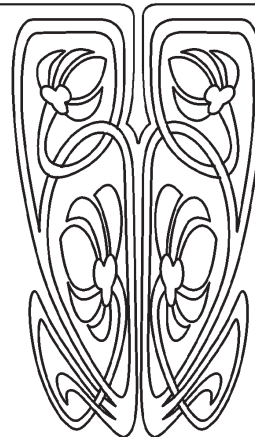
Ключевые слова: социальная память, социальное пространство, сетевое общество, релятивизм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-129-134

Современные теоретики общественного развития констатируют вступление социума в новую стадию развития, специфика которой выражается в категории «сетевое общество». Речь идет не только о технологических возможностях формирования «социальных сетей» в интернет-пространстве, но и об изменении самого формата социальных связей. Разумеется, горизонтальные связи между отдельными людьми существовали на всем протяжении человеческой истории, но только в последние десятилетия этот формат социальной организации оказался достаточно жизнеспособен, чтобы осуществлять управление социальными и политическими процессами. Основным следствием становления сетевого общества оказалось нарастание критических явлений в функционировании иерархических сообществ, к которым стоит, в первую очередь, отнести государство, нацию, семью. Речь идет не об исчезновении данных социальных институтов, а о той серьезной угрозе, которой подвергается их существование в сетевом пространстве. Отдельный индивид, по сути, утрачивает свое приватное пространство, приобретая взамен излишнюю публичность и становясь точкой пересечения самых неожиданных идентичностей. Эта особенность объективно затрудняет возможность отслеживания путей распространения информации и той реакции, которую информационные сообщения могут провоцировать.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Несмотря на внешнюю демократичность сетевых коммуникаций, которая позволяла первому исследователю сетевого общества М. Кастельсу противопоставлять основанное на них общество всем предшествующим формам подавления человеческой свободы, они не в меньшей степени дают возможность манипулирования общественным мнением. Можно констатировать, что такая возможность даже возрастает за счет мимикрии любых информационных манипуляций под «освещение правды, скрываемой властью». Поэтому успех провокаций, нацеленных на разжигание межнациональной розни, кроется в самом характере современных социальных связей. Основными характеристиками сетевых коммуникаций являются оперативность и импульсивность, т.е. максимально быстрая возможность передать информацию, замаскировав ее идеологическую направленность и насытив эмоциональным содержанием (типичное начало – «власть скрывает, что...»), что провоцирует предсказуемую реакцию среди пользователей социальных сетей.

Следует указать, что сеть представляет собой горизонтальную структуру, принципиально противоположную по своим характеристикам иерархическим связям, но совместимую с ними в условиях пространственного видения социума. Сетевой характер социальных связей не является изобретением информационной эпохи, а демонстрирует лишь превалирование подобного рода связей в децентрализованном социальном пространстве. Можно сказать, что на предшествующих стадиях социального развития имела место сегментация социального пространства, при которой горизонтальные связи могли иметь место лишь в пределах определенного сегмента. Но размывание социальных границ и ускорение социальных процессов привело к тому, что переход от низшего уровня социальной иерархии к высшему может быть не только прямым, но и косвенным, опосредованным определенным количеством горизонтальных цепочек взаимодействия.

Д. Урри, отталкиваясь от акторно-сетевой теории, указывает на невозможность сохранения субстанциальных и статичных моделей социальной реальности, поскольку ключевым социальным понятием становится понятие «мобильности» [1, с. 160]. Социальные связи в современном мире утрачивают свою стабильность и предсказуемость, что не позволяет больше говорить о статичных сообществах, а заставляет анализировать процессы непрерывного изменения. Но подобные методологические изменения заставляют отказаться от нескольких

презумпций, доминировавших в социальных науках, прежде всего от презумпции человеческого измерения общества. Это вовсе не означает, что необходимо изучать мир вне человека или без учета его присутствия, а указывает на то, что мир человека невозможен без материальных контекстов, в которых разворачивается его деятельность.

По слова самого Д. Урри, «мобильный поворот – часть критики подобного гуманизма, который постулирует бесплотное “*cogito*” и особенно то, что люди способны думать и действовать каким-то образом независимо от своих материальных миров» [1, с. 131]. Вещи (и в этом тоже сказывается влияние акторно-сетевой методологии) не могут игнорироваться при изучении социальных процессов, поскольку их характеристики во многом определяют саму возможность интересубъективного взаимодействия и условия ее осуществления. Например, процедуры выбора материалов и строительных технологий не только реагируют на вызовы глобализации и уплотнения населения, но и сами создают перечень ситуаций социального взаимодействия, подобно тому, как появление кухни в «хрущевках» обусловило возможность появления пространства локального взаимодействия, ставшего важным элементом культурной «оттепели». В этом смысле материальный контекст социальных явлений не может не учитываться, особенно если предметом рассмотрения становятся не стабильные состояния социальной системы, а процессы ее постоянной трансформации.

Мобильности не просто становятся ключевой характеристикой социальной реальности, но и могут быть упорядочены в соответствии с определенной типологией. К основным типам мобильностей можно отнести следующие:

- 1) телесные перемещения людей в пространстве, обусловленные их рабочими или досуговыми целями, по-разному соотносимые с временными циклами (например, стабильные ежедневные поездки на работу либо краткосрочная командировка, которая нарушает установленный график);
- 2) перемещения вещей и предметов в пространстве (перевоз грузов, рассылка поздравительных открыток и т.д.);
- 3) виртуальные перемещения, осуществляемые посредством телевизионных коммуникаций и Интернета (научно-популярные или художественные фильмы, просмотр новостей из других регионов или стран и т.д.);
- 4) коммуникационные перемещения (взаимодействия с другим людьми посредством SMS, сотовой связи, интернет-чатов).

Указанные процессы фиксируют нестабильность положения человека в той совокупности социальных процессов, в которые он включен, а в более широком методологическом смысле заставляют переориентировать внимание с субъектов на связи, переформулируя главную исследовательскую задачу социальных наук с поиска субстанциальных оснований социального на выработку методик описания тотального изменения. Трансформации оптической настройки в социальных науках, переключающие внимание исследователя с поиска субстанциальных оснований социального (когда фокус сосредоточивается на предметах, потому что связи между ними в краткосрочном периоде могут рассматриваться как неизменные, а потому не нуждающиеся в особой рефлексии) на стремление зафиксировать принципиальную нестабильность и текучесть социальных процессов, отражаются и на изучении социальной памяти.

Социальная память изначально исследовалась М. Хальбваксом как определенный набор воспоминаний, воссоздаваемый посредством набора социальных рамок и служащий для их поддержания. Подобный подход во многом был обусловлен презумпцией позитивистского стремления к достоверности и практической применимости знаний, в силу чего памяти отводилась роль недостоверного свидетеля, нуждающегося не столько в проверке, сколько в уличении и выведении «на чистую воду». Субстанциальное понимание памяти выражалось в признании за ней определенного «места» в социальной реальности, занимаемого набором воспоминаний и нуждающегося в точном определении со стороны социальных наук.

Необходимость применения сетевой методологии в изучении социальной памяти обусловлена усложнением социальной среды, в которой осуществляется символическая политика, неизменно обращающаяся к образам прошлого как к наиболее эффективному и действенному ресурсу социальной консолидации и политической легитимации.

С точки зрения сетевого подхода, развивающего постулаты релятивистской методологии, социальная память представляет собой совокупность социальных, культурных и политических практик, ориентированных на поддержание символических связей между современным состоянием общества и образами прошлого. Подобное понимание, предлагаемое Д. Оликом, позволяет избежать в истолковании социальной памяти тех черт, которые придавали этому явление субстанциальное измерение. К таким чертам, свойственным предшествующим теориям соци-

альной памяти, можно отнести: 1) монологичность – подчеркивание единства воспоминаний в качестве основания коллективной идентичности; 2) миметичность – сосредоточение на сохранении и преемственности определенного содержания памяти; 3) статичность – изучение отдельных «мест памяти» или всей совокупности присущих обществу воспоминаний как определенной целостности; 4) автономность – стремление зафиксировать социальную память как сегмент реальности, обладающий особыми бытийственными характеристиками.

В противовес им сетевая модель социальной памяти выдвигает принципиально иные постулаты: полилогичность, медиальность, процессуальность и контекстуальность [2, р. 85–86].

Суть полилогичности заключается в признании «многоголосия» воспоминаний, отсутствии четких границ между памятью коллективной и индивидуальной. По сути, даже доминирование определенного типа социальной памяти стоит рассматривать как гласный или негласный консенсус между конкретными носителями воспоминаний, причем данный консенсус достигается за счет обоюдных уступок. Не только индивиды усваивают тот тип социальной памяти, который транслируется посредством образовательных и мемориальных практик, но и сами практики вынуждены приспосабливаться к ожиданиям индивидов, соответствовать их неререфлексируемым представлениям.

Медиальность определяет смещение внимания с содержания социальной памяти на формы ее репрезентации, поскольку выбор используемых средств необходимым образом корректирует и ту совокупность значений, которая может быть придана отдельным воспоминаниям. В частности, визуализация определенных образов прошлого должна опираться не только на принцип исторической достоверности, но и на принцип зрелищности, без которого достижение эффекта исторической реальности окажется невозможным. Изменение же способов формирования и распространения образов прошлого может привести к смене акцентов в понимании того или иного события. Например, парад в качестве коммеморативной практики может быть использован при репрезентации самых различных событий, допуская даже возможность смены означаемого и означаемого и выведение на первый план не исходного события, а одной из его репрезентаций [3, с. 139–142].

Процессуальность подразумевает отказ от изучения памяти как набора определенных воспоминаний, определяющих сохранение коллективной идентичности. Принцип сетевой

идентичности предполагает тождество различных состояний системы за счет сохранения определенного набора значимых связей. При этом сохранение полного набора связей является не обязательным, что приводит к любопытному феномену: через какой-то промежуток времени система может стать полной противоположностью первоначального состояния, но при этом подобный переход не будет отрефлексирован сторонним наблюдателем. Иначе говоря, исторические образы могут пополнять запас индивидуальных воспоминаний лишь при условии «эффекта узнавания», когда индивид будет воспринимать их как логическое продолжение тех воспоминаний, которыми он уже обладает.

Контекстуальность призывает к отказу от выделения социальной памяти в качестве особого социального феномена, обладающего субстанциальными основаниями. Она позволяет рассматривать набор конкретных исторических образов как результат сочленения различных структурных профилей, лишь в совокупности определяющих итоговый результат интенционального акта, обращенного к прошлому. Восприятие социальной памяти в сетевом ракурсе позволяет рассматривать конкретный образ как определенную точку, образуемую нелинейным сочетанием различных связей – не только политических, но и эстетических, праксиологических, когнитивных и даже этических. Иначе говоря, включение того или иного образа прошлого в динамичную картину слабо рефлексируемых коллективных исторических представлений напрямую связано с соответствием нескольким предъявляемым требованиям. Они могут быть раскрыты в перечне тех детерминирующих связей, которые определяют способ порождения новых образов прошлого или трансформацию уже имеющихся, помещение их в новый контекст. К их числу можно отнести когнитивные, политические, этические и праксиологические детерминанты социальной памяти.

1. *Когнитивная детерминанта* социальной памяти. Определенная степень вероятности того исторического события, которое включается в структуру исторических представлений, т.е. удовлетворение минимальных верификационных требований (хотя бы на уровне здравого смысла). Несмотря на кризис научного знания в качестве обязательного условия истинности, определенная логичность и апелляция к доказательности (пусть и своеобразно понимаемой в случае таких конструкций исторического процесса, как «теория заговора») остается неотъемлемым атрибутом социальной памяти. В этом смысле любопытно наблюдать, как в качестве

подтверждающего источника могут выступать сведения из телевизионных программ или из пабликов в социальных сетях.

2. *Политическая детерминанта* социальной памяти. Разумеется, как правильно отмечает А. Ассман, нельзя свести все многообразие форм обращения к прошлому исключительно к политике памяти [4, с. 34]. Вместе с тем любой исторический образ потенциально может выступить в качестве материала для выстраивания определенной символической политики, поэтому принципиально противопоставлять политическую и культурную память все-таки не стоит. Скорее, можно говорить о различной степени актуализации политических аспектов прошлого, которая обусловлена децентрализацией политического пространства и сочетанием различных субъектов символической политики. Наряду с государственной политикой памяти, распространяемой посредством образовательных практик, медиарепрезентаций и официальных коммеморативных церемоний, можно говорить о символической конкуренции между другими социальными институтами (религиозными конфессиями, политическими партиями) и слабо формализованными сообществами (аудиторией тех или иных сетевых пабликов, каналов на Youtube). Именно в контексте взаимодействия или противостояния этих сообществ можно рассматривать актуализацию определенных исторических образов либо придание им изначально не свойственных коннотаций (например, в случае Дня народного единства).

3. *Этическая детерминанта* социальной памяти. Еще древние римляне считали, что история – это учитель жизни, и это высказывание актуально до сих пор. Возникновение и развитие дискурсивной этики, предлагаемой Ю. Хабермасом, поставило в центр дискуссий проблему этической обусловленности совершаемых действий и дискурсивных практик. Дискурс памяти также должен быть основан на определенной этической презумпции, иначе говоря, конфигурация образов прошлого, складывающаяся в современном обществе, должна преодолевать узость политических интерпретаций, формируя основания для достижения консенсуса между различными сообществами. Этика в такой трактовке сводится к своей коммуникативной составляющей, т.е. этично то, что способствует налаживанию взаимодействия и налаживанию устойчивых социальных связей. А. Ассман отмечает, что именно этическая подоплека проработки прошлого, проблематизируемая еще Т. Адорно в середине XX в., стала основанием для расширения социальной роли

коллективных воспоминаний в преодолении посттоталитарных форм сознания [4, с. 55].

4. *Праксиологическая детерминанта* социальной памяти. Поскольку воспоминания нуждаются в репрезентации, то успех той или иной конфигурации образов прошлого оказывается во многом обусловлен и продуманностью коммеморативных практик, их включенностью в устойчивый распорядок повторяющихся социальных действий. Практики, актуализирующие воспоминания, должны вписываться в уже имеющийся контекст, трансформируя ставшие привычными формы поведения или придавая им новые значения. Например, можно вспомнить удачное символическое перекодирование крестного хода в первомайскую демонстрацию в ходе постреволюционных событий 1917 г., сопровождавшееся, по сути, сменой лозунгов и отдельных символических элементов, но предполагавшее логическую преемственность с точки зрения привычных форм поведения.

Можно констатировать, что сетевая парадигма социальной памяти позволяет избежать двух методологических допущений, одинаково опасных при изучении общественных феноменов. Во-первых, она выступает логическим следствием конструктивистского поворота в гуманитарных науках, отвергнувшего примордиализм в анализе социальных общностей. Прошлое перестало быть точным отображением реально имевших место событий, а стало восприниматься как социокультурная репрезентация, закономерности возникновения и функционирования которой не могут быть сведены исключительно к когнитивным принципам. Поэтому единицей анализа социальной памяти не может выступать отдельное событие (или даже «место памяти» – в постструктуралистском анализе П. Нора), ведь любой исторический факт может быть проанализирован исключительно как определенный конструкт.

Во-вторых, сетевая парадигма уберегает исследователей от прямо противоположной опасности – сведения всего комплекса связей между настоящим и прошлым к плоской модели, обусловленной игрой политических и культурных

акторов. Такой радикальный конструктивизм, называемый Ф. Артогом «презентизмом», рассматривает совокупность образов прошлого как своеобразную «языковую игру», которая может быть проанализирована в контексте расстановки определенных политических сил. Но такая постановка вопроса не позволяет осветить вопрос закономерности формирования тех или иных образов прошлого, их преемственности по отношению друг к другу, а также степени взаимовлияния различных традиций отношения к прошлому и форм репрезентации.

В фокусе сетевой методологии оказывается анализ функционирования образов прошлого в мобильном и децентрализованном социальном пространстве, подразумевающим оперативную смену исторических объяснительных моделей и сопутствующего им мифологического инструментария. Формирование и дальнейшая разработка данной модели делают возможной научную рефлекссию по поводу дальнейшей трансформации существующих конфигураций памяти в условиях постнациональных вызовов и цивилизационных рисков.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-2596.2017.6), проект «Политика памяти в сетевом обществе: символические ресурсы и социальные риски» и РГНФ в рамках проекта «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности» (грант № 15-33-01003).

Список литературы

1. Урри Д. Мобильности. М., 2012. 576 с.
2. Olick J. K. Figurations of memory : a process-relational methodology illustrated on the German case // Olick J. K. The politics of regret : on collective memory and historical responsibility. N.Y., 2007. P. 85–118.
3. Аникин Д. А. Символическая борьба с советским прошлым : парад в контексте политики памяти // Власть. 2014. № 2. С. 139–142.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого. М., 2014. 328 с.

Образец для цитирования:

Аникин Д. А. Сетевые основания социальной памяти // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 129–134. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-129-134.

Network Bases of Social Memory

D. A. Anikin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: dandee@list.ru

In article change of models of studying of social memory in the context of formation of network society is analyzed. The author states need of transition from substantive to relativistic the analysis in this connection selects the main methodological characteristics of network model of social memory: polylog, media, process and context. Use of these methodological principles allows to investigate

memory not as a certain set of memories and as dynamic set of the social communications and the practice causing effect of the appeal to the past. At network approach separate images of social memory cease to be perceived as the historic facts possessing objective characteristics, and get points of intersection of various communications. It is worth carrying cognitive, political, ethical and practical factors to number of the most considerable determinants defining formation and transformation of images of the past. Cognitive factors are regularities of formation of knowledge of the past (following to criteria of reliability or probability). Political factors act, in turn, as a point of symbolical fight between various political subjects. Ethical and practical aspects of updating of certain images of the past are closely connected with communicative rationality and the need for formation of steady social interactions.

Key words: social memory, social space, network society, relativity.

Acknowledgements: *Article is prepared with assistance of grant of the Russian President of MK-2596.2017.6 «The politician of memory in network society: symbolical resources and social risks» and*

grant RFN no. 15-33-01003 «The conceptual bases of policy of memory and prospect of pos-national identity».

References

1. Urry J. *Mobilnosti* (Mobility). Moscow, 2012. 576 p. (in Russian).
2. Olick J. K. Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. Olick J. K. *The politics of regret: on collective memory and historical responsibility*. New York, 2007, pp. 85–118.
3. Anikin D. A. Simvolicheskaja borba s sovetskim proshlym: parad v kontekste politiki pamyati (Symbolical struggle against the Soviet past: parade in a context of a policy of memory). *Vlast'* (Power), 2014, no. 2, pp. 139–142 (in Russian).
4. Assman A. *Dlinnaya ten proshlogo: istoricheskaya kultura i memorial'naya politika* (Long shadow of the past: historical culture and memorial policy). Moscow, 2014. 328 p. (in Russian).

Cite this article as:

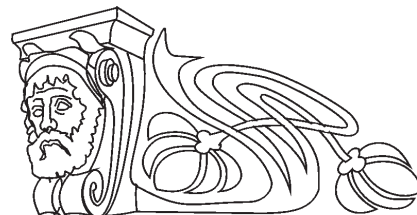
Anikin D. A. Network Bases of Social Memory. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 129–134. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-129-134.

УДК 1 (470) : 373

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Г. С. БАТИЩЕВА: «ЧЕЛОВЕК ВОСХОДЯЩИЙ»

Даренский Виталий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент департамента философии и религиоведения, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток.
E-mail: darenskiy1972@mail.ru

В статье рассматривается философия Г. С. Батищева как неклассическая (креативная) антропология. Анализируется предложенный им концепт «глубинного общения» как императив «человека восходящего». Показаны основания онтологии диалога в зрелом творчестве Г. С. Батищева и специфика концептуализации религиозного типа диалога как универсальной формы открытости «Я»–«Ты» - отношения, конституирующего личностное бытие человека. Проанализированы концепты «другодоминантности», открытости, «запороговых смыслов» и предельной «внемлемости», а также бытия как дара и «диалектики Универсума», лежащие в основе его концепции. Дан анализ гносеологических экспликаций «креативной антропологии», понятий «искание» и «опытно-исследовательская философия». Логика построения онтологии деятельностного подхода в философии Г. С. Батищева осуществлялось в направлении преобразования субъектности. Им была разработана экзистенциальная перспектива деятельностного подхода, что дало импульс развитию в направлении анализа индивидуального бытия как со-бытия. Подлинный диалог как «глубинное общение» означает вхождение в духовную жизнь и является ее априорным условием. Согласно подходу Г. С. Батищева, философия становится «образом жизни» и лишь потом теоретизированием о ней. Самореализация является успешной, если человек включен в достаточное количество социальных отношений. Это модель человека, которую можно назвать «человеком восходящим». В философском плане «глубинное общение» становится не только одним из способов личностной самореализации, но и бытийным состоянием человека, которое не может заменять самореализацию в практической реальности, но их синтез обеспечивает экзистенциальную полноту человеческого бытия.

Ключевые слова: Г. С. Батищев, «человек восходящий», внемлемость, другодоминантность, искание.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-135-140

В последние годы активизировалось изучение творческого наследия известного русского философа Генриха Степановича Батищева (1932–1990), издаются собрания его трудов [1, 2], в Днепропетровске в 2015 г. была впервые защищена кандидатская диссертация, специально посвященная его творчеству [3]. Кроме того, в 2009 г. в известной серии сборников исследований и воспоминаний о российских философах второй половины XX в. вышел том под редакцией академика В. А. Лекторского, специально посвященный Г. С. Батищеву [4]. Интерес к его творчеству имеет несколько аспектов, которые уже были отмечены в работах исследователей.

Наиболее целостный анализ итоговой философской концепции Г. С. Батищева провел В. А. Малахов в своих статьях «Парадигма общения в философском творчестве Г. С. Батищева» [5] и «Рыцарь устремленности» [6]. В последней даны очень точные определения специфики философского этоса и стиля Г. С. Батищева, типологической «сверхзадачи» его работы. В. А. Малахов назвал его «рыцарем устремленности», поскольку у Г. С. Батищева мышление и даже «само существование» осуществлялись «в некоем особом онтологическом регистре: утверждая его в качестве человека внутреннего духовного Пути»; и отсюда та «проникновенность батищевской проповеди человека восходящего, открытого миру, бескорыстного в творчестве, посвящающего себя служению высшим ценностям бытия» [6, с. 358, 362]. А в статье «Проблема общения в постсекулярной философии (Э. Левинас и Г. Батищев)» В. А. Малахов определил принципы: 1) ценностной вертикали; 2) этики самоотдачи; 3) «другодоминантности» как «центральные для мысли Батищева периода его творческой зрелости» [7, с. 346].

Украинская исследовательница И. Д. Буцяк также акцентировала свое внимание на итоговом, религиозном периоде его философской эволюции и отметила, что «Генриху Батищеву в своих последних публикациях удалось в академической форме (почти эзоповым языком) концептуально изложить и выразить самые существенные идеи Православия» [3, с. 9].

А. А. Хамидов в своей обзорной статье к изданию работ философа «Философская одиссея Г. С. Батищева» отмечает: «Бросим теперь беглый взгляд на философию XX столетия. Много ли мы найдём философов, для которых философия была прежде всего исканием, а не просто профессиональным исследованием? Вряд ли. А Генрих Степанович Батищев именно таким и был <...> Его работа в философии была постоянным трансцендированием. Но это было трансцендирование отнюдь не в пределах только одной, избранной раз навсегда мировоззренческой парадигмы. Так обстоит у большинства, даже у великих,

философов. Взять хотя бы Г. В. Ф. Гегеля или Э. Гуссерля, М. М. Бахтина или Э. В. Ильенкова <...> Изменения и развитие у них происходят, но выхода за пределы однажды принятого масштаба – нет. Г. С. Батищев *трансцендировал* не только малые, но и большие, т. е. мировоззренческие, парадигмы. Но преодолевал он их и оставлял позади не раньше, чем понимал их границы и ограниченность» [8, с. 9]. Собственно, это *трансцендирование мировоззренческих парадигм* и является сущностным *гносеологическим коррелятом* того, что В. А. Малахов определил как особую «модель человека» у Г. С. Батищева – «человека восходящего» или «человека внутреннего духовного Пути».

Но именно такое принципиальное трансцендирование любых данных в настоящий момент мировоззренческих опор отнюдь не означает релятивизм, как это имеет место в рамках «постмодерной» мыслительной парадигмы, но, наоборот, становится *основанием духовной устойчивости*. Как писал сам Г. С. Батищев, «духовная устойчивость – это не прочность упрямой и слепой самотождественности, но непрерывность творческого самообновления, имеющего открытую в беспредельность перспективу. Значит, субъект остается субъектом отнюдь не по инерции, а, напротив, вопреки инертности, благодаря непрерывному самообновлению» [9, с. 128].

В этой статье мы продолжим концептуализацию такого видения поздней, постмарксистской философии Г. С. Батищева, ставшей одним из вариантов русского православного любомудрия, осуществленного на языке секулярного мышления, что придает ей особую ценность в наших условиях.

Г. С. Батищевым было введено в современный научный и философский оборот понятие «глубинное общение», которое обозначает специфику тех уровней коммуникации, которые связаны с экзистенциальным становлением личностей в процессе их взаимодействия. Сам термин, по-видимому, возник в результате переосмысления наследия М. М. Бахтина, у которого встречаются выражения «бытие человека... есть *глубочайшее общение*» и «*глубинный диалогизм слова*» [10, с. 330, 336]. В батищевском понимании «глубинное общение» предстает как *особый тип человеческого поступка, приводящий к фундаментальной трансформации смысловой доминанты личности*. В европейской традиции в качестве близкого можно отметить понятие «экзистенциальная коммуникация» К. Ясперса. Основной принцип и критерий перехода от поверхностного к глубинному общению Г. С. Батищев определяет заимствованным у

А. А. Ухтомского понятием «доминанта на другого», которое означает «устремленность человека каждым своим поступком и всею жизнью не к тому, чтобы сначала требовать от других и от всего мира убедительности *для себя*, надежности *для себя*, заслуженности доверия к ним в *своих* глазах и т.п., но совсем напротив, – именно к тому, чтобы *начать с себя ради всех других* – чтобы от себя потребовать убедительности *для других* и для всего Универсума, от себя – надежности *для других*, от себя – *бытия достойным* и заслуживающим доверия *других*» [11, с. 128].

Понятие «глубинного общения» фиксирует особую бытийную установку личности, при которой культивируется её позитивная открытость Другому как носителю насущного для неё опыта, её реальная способность к саморазвитию в горизонте ответственности перед Универсумом. Развивая свою концепцию, Г. С. Батищев выделял семь основных «универсалий культуры глубинного общения»: 1) *мироутверждение* как «предпочтение не себя – Универсуму, но Универсуму – себе <...> предпочтение беспредельности без всяких условий и ограничений её *своим* заранее установленным мерилom»; 2) «универсальная взаимная со-причастность *каждого* всем субъектам в Универсуме и *всех – каждому*»; 3) «приоритет *безусловно-ценностного* отношения к миру над любыми, сколь угодно важными, но условно-локальными и исторически ограниченными началами, целями, интересами и т.п.; приоритет абсолютного над относительным, высшего над низшим, более совершенного над менее совершенным»; 4) осознанная «*доминантность на всех Других* <...> позиция *несвоемерия*... позиция принципиального *несвоецентризма*»; 5) «*предваряющее утверждение достоинства каждого другого* в неявных, виртуальных слоях его бытия, в его возможности быть *инаковым*»; 6) «*творчество как свободный дар встречи, дар междусубъектности* <...> именно глубинное общение делает возможным творчество как *сдвиг самого порога распределчиваемости*»; 7) «*со-творчество* <...> дух полифонического сотрудничества» [12, с. 126–129].

Главным содержанием глубинного общения являются процессы духовно-экзистенциального самоопределения личности, принципиально не сводимые лишь к процессам передачи информации и освоения деятельностных форм. Безусловно, наличие общего информационного и деятельностного «поля» является необходимой предпосылкой для возникновения «глубинного общения» личностей, однако последнее тем не менее остаётся «избыточным» по отношению к этому «полю». Предметная специфика «глу-

бинного общения» состоит в том, что те содержания личностного бытия и сознания, которые в данном случае становятся предметом коммуникации, не могут быть представлены *только* в виде «количества информации» и некоей форме материального знака с определённым кругом значений. Необходимыми условиями восприятия тех знаково-символических форм, посредством которых происходит «глубинное общение» личностей, является: а) «включённость» этих форм в самый широкий, до конца не рационализируемый контекст бытия субъекта общения; б) «включённость» самого субъекта общения в воспринимаемое (или передаваемое) им содержание, которая хотя бы в минимальной степени приводит к его личностной трансформации. В самом общем виде можно утверждать, что *главным критерием наличия процесса «глубинного общения» личностей (поскольку чаще всего оно однозначно не идентифицируемо для «внешнего наблюдателя») является трансформация хотя бы одной из них в сторону содержательного обогащения её «внутреннего мира», проявляющегося затем в изменениях стратегий её социального поведения.* В отличие от информационного обмена, «глубинное общение» носит характер *непредопределённости*, оно сущностно опосредовано экзистенциальной *свободой и открытостью* сознания новым смыслом.

Г. С. Батищев выделяет ключевой, аксиологически и онтологически первичный выбор, в котором определяется дальнейшая духовная эволюция человека: это выбор между «своецентризмом», при котором человек остается закрытым для мира, превращая последний в объект «освоения-присвоения», и альтернативной этому позиций (вектором самопреобразования). «Если же выбор делается решительно альтернативный, неантропоцентристский <...> то указанные своемерные ограничения отпадают, и тогда человек оказывается призванным к открытости принципиально более глубокой, многоуровневой <...> Тогда от человека требуется <...> состояние величайшей напряженности и беспощадной проблематизации самого себя, полной проникнутости со-причастностью и ответственностью <...> состояние предельного бодрствования и духовной жажды... бесхитростной *внемлемости*, внутренней тишины <...> ради того, чтобы дать в себе место *новому дарованию*. Ибо речь идёт именно о продолжающемся генезисе человека, о его незавершённом становлении» [11, с. 320–322]. Императив *предельной внемлемости дару* является основой нравственной модели «человека восходящего». В рамках этого императива «все сущее – былое, настоящее и грядущее – высту-

пает не как категорически такое, как оно “дано”, но “под вопросом”, всецело проблематизировано и проблематично <...> Весь мир для креативного отношения предстает как в себе самом незавершённый, неполный, недостроенный, и именно с позиций этого отношения субъект берет на себя обязательство и решимость устремленно *строить мир дальше* и, быть может, лучше, чем если бы он был по-прежнему предоставленным самому себе. Отсюда вырастает и способность к коренным новообразованиям в мире, но, разумеется, отнюдь не ради корыстно-человеческой пользы и не ради своемерной “самооригинальности”, а лишь ради <...> диалектики вечного совершенствования, космогенеза. Созидание человеческой культуры достойно быть посвященным не локально-земным заботам, а всекосмическому ее смыслу» [13, с. 156].

Восхождение как преобразование самой человеческой сущности в результате открытости и предельной внемлемости и открытости дару бытия и открывающимся в нем новым для человека, «запороговым» смыслам становится возможным только в результате самопроблематизации человека, его мышления и всего его мироотношения. Поэтому «недоступное человеку содержание бытия приоткрывается ему, проблематизируется и выступает как “поставленное под вопрос” лишь тогда и в той мере, в какой *сам человек* “ставит себя под вопрос”, расплавляет в себе все затвердевшее в инертной категорической определенности <...> Только отдаваясь этому огненному потоку обновления своими запороговыми слоями бытия, субъект обретает возможность приобщиться к чему-то запороговому в беспредельной и неисчерпаемой действительности» [13, с. 156–157].

Как справедливо отмечал В. Н. Шердаков, «для Батищева любой вид деятельности должен быть рассмотрен с позиций высшего смысла жизни и назначения человека», поскольку «никакая человеческая деятельность сама по себе не может породить креативное отношение человека к миру и самому себе, ценностное по своей сути отношение» [14, с. 93]. Таким образом, концепция «глубинного общения» Г. С. Батищева позволила «по-новому осмыслить проблему творчества в пересечении гносеологического, онтологического и аксиологического ракурсов, выявить принципиальные ограничения деятельностного подхода в истолковании сущности человека, преодолеть и панлогизм, и психологизм в истолковании творчества» [14, с. 93]. Очерченные смысловые и структурные аспекты философии «глубинного общения» как своего рода *креативной антропологии* открывают перспективу анализа *процессов творческого самопреобразования* человека.

Отметим, что онтологические основы глубинного общения укоренены в сущности человека как цельного телесно-душевно-духовного существа и в смысловых «архетипах» культуры, имеют самое непосредственное проявление в эмпирических ситуациях взаимодействия индивидов, групп и целых культурных общностей тогда, когда возникает либо обостренное взаимное непонимание, или же, наоборот, такое глубинное взаимное понимание, которое создает переживание «внутреннего родства». Именно эти две предельные ситуации и следует взять в качестве «модельных» для исследования глубинного общения (тогда все другие ситуации можно трактовать как смешанные или переходные). Общей закономерностью возникновения предельных ситуаций общения является то, что в них возникает конфликт или же особая близость не каких-то частных мнений и оценок людей по поводу явлений внешнего или даже их внутреннего мира, но конфликт или близость *моделей личностного бытия* и связанных с ними исходных смысложизненных и мировоззренческих ориентаций. На уровне обычного (рутинного) социального взаимодействия людей, имеющего прагматический (в широком смысле слова) характер, такого рода конфликтов или близости не возникает, поскольку сама его предметность не допускает перехода на этот уровень общения. Тем не менее прагматическая коммуникация всегда содержит в себе «пусковые механизмы» личностных конфликтов или особой близости на уровне ценностных и смысложизненных ориентаций. Эти механизмы могут «срабатывать» в конфликтных ситуациях.

Концепция «глубинного общения» стала результатом разрешения той философской проблемы, которая была сформулирована Г. С. Батищевым в качестве итога его книги «Введение в диалектику творчества» (1981). Здесь он сделал вывод: «необходимо не просто соединить и спаять воедино между субъектностью и творчеством <...> Необходимо и первостепенно важно разглядеть в этом слитном единстве, в этом глубинном тождестве тот универсальный принцип, только из которого и можно понять также и все формы их разъединенности и разорванности, все их превратные формы существования и проявления. Нет на свете более творческого дела, нежели между субъектное общение. И нет более общительного процесса, нежели творчество. Творчество по самой сути своей между субъектно. Оно есть все высшее и тончайшее в человеческом деянии, претворяемом как работа общительности» [15, с. 436].

Позднее, уже в одной из своих итоговых работ Г. С. Батищев так сформулировал онтоло-

гический статус общения: «в понятие “общение” можно вкладывать и такой смысл, который по сути онтологичен и в высокой степени мировоззренчески значим. Раскрытие его затрагивает самую сущность познания и его итоговое назначение. Речь идет уже не о коммуникативных процессах, не о поддающихся передаче и сообщению фрагментах или производных проявлениях человеческого бытия, но именно о нем самом как целостности. В последнюю следует включать и те его ярусы, которые не распределены, т. е. за пределами для деятельности и поэтому коммуникации недоступны. Это <...> сугубо бытийные отношения между людьми: отношения общения. Это такие онтологические узы, которые связывают субъектов друг с другом» [9, с. 119].

Такая онтология глубинного общения, в свою очередь, вскрывает внутреннюю парадоксальность самостановления самого субъекта, которая раскрывается и становится очевидной именно в горизонте онтологии общения. Как пишет Г. С. Батищев, «парадоксальность между субъектного общения такова: чтобы быть *самим собой*, человек должен до определенной степени быть *не совсем тем же самым*, каким был прежде. Если ему нечего принести на встречу с другим, кроме повторения самого себя прошлого, стереотипного в действиях и словах, то ему просто-напросто нечем лично быть по отношению к другому <...> Напротив, если человек при встрече с другим оказывается не просто копией себя же вчерашнего, а обогащенным новыми реальными или идеальными содержаниями жизни, если приносит другому что-то найденное и обретенное им, вновь возникшее в его душевно-духовном мире, то тем самым он и другого воспламеняет радостью духовного обогащения и обновления» [9, с. 128–129].

Гносеологическими экспликациями «креативной антропологии» Г. С. Батищева являются понятия «искание» и «опытно-философия». Первое из них непосредственно соотносится с обычным понятием познания в качестве его экзистенциальной трансформации: «исследование отличается тем, что <...> позволяет субъекту сохранить *ту же самую* онтологическую и аксиологическую позицию, помогает в попытках остаться прежним, но зато лучше и более полно оснащенным возможностями и инструментами (вектор *своецентристский*: к себе и ради себя). Задачи *искания*, напротив, зовут субъекта отправиться в путь своего становления *иным*, мотивируя это уже *не своемерными интересами, а притягательными ценностями*» [9, с. 134–135]. Поэтому в своих предельных интенциях «когнитивная и креативная устремленности резко,

антиномически расходятся между собой. Первая берет мир, предуготованный <...> таким, каков он есть, как бы кристаллизуя его. Вторая, напротив, берет мир не обязательно таким, каким она его застаёт, но могущим быть *и иным* в сколь угодно глубоких своих характеристиках. Повсюду она видит мир как чреватый своей радикальной *инаковостью*, обновляемостью, как бы “декристаллизуя” его, расплавляя в потоке порождения заново. Она принимает его так, *как если бы он создавался заново*, даже если и не вносит в него ничего нового» [13, с. 157].

К последнему типу познания – познанию как исканию и креативному созиданию смыслов – относится и философия. Исходя из этого, Г. С. Батищев пишет об изначальности «опытной» философии – «той, которая направлена не на продуцирование философских текстов для других, а на выполнение философом работы внутри своей собственной жизни и на территории своего собственного душевно-духовного мира. Это – философия как работа над самим собой, как духовно-практический опыт реального процесса “вырабатывания внутреннего человека”, – а от этого опыта, при обеспеченности этим опытом может также излагаться и повествоваться некая его проекция вовне – в виде текстов, в виде произведений» [16, с. 149].

Обоснованный Г. С. Батищевым императив предельной «внемлемости», открытости дару иной реальности, иному бытию и смыслу имеет принципиальное значение для переориентации сознания и мироотношения человека. Этим императивом сама «сущность» человека становится *свободно творимой* в модусе «бодрствования и духовной жажды», продолжая духовно-экзистенциальный «автогенезис» (самопреобразование) человека в горизонте высших ценностей. Исходя из этого, философию «глубинного общения» Г. С. Батищева можно назвать *креативной антропологией*. В ее основе лежит нравственный образ и особая жизненная модель «человека восходящего» или «человека внутреннего духовного Пути».

Список литературы

1. Батищев Г. С. Избр. произв. / под общ. ред. З. К. Шаукеновой. Алматы, 2015. 880 с.
2. Батищев Г. С. Философско-педагогические произведения : собр. соч. : в 2 т. / сост., вступ. ст., примеч. А. А. Хамидова. Бийск, 2015.
3. Буцяк І. Д. Концепція «глибинного спілкування» : філософсько-педагогічний аспект : автореф. дис. ... канд. філос. наук. Дніпропетровськ, 2015. 20 с.
4. Генрих Степанович Батищев / под ред. В. А. Лекторского. М., 2009. 336 с.
5. Малахов В. А. Парадигма общения в философском творчестве Г. С. Батищева // Генрих Степанович Батищев / под ред. В. А. Лекторского. М., 2009. С. 243–312.
6. Малахов В. А. Рыцарь устремленности. О Генрихе Батищеве и его книге // Малахов В. А. Уязвимость любви. Киев, 2005. С. 343–352.
7. Малахов В. А. Проблема общения в постсекулярной философии (Э. Левинас и Г. Батищев) // Малахов В. А. Уязвимость любви. Киев, 2005. С. 353–373.
8. Хамидов А. А. Философская одиссея Г. С. Батищева // Батищев Г. С. Избр. произв. / под ред. З. К. Шаукеновой. Алматы, 2015. С. 6–44.
9. Батищев Г. С. Познание, деятельность, общение // Теория познания : в 4 т. Т. 2. Социально-культурная природа познания. М., 1991. С. 119–135.
10. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 586 с.
11. Батищев Г. С. Не деянием одним жив человек // Деятельность : теории, методология, проблемы. М., 1990. С. 317–324.
12. Батищев Г. С. О культуре глубинного общения // Вопр. философии. 1995. № 3. С. 116–129.
13. Батищев Г. С. Познание и творчество // Теория познания : в 4 т. Т. 2. Социально-культурная природа познания. М., 1991. С. 136–169.
14. Шердаков В. Н. Г. С. Батищев : в поиске истины пути и жизни // Вопр. философии. 1995. № 3. С. 91–95.
15. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997. 467 с.
16. Батищев Г. С. Философия как работа человека над самим собой // Философское сознание : драматизм обновления. М., 1991. С. 146–151.

Образец для цитирования:

Даренский В. Ю. Философско-антропологическая концепция Г. С. Батищева: «человек восходящий» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 135–140. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-135-140.

Philosophical Anthropology of G. S. Batishhev: Conception of «Ascenting Man»

V. J. Darenskiy

Far Eastern Federal University
8, Sakharova str., Vladivostok, 690091, Russia
E-mail: darenskiy1972@mail.ru

The author considers the specifics of G. S. Batishhev's philosophy as a non-classic anthropology. The concept of «profound communication» is considered to be the fundamental principle of the relation of a person with other people, the world and the God. It has been given reason that the dialogical principle has achieved the entire development in G. Batishhev's works. It has been shown that characteristic property of «religious» dialogue is its vertical cutoff and a presence of

the "universal" ontological coordinate in dialogue, which is the God. Phenomenon of dialogue is interpreting here as a unity of individual and common in human experience. The concept of «You» («Thou») in its metaphysical sense considered here as a key of this problem, therefore the phenomenon of existential openness (being as a «My»–«You»-relation) is interpreted here as an intersubjective process of a constituting of the personal being. Special attention in this article is devoted to interpretation of «inner mechanisms» of moral activity as a phenomenon of behavior according to «dominant on Other». The logic of developing ontology of activity approach in G. S. Batishchev's philosophy was carried out in the direction of converting personal subjectivity. The existential prospect of grounding of activity approach allows G. S. Batishchev's concepts to get new impulses of development in the direction of integrity and subjectivity of individual existence as co-existence. The authentic dialogue as a «profound communication» proceed only in the field of spiritual life, and with what it takes for human beings to be formed so as to lead such a life. According G. S. Batishchev's approach, philosophy becomes «a way of life», and theorising a secondary activity, worthwhile only in so far as it served the way of life. Self-realization is successful if an individual is included in a sufficient number of social relations. This typos of person can be called «ascending man», and in philosophical terms the «profound communication» becomes not only one of the ways of the personality self-realization, but the manner of one's existence. The self-realization by «profound communication» cannot replace the self-realization in the practical reality, but their synthesis ensures more successful existential fulfillment.

Key words: philosophical anthropology, G. S. Batishhev, «ascending man».

References

1. Batishchev G. S. *Izbr. proizv.* (Selected works). Ed. by Z. K. Shaukenovoy. Almaty, 2015. 880 p. (in Russian).
2. Batishchev G. S. *Filosofsko-pedagogicheskie proizvedeniya* (Philosophy and pedagogic works). *Sobr. soch.:* v 2 t. (Collected works: in 2 vol.). Ed. by A. A. Hamidov. Biysk, 2015 (in Russian).
3. Butsyak I. D. *Konceptsiya «glibinnogo spilkuvannya»: filosofsko-pedagogichniy aspekt: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* (Conception of «profound communication»: philosophy and pedagogic aspects: autoref.diss. ... cand. of philosophy). Dnipropetrovsk, 2015. 20 p. (in Ukrainian).
4. *Genrikh Stepanovich Batishchev*. Ed. by V. A. Lektorskiy. Moscow, 2009. 336 p. (in Russian).
5. Malakhov V. A. *Paradigma obshheniya v filosofskom tvorchestve G. S. Batishcheva* (Paradigm of communication in creativity of G. S. Batishchev). *Genrikh Stepanovich Batishchev* (Genrikh Stepanovich Batishchev). Ed. by V. A. Lektorskiy. Moscow, 2009, pp. 243–312 (in Russian).
6. Malakhov V. A. *Rytsar ustremlyennosti. O Genrikhe Batishcheve i ego knige* (Knight of striving: about Genrikh Batishchev and his book). Malakhov V.A. *Uyazvimost lyubvi* (Vulnerability of love). Kiev, 2005, pp. 343–352 (in Russian).
7. Malakhov V. A. *Problema obshheniya v postsekulyarnoj filosofii* (Je. Levinas i G. Batishchev) (Problem of communication in post-secular philosophy {Je. Levinas and G. Batishchev}). Malakhov V. A. *Uyazvimost lyubvi* (Vulnerability of love). Kiev, 2005, pp. 353–373 (in Russian).
8. Khamidov A. A. *Filosofskaya odissey G. S. Batishcheva* (Philosophic travel of G. S. Batishchev). Batishchev G. S. *Izbr. proizv.* (Selected works). Ed. by Z. K. Shaukenova. Almaty, 2015, pp. 6–44 (in Russian).
9. Batishchev G. S. *Poznanie, deyatelnost, obshhenie* (Cognition, activity, communication). *Teoriya poznaniya: v 4 t. T. 2. Sotsialno-kulturnaya priroda poznaniya* (Theory of cognition: in 4 vol. Vol. 2. Social and cultural essence of cognition). Moscow, 1991, pp. 119–135 (in Russian).
10. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* (Aesthetic of words creativity). Moscow, 1986. 586 p. (in Russian).
11. Batishchev G. S. *Ne deyaniem odnim zhiv chelovek* (A man living n only in activity). *Deyatelnost: teoriya, metodologiya, problemy* (Activity: theory, methodology, problems). Moscow, 1990, pp. 317–324 (in Russian).
12. Batishchev G. S. *O kulture glubinnogo obshheniya* (About culture of profound communication). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1995, no. 3, pp. 116–129 (in Russian).
13. Batishchev G. S. *Poznanie i tvorchestvo* (Cognition and creativity). *Teoriya poznaniya: v 4 t. T. 2. Sotsialno-kulturnaya priroda poznaniya* (Theory of cognition: in 4 vol. Vol. 2. Social and cultural essence of cognition). Moscow, 1991, pp. 136–169 (in Russian).
14. Sherdakov V. N. G. S. Batishchev: v poiske istiny puti i zhizni (G. S. Batishchev: in the seeking of truth of path and life). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1995, no. 3, pp. 91–95 (in Russian).
15. Batishchev G. S. *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* (Introduction in dialectic of creativity). St. Petersburg, 1997. 467 p. (in Russian).
16. Batishchev G. S. *Filosofiya kak rabota cheloveka nad samim soboy* (Philosophy as a humans work upon mimsself). *Filosofskoe soznanie: dramatism obnoveniya* (Philosophical consciousness: dramatic renewing). Moscow, 1991, pp. 146–151 (in Russian).

Cite this article as:

Darenskiy V. J. Philosophical Anthropology of G. S. Batishhev: Conception of «Ascending Man». *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 135–140. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-135-140.

УДК 111

ЭЛЕМЕНТЫ И ОБЪЕКТЫ РУССКОЙ МИФОЛОГИИ В МАСЛЕНИЦЕ

Демченко Полина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. E-mail: polina-alex@mail.ru

В статье рассматриваются обряды и обрядовые действия Масленицы, исследуются элементы русской мифологии в этом празднике. Автор опирается на методологию философии имяславия, символическую концепцию слова и языка, а также концепцию онтологической взаимообратимости феноменов языка и времени, которая обозначена в трудах В. А. Фриауфа и В. В. Канафьевой. В публикации анализируются божества и мифологические персонажи и воплощения сил плодородия масленичного праздничного комплекса – Волос и Мокошь. Исследуется также роль природных стихий и некоторых объектов окружающего мира (огня, воды, земли, ветра, дерева, доли, души, смерти) в феномене Масленицы. Особое внимание уделяется празднованию этих славянских культов в Масленице как встречи имманентного и трансцендентного, временного и вечного. Результаты исследования позволяют предположить, что наличие данных архетипов в масленичном комплексе становится условием расширения пространственно-временного измерения и перехода к онтологической норме бытия; условием преобразования меонического бытия. Архетипы выполняют функцию взаимосвязи горнего и дольного миров. Делается вывод, что через взаимосвязь элементов русской мифологии в Масленице осуществляется преобразование бытия-кентавра как следствие перехода языка-знака в язык-символ.

Ключевые слова: праздник Масленица, онтология, символ, божество, огонь, вода, земля, ветер, дерево, смерть, душа.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-141-145

Во время ежегодных коллективных праздников, таких как Новый год, Масленица и пр., представляющих собой конец года как аналогию конца эры и мира, человек пытается возвращаться к мифу, чтобы пережить драму начала Мира. Поэтому все церемонии, сопровождающие эти праздники, четко передают их направленность, а именно возвращение ко времени живой и сакральной целостности. Попытаемся выявить взаимосвязь основных элементов масленичного обрядового комплекса с объектами русской мифологии. Обратим внимание на два блока: 1) божества, мифологические персонажи и воплощения сил плодородия, связанные с сезонными обрядами; 2) природные стихии и объекты.

Божества, мифологические персонажи и воплощения сил плодородия, связанные с сезонными обрядами

Прежде чем приступить к анализу этих элементов, напомним, что в славянской мифологии слово «бог» означает не просто «божество», но

и «долю», «богатство» («богатый» образовано в русском языке от «бог» и имело первоначально значение «наделенный хорошей долей»).

Масленица – это недельный календарный праздник. Однако именно четверг был днем начала широкой Масленицы, когда пеклись блины, начиналось шумное застолье с плясками, переходящее в массовое уличное гулянье. С четверга по селу ходили ряженные и пужалки, жители деревень катались на санях и с горы. Почему именно четверг является одним из главных дней недельного праздника Масленицы, становится понятным, если обратиться к древнерусской языческой мифологии.

В древнерусских письменных источниках четверг был днем Волоса (Велеса) – «скотского бога», бога богатства и покровителя домашнего скота [1, с. 104]. Несмотря на то, что в «Повести временных лет» имя Волоса не упоминается наряду с другими именами богов пантеона, он принадлежит к немногочисленным языческим богам, которым поклонялись на всей территории Древней Руси. Его имя использовалось при заключении договоров как клятва государственного уровня [2]. Волос считался покровителем и богом «всей Руси» в X в.

Праздник «Волосья», «Волосье» в Гродненской губернии отмечался в четверг масленичной недели: готовились обильные мясные блюда, несмотря на запрет поедания мяса в это время; начиналось радостное гулянье сначала за столом, а затем и на улице. Считалось, что уличное гулянье способствует росту числа скотины и урожаю льна. Культ Волоса имел непосредственное отношение к богатству, плодородию и жизни. В Новгородской губернии существовала связь Волоса с сельскохозяйственными культурами: «Волосовой бородкой» называлась жертва Волосу – оставленная на поле несжатая полоса колосьев, способствующая, по преданию, возвращению силы земле.

Исследователи отмечают покровительство Волоса певцам и сказителям, поэтому его культ связан с поэзией и обрядовыми песнями. Согласно «Слову о полку Игореве», Боян, или «Велесовый внук» в древнерусских письменных источниках, – вещий певец, которому доступно

то, что скрыто от обыденного сознания человека. Пение Бояна сравнивалось с колдовским магическим ритуалом, «во время которого совершается путешествие по всем мирам – верхнему, среднему и нижнему: “Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым [сизым] орлом под облакы”» [3, с. 108]. «Подлинное поэтическое творение всегда являет собою пример языка-символа. Более того – поэтическая форма есть не что иное, как перевод слов и выражений из состояния языка-знака в состояние языка-символа» [3, с. 36].

Согласно нашему подходу, празднование культа Волоса в четверг масленичной недели неслучайно: в этот день осуществляется встреча имманентного и трансцендентного, временного и вечного через преобразование бытия-кентавра как следствие перехода языка-знака в язык-символ.

В списке пантеона божеств можно выделить еще один мифологический персонаж – Мокошь, который имеет отношение к масленичной обрядности. Вспомним табуирование некоторых работ в масленичную неделю и в пятницу Масленицы: существовал запрет на грязную работу и на прядение. Этот день в языческой традиции является днем Мокоши [4, с. 176–192]. Мокошь – это единственное женское божество, верования в которое были распространены по всей территории Древней Руси. Образ и функции этого персонажа неоднозначны: с одной стороны, в северорусских говорах слово «мокоша» означает «нечистую силу», с другой – языческая Мокошь слилась с христианской святой Параскевой Пятницей [5]. Мокошь являлась покровительницей прядения и иных видов женской деятельности и выполняла функции божества плодородия, любви, рождения и судьбы.

Природные стихии и объекты в масленичном праздничном комплексе

В языческих культах огонь является не только объектом поклонения, но и посредником между божеством и человеком. *Огонь* с давних времен олицетворял живое существо, поэтому его «кормили» во время праздничных кушаний, бросая в него кусочки пищи. В древних письменных источниках говорится, что язычники зажигали костры в своих святилищах, потому считалось, что огонь – посредник между человеческим миром и миром божества, между имманентным и трансцендентным. В языческой традиции огонь был наделен посреднической функцией в погребальной обрядности, поскольку он переносил души умерших в иной мир. Во многих южнорусских

губерниях существовала традиция «греть покойника», разжигая костер. Обычно костры жгли в святочные периоды: в Новый год, Рождество, Крещение. Согласно мифологическим представлениям, в это время расширяются границы между горним и дольным мирами и становится возможным общение с предками, с потусторонними существами.

Огонь считался очистительной стихией. С ним предки связывали представления об аде, в котором грешные души, совершившие тяжкие смертные грехи, горели в вечном огне. Помимо очистительных огню приписывались целительные и продуцирующие свойства, которые использовались в архаических обрядах в дни, имеющие значение временного рубежа. Масленица являлась одним из таких праздников и имела внутреннюю связь с культом природного огня и солнца. На масленичной неделе разжигались костры и жители деревень прыгали через них, чтобы обрести здоровье.

В мифопоэтических представлениях славян огонь имел и негативное начало, которое воплощалось в образе дракона или змея. Возможно, сжигание чучела Масленицы на костре и бросание в костер различной рухляди, веников, сора являлись некими элементами жертвоприношения страшному огню.

В архаических представлениях славян *вода* – одна из основных стихий мироздания. Неслучайно во многих космологических мифах традиционных культур она рассматривается как первооснова хаоса, из которого формируется в дальнейшем мировое пространство. Вода у славян, в том числе у русских, была местом перехода имманентного в трансцендентное, границей между мирами живых и мертвых. Эта посредническая функция реализовывалась во время обрядов, требующих контакта с потусторонними силами (живая и мертвая вода).

Обряд обливания водой молодых, натирание их снегом или зарывание в снег на Масленицу у многих славян символизировали брак и направлены на продолжение рода. Считалось, что в эти дни календарных праздников после зимнего периода «открывалась земля».

Воде приписывали и очистительную функцию, что напрямую было связано с ее физическими свойствами. В Великий четверг в Вологодской губернии хозяйка дома зачерпывала воду из колодца, бросала в нее серебряную монету и затем умывала этой водой своих детей, чтобы они были здоровыми, а девушки в этот день умывались водой рано утром, чтобы сохранить красоту и быть любимыми.

В масленичной обрядности значимой была аграрная семантика. Именно в это время начинается новый аграрный год. В архаических представлениях земля являлась одной из основных стихий мироздания и источником жизни, поэтому работы на земле должны были вестись с особым почтением: запрещалось плевать на землю, не вовремя работать в поле, тревожить ее раньше времени. Несоблюдение запретов могло привести к неурожаю и засухе, поэтому первые весенние полевые работы начинались с угощения лошади перед тяжелой пахотной работой священной выпечкой – блинами и другими фигурками из теста [1, с. 164–165].

В традиционной культуре земля также олицетворяла женское начало, а для плодотворения земли необходимо было воспроизвести ее символическое оплодотворение, поэтому эротика являлась необходимым компонентом многочисленных календарных праздников, в том числе и Масленицы, поскольку магические действия, согласно архаическим представлениям, обеспечивали плодородие полей, приплод скота и детородность женщин. В масленичную неделю отношения между парнями и девушками были более свободными: допускались объятия и поцелуи; чествовали молодоженов, ожидающих первенца, особое уважение оказывалось невесте, зятю.

На русском Севере в масленичное воскресенье после ударов колокола к вечерне необходимо было всем катавшимся на санях уехать из села, при этом «гнать как на пожар». Этот эпизод масленичного обрядового комплекса имеет отношение к ветру как мифологическому природному явлению, связанному со стихией воздуха. *Ветер* наделялся свойствами демонического существа, поскольку обладал связью с потусторонним миром и был причастен к архаическим существам и богам иного мира.

В Вологодской, Новгородской, Томской губерниях считалось, что ветер возникает от дуновения ангелов. Возможно, именно этим объяснялись известные польское и белорусское поверья, когда быстрое движение включалось в ритуалы изгнания вредоносной силы, болезней и т.п., дабы не догнала нечистая сила.

Катание молодых с гор, а также пускание с горы горящего колеса с разлетающимися по ветру искрами на масленичной неделе могли быть связаны с изгнанием дьявольских сил, поскольку гора в архаическом представлении является сакральным пограничным местом между живым миром и иным. Катание с горы должно быть быстрым, потому что в рамках структуры

мифологической системы гора – и центр концентрации всевозможных магических сил, имеющих потустороннюю природу.

Интересным объектом русской мифологии в феномене праздника Масленицы является *дерево* или предметы, изготовленные из него. Чучело Масленицы насаживали на деревянный крест, привязывали к нему солому, одевали в ветхое тряпье и затем сжигали, изготавливали также деревянные шесты, с которыми обходили деревни, на них закреплялась, а потом поджигалась солома. В Тамбовской губернии было принято ставить в сани наряженную елку [6, с. 27].

В мифологии дерево в структуре мирового пространства является аналогом мировой оси, которая соединяет два мира: оно отвечает за взаимообмен между нашим и иными мирами. В архаической мифологии дерево воспринимается как символ жизни и указывает на изменение статуса человека, поскольку своими корнями связано с предками (прошлым, подземным миром), а кроной – с будущим (божественной сферой), и потому определяет судьбу человека.

Дерево является древнейшей моделью цикла, которая сочетает в себе время и пространство: время пронизывает собой пространство и растворяется в нем так, что мы можем видеть одновременно начало, середину и конец. На наш взгляд, дерево представляет собой цикл меонического времени, который синхронно охватывается эоническим временем, поэтому и чучело Масленицы является сакральным, загадочным и сжигается на огне – месте топологического разъема, раскола бытия-символа.

В масленичном комплексе можно выделить параллели не только с конкретными объектами окружающего мира, но и с абстрактными понятиями архаических представлений русской мифологии: *долей, душой, смертью*.

Доля – неоднозначное и сложное понятие в мифологии восточных славян, не только связанное с судьбой человека, но и соотношенное с понятием целого (слово «доля» связано с глаголом «делить»). Обычно в культуре традиционного общества понятие доли соотносится с образом хлеба, что неслучайно, поскольку хлеб воспринимался в земледельческом обществе как главный источник жизнеобеспечения. Именно поэтому в обрядах восточных славян, которые затрагивают какие-либо изменения в судьбе человека, всегда присутствуют действия, направленные на распределение ритуальных блюд, например, хлеба, каши и пр. Блины и другие изделия из теста воспринимались изначально как священные, поэтому приготовление блинов, совместная еда, уго-

щение бедных являлись важнейшими атрибутами масленичного комплекса. Так, осуществлялось перераспределение в погребальной обрядности доли не только покойного, но и живых.

В календарные праздники, во время которых, согласно архаическим представлениям, размывались границы между миром живых и иным миром, становилось возможным общение с *душами* предков, умерших ранее, посещение ими родных мест. Для поминания умерших родственников, предков вообще, делались блины «помянущие»: их клали на слуховое окошко, божницу или отдавали нищим с просьбой помянуть умерших родителей.

Опыт «инициатической смерти», обретение «нового человека» с преображенной, качественно новой сущностью мы можем наблюдать практически в каждом элементе масленичного комплекса – поминальных обрядах, сжигании чучела Масленицы, приготовлении блинов, сжигании старых вещей в костре и т.п. У восточных славян традиционно *смерть* воплощалась в женских персонажах – беззубой старухе, красивой девушке, женщине в белом. Разные образы смерти, возможно, связаны с тем, что в славянской мифологии она воспринималась как естественный этап, необходимый для продолжения нормального хода жизни на земле, как начало чего-то нового, иного существования, поэтому и проводы зимы во время празднования Масленицы не воспринимались как трагическое событие.

Смерть является необходимым элементом протекания процессов в меоническом бытии, поскольку через нее осуществляется не только

преодоление онтологически неполноценного состояния, но и обретение истинной сакральной традиции, в рамках которой существуют сакральные пространство и время. Смерть – это момент фиксации в одной точке пространства и времени, являющихся неподвижными по отношению к физическому меоническому времени и пространству; смерть – момент гармонизации бытия-кентавра за счет вторжения в меон ущебного бытия взаимодополняемых на энергийном уровне пространства и времени (мы говорим сейчас об эоническом измерении). Следствием этого вторжения является качественное преобразование бытия и достижение состояния бытия-символа.

Список литературы

1. Русская мифология : энцикл. М. ; СПб., 2006. 784 с.
2. Лаврентьевская летопись. URL: <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=72309> (дата обращения: 04.06.2016).
3. Фриауф В. А. Генеалогия языка и культура. Между историей и метафизикой. Саратов, 2015. 197 с.
4. Кайсаров А. С. Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов, 1993. 320 с.
5. Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Параскева Пятница // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 631– 633.
6. Алтаева П. Н. Тамбовская масленица как текст : семантика, символика и терминология обрядов (на общерусском фоне) : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. 198 с.

Образец для цитирования:

Демченко П. Н. Элементы и объекты русской мифологии в Масленице // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 141–145. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-141-145.

Elements and Objects Russian Mythology in the Maslenitsa

P. N. Demchenko

Saint-Petersburg State Institute of Cinema and Television
13, Pravda str., Saint-Petersburg, 191119, Russia
E-mail: polina-alex@mail.ru

The article is devoted to the rituals and ceremonial acts of Maslenitsa, also the elements of Russian mythology are explored. The author refers to the methodology of the philosophy of Name, the symbolic concept of speech and language, as well as the concept of the ontological mutual convertibility of language and time phenomenon, which are described in the works by V. A. Friauf and V. V. Kanafeva. The publication analyzes the deities and mythological characters and the embodiment of the fertility power of Maslenitsa complex – Volos and Mokosh'. The author

also examines the role of the natural elements and objects of the surrounding world (fire, water, earth, wind, wood, the share of the soul, and death) in the phenomenon of Maslenitsa. The special focus will be also on the celebrating Slavic cults in Maslenitsa as the intercrossing of the immanent and transcendent, the temporal and eternal. The results of the study lead to hypothesis that the presence of these archetypes in Maslenitsa becomes a condition for the expansion of space-time measurement and transition to the ontological norm of existence; the condition of the transformation of the meonic existence. The archetypes play the role of connecting the mining and partite worlds. The author concludes that in the through the relationship between the elements of Russian mythology Maslenitsa a certain transformation of the centaur- existence is carried out as a consequence of transition of the sign-language into the symbol-language.

Key words: holiday of maslenitsa, ontology, symbol, god, fire, water, earth, wind, tree, death, the soul.

References

1. *Russkaya mifologiya: entsikl.* (Russian mythology: Encyclopedia). Moscow, St. Petersburg, 2006. 784 p. (in Russian).
2. *Lavrentievskaya letopis* (Laurentian Chronicle). Available at: <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=72309> (accessed 4 June 2016) (in Russian).
3. Friauf V. A. *Genealogiya yazyka i kulta. Mezhdru istoriy i metafizikoy* (The Genealogy of the language and cult. Between history and metaphysics). Saratov, 2015. 197 p. (in Russian).
4. Kaysarov A. S. *Mify drevnikh slavyan. Velesova kniga* (Myths of ancient Slavs. The book of Veles.). Saratov, 1993. 320 p. (in Russian).
5. Levkievskaya E. E., Tolstaya S. M. *Paraskeva Pyatnitsa (Paraskeva Pyatnitsa). Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar: v 5 t.* (Slavic antiquity: ethnolinguistic dictionary: in 5 vol.). Moscow, 2009, vol. 4, pp. 631–633 (in Russian).
6. Alpatova P. N. *Tambovskaya maslenitsa kak tekst: semantika, simbolika i terminologiya obryadov (na obshcherusskom fone): dis. ... kand. filol. nauk* (Tambov maslenitsa as the text: the semantic, the symbolism and the ritual's terminology {on the all-russian background}: diss. ... cand. of Philology). Tambov, 2002. 198 p. (in Russian).

Cite this article as:

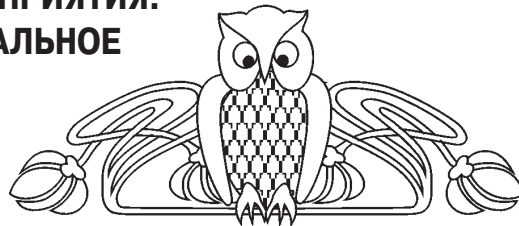
Demchenko P. N. Elements and Objects Russian Mythology in the Maslenitsa. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 141–145. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-141-145.

УДК 111

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ВОСПРИЯТИЯ: ИНФРАПЕРСОНАЛЬНОЕ И УЛЬТРАПЕРСОНАЛЬНОЕ

Дуплинская Юлия Михайловна – доктор философских наук, доцент кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.
E-mail: duplinskayay@mail.ru

В статье исследуется реальность, в которой отсутствует «настоящее» во всех смыслах этого слова: и в прямом, и переносном, в буквальном и метафорическом, в физическом и метафизическом. Время не течет от прошлого к настоящему и будущему, а совершает скачки из прошлого в будущее и из будущего в прошлое, перескакивая через настоящее. Из этого следует, что существуют градации способов быть, всегда опережающих наше бытие, и способов быть, всегда запаздывающих по отношению к нашему бытию. Выдвигается гипотеза, что реальность, как физическая, так и психическая, имеет многослойную структуру. Слои реальности – это миры, отличающиеся друг от друга степенью темпорального смещения. Выделяются слои инфраперсонального и ультраперсонального существования; проводится аналогия со спектром. Наша способность к восприятию колебаний располагается в диапазоне частот, находящихся выше зоны инфра- и ниже зоны ультра-. По аналогии выделяется инфраперсональный слой личности, находящийся ниже порога восприятия персоны, и ультраперсональный слой, находящийся выше этого порога. По мере увеличения диапазона опережения/запаздывания слои персоны трансформируются в инфраперсональное существование, а по мере уменьшения – в ультраперсональное существование.

Ключевые слова: темпоральность, слои реальности, инфраперсональное, ультраперсональное.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-146-151

На вопрос «что такое человек»? можно лаконично ответить словами А. Камю: человек – это единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть. Это нигилистическое утверждение о человеке может стать конструктивным, если отказ быть тем, что есть, интерпретировать в темпоральном ключе. Существование, отказывающееся быть тем, что оно есть, может видеть себя либо в прошлом (в воспоминаниях), либо в будущем (в проекте), но не может обрести себя в настоящем времени. Оно мечется из прошлого в будущее, фатальным образом проскальзывая мимо настоящего.

Своего рода прологом такой парадоксальной темпоральности явилось эссе С. Кьеркегора с характерным названием «Несчастнейший». Сначала Кьеркегор пытается определить, что есть «несчастное» существо. Гегелевская категория «несчастное сознание» интерпретируется им в темпоральном ключе. «Несчастнейший» – это тот,

«чья настоящая сущность так или иначе лежит вне его. Несчастнейший всегда отторгнут от самого себя, никогда не слит с самим собой» [1, с. 22], поэтому «Несчастнейший» не живет в настоящем времени. На основе этого Кьеркегор выделяет две разновидности несчастных существ: первая – это те, кто всегда осознает себя «в прошлом», т.е. живут воспоминаниями; вторая разновидность – те, кто всегда «в будущем», т.е. живут надеждами и мечтами.

Соединяя две разновидности «несчастных», Кьеркегор получает «Несчастнейшего», который живет воспоминаниями о прошлом, но прошлого как чего-либо состоявшегося у него нет: в прошлом он занимался, главным образом, тем, что мечтал о будущем, а мечты его содержали лишь проекты исправления неудач прошлого. Таким образом, «Несчастнейший» образует «петлю во времени». Его воспоминания принимают облик мечты, а его мечта принимает облик воспоминания. Несчастнейший – тот, кто «всегда надеется на то, что ему следовало бы вспоминать; его надежда постоянно не оправдывается, но когда она не оправдывается, он начинает замечать, что это зависит не от того, что цель отодвинулась дальше, но от того, что цель – позади, что он уже пережил ее или должен был пережить и, стало быть, перейти к воспоминанию. С другой стороны, он вечно вспоминает то, на что ему следовало бы надеяться; ибо будущее он постиг уже мысленно, мысленно пережил его и вспоминает это свое переживание, вместо того, чтобы надеяться на него. Таким образом, то, на что он надеется, лежит позади него, а то, что он вспоминает, лежит впереди. Его жизнь протекает не в обратном порядке, а в двойном смысле – наизнанку» [1, с. 24–25]. Итак, «Несчастнейший» «всегда ожидает то, что ему следовало бы вспоминать» и «вечно вспоминает то, чего ему следовало бы ожидать».

В последующем развитии экзистенциализма кьеркегоровский персонаж перерастает рамки курьезного прецедента и трансформируется в универсальную темпоральную схему феноменов сознания. Теперь уже самое существо сознания усматривается в непрерывной игре смещений из

будущего в прошлое и из прошлого в будущее. Здесь ничто не совпадает с собой, фатальным образом ускользая от себя; всегда находится «в другом месте», никогда не попадая в настоящее время. Экзистирующее сущее отказывается быть тем, чем оно является, и стремится быть тем, чем оно не является, имея «свое бытие вне себя, перед собой и позади себя <...> В качестве присутствующего оно не есть то, чем оно является (прошлое), и есть то, чем оно не является (будущее)» [2, с. 153], поэтому человеческое сознание, по словам Сартра, является «несчастливым сознанием по природе, без возможности выхода из состояния несчастья» [2, с. 123].

Интересно, что подобная темпоральная схема может быть отслежена не только в «макромасштабах» индивидуальной человеческой судьбы, но и в «мегамаштабах» всех великих исторических утопий. Специфика утопических проектов как раз в том, что чаемое будущее в них представляется по модели идеализированного прошлого (воспоминание, принявшее облик мечты). Но это прошлое является именно *идеализируемым*, а не реально существовавшим прошлым (мечтой, принявшей облик воспоминания). Таковы, например, взаимные отсылки от будущего к прошлому и от прошлого к будущему в марксистской утопии (первобытно-общинная – коммунистическая виды собственности). По той же темпоральной схеме выстраивалась утопия славянофилов.

Далее сходная темпоральная схема, но уже не в столь трагических интонациях, воспроизводится в постструктуралистской философии языка. Фатальное несовпадение между «означаемым» и «означающим» совершается в той же темпоральности кьеркегоровского «Несчастнейшего». Смысл существует только через взаимные отсылки по линии «прошлое – будущее» при вечном ускользании настоящего. Отсутствие смысла в точке «теперь» Ж. Делез иллюстрирует по аналогии с известным сюжетом из «Алисы в Зазеркалье»: «взаимобратимость дня до и после, а настоящее всегда убегает: варенье на завтра и варенье вчера, но не сегодня» [3, с. 15].

И наконец, уже вовсе без трагических интонаций, все в той же темпоральной схеме сегодня описывается существование микрообъектов в квантовой физике. В вакууме происходят непрерывные квантовые флуктуации, совершающиеся по аналогии с «займами» и «платежами по займам» в масштабах времени и пространства, определяемыми принципом соотношения неопределенностей В. Гейзенберга: у будущего энергия берется для прошлого, а у прошлого – для будущего. Б. Грин сравнивает микрообъект с

«маниакальным заемщиком», который «ходит от одного приятеля к другому, прося денег займа. Чем короче период времени, на который приятель может дать ему деньги, тем большую сумму он просит. Занимает и отдает, занимает и отдает – снова и снова он берет деньги в долг только для того, чтобы вскоре вернуть их», ничего при этом не выигрывая. [4, с. 86]. Продолжая аналогию, любой микрообъект – чем не «Несчастнейший» С. Кьеркегора, воспоминания которого авансируются мечтами, а мечты – воспоминаниями? Интересно, что та же темпоральная схема, возможно, применима не только в микро-, но и в мегамасштабах Вселенной как целого. Например, в квантовой космологии возникновение Вселенной понимается по тому же принципу взаимных займов энергии по линии «прошлое – будущее». В этой версии «Большой взрыв» был не чем иным, как гигантской квантовой флуктуацией первоначального вакуума.

Тот же образ «займов» и «платежей по займам» используется также в буддизме для иллюстрации пустоты и призрачности всякого существования. Человек, взявший деньги в долг, не является богатым на самом деле, а может только притворяться, что он богат. Аналогичным образом, ничто в окружающем нас мире не существует «на самом деле», а только притворяется существующим, поскольку материю и энергию для своего существования берет «займы» у других существ.

Итак, от «Несчастнейшего» как курьезного прецедента, рассмотренного С. Кьеркегором, совершился переход к осознанию человеческого существования как «несчастливого по своей природе, без возможности выхода из состояния несчастья» в философии Сартра, а затем – к онтологии, которую можно назвать онтологией «несчастнейшего из возможных миров». Эта онтология пришла на смену онтологии «лучшего из возможных миров» классического рационализма. Онтология «несчастнейшего из миров» отмечена особой темпоральной схемой – бесконечных «кредитов» и «займов» у будущего для прошлого и у прошлого для будущего. Это мир, созданный из «темпорального долга», объем которого может лишь расти, но никогда не «погашаться», в котором отсутствует «настоящее» во всех смыслах этого слова: и в прямом, и переносном, и буквальном, и метафорическом, и в физическом, и метафизическом.

Впрочем, предметом нашего исследования является не тема счастья/несчастья, а концептуальные возможности темпоральной схемы отсутствующего настоящего. От интонаций экзистенциального надрыва мы перейдем к по-

зитивистскому дискурсу: ведь можно представить *разные степени отсутствия настоящего* времени в самом конкретном – количественном смысле. Не пытаясь достичь присутствия в актуальности настоящего (как это было свойственно классической метафизике), можно попытаться представить реальность (психологическую, физическую, лингвистическую и т.д.), где степень опережения/запаздывания меньше, чем у нас, или больше, чем у нас. Мы покажем, как количественные градации в степени опережения/запаздывания изменяют качественное строение реальности.

И кьеркегоровский «Несчастнейший», и хайдеггеровское Dasein могут иметь *количественные* градации, соответствующие большей или меньшей степени экзистенциального проброса в прошлое и будущее. Им соответствуют различные *слои существования персоны*. Максимальная степень экзистенциального проброса в прошлое/будущее формирует уровень *личного мифа*. Этот слой персоны конституирует весь сценарий жизни, далее личный миф «Несчастнейшего» дробится на сценарии различных частных проектов. В каждом из них воспроизводится по фрактальному принципу все тот же общий паттерн «кредитов» и «займов» у будущего для прошлого и у прошлого для будущего; паттерн достижений/неудач, иллюзий/разочарований. Рассмотрим, каким образом *количественное изменение* времени темпорального проброса приводит к *качественным изменениям* в личности. Предпримем мысленный эксперимент: усилим мысли начнем совершать поэтапное сокращение темпорального зазора между экзистенциальными пробросами в прошлое/будущее в одном и том же сценарии существования. Качественные изменения в этом случае будут совершаться по логике *самопародирования исходного сценария*. По мере сближения прошлого и будущего в рамках персонального проекта сначала трагедия превращается в драму, затем драма – в комедию. Не по этому ли принципу совершается эволюция литературных сюжетов и жанров: от мифа к трагедии, от трагедии – к драме, от драмы – к комедии? По мере уменьшения темпорального зазора между воспоминанием и мечтой кьеркегоровский «Несчастнейший» из трагического героя будет трансформироваться в комедийного персонажа, демонический злодей в пошляка и т.д.

Мы выдвигаем *гипотезу многослойной структуры реальности*. Если всякое существование проскальзывает мимо настоящего и оказывается либо в состоянии «еще не...», либо в состоянии «уже не...», то, очевидно, можно пред-

ставить себе *миры, более опережающие и более запаздывающие*, и *миры, менее опережающие и менее запаздывающие*, чем наш мир. Повидимому, существует градация способов быть, всегда опережающих наше бытие, и существует градация способов быть, всегда запаздывающих по отношению к нашему бытию. Можно предположить, что существуют: 1) *слои физической реальности* с большим или меньшим значением планковской величины, характеризующей максимально возможную степень приближения к точке «здесь» и «теперь»; 2) *слои дискурса* с большей или меньшей степенью темпорального несовпадения между означаемым и означающим; 3) *слои восприятия* и соответствующие им интендируемые миры с большими и меньшими темпоральными пробегами ретенций и протенций; 4) *слои персоны* с большим или меньшим экзистенциальным пробросом в прошлое и будущее. Многослойной структуре реальности соответствует многослойная структура феноменов сознания.

Проведем своеобразный *мысленный эксперимент по изменению темпоральной структуры восприятия*. Мы воспринимаем окружающий мир в отчетливых образах, но реальность образов – это всегда «опережающе-запаздывающий» мир, который проскальзывает мимо актуальности события. Отчетливые образы возможны, только если есть отсрочка: 1) *запаздывание* восприятия за непосредственным соприкосновением с вещью; 2) *предвосхищение* восприятия – апперцепция. Чтобы воспринимать ясно и отчетливо, мы должны предвосхищать события и запаздывать за событиями, запаздывать и предвосхищать. Наше восприятие, как бытие кьеркегоровского «Несчастнейшего», «ожидает то, что ему следовало бы вспоминать» и «вспоминает то, чего ему следовало бы ожидать». Время восприятия является смещенным по отношению к времени воздействующего события. То, что мы считаем «реальным миром», это картина, созданная темпоральной дистанцией. Реальность, с которой мы сталкивались бы «лоб в лоб», в момент актуального настоящего, не могла бы быть воспринятой в виде ясных и отчетливых образов, пример тому – феноменологическая реконструкция жизненного мира амебы немецким зоопсихологом Я. фон Икслюлем [5, с. 164–165].

Теперь попробуем представить, что темпоральный зазор между запаздыванием и предвосхищением события все более и более *сокращается*. Как будет выглядеть реальность для восприятия с *меньшей* степенью опережения/запаздывания? И, наоборот, попробуем представить, что темпоральный зазор между запаздыванием

и предвосхищением события все более и более *увеличивается*. Как будет выглядеть реальность для восприятия с *большой* степенью опережения/запаздывания?

Представим, что перцепция все более и более сближается с апперцепцией, что «реальность» воспринимаемых объектов все более и более сближается с «реальностью» ожиданий, намерений и целей. По мере такого взаимного сближения, очевидно, будет совершаться двуединый процесс: 1) отчетливые границы образов будут все более и более растворяться; 2) ожидания и намерения, наоборот, будут приобретать все большую и большую плотность. Будет совершаться двуединый процесс растворения образов и оплотнения намерений. С одной стороны, отчетливые границы образов начнут постепенно растворяться в динамике сил и потоков интенсивностей, с другой стороны, «бестелесность» целей, ожиданий и намерений начнет постепенно наращивать степени интенсивности до плотности силовых потоков. Итак, ***если бы мы воспринимали мир в актуальности чистого настоящего, тогда мир казался бы сотканным лишь из чистой динамики сил, интенсивностей и потоков интенсивности.*** В этой динамике растворилась бы определенность всех границ, с которыми для нас связана реальность мира «вещей», из мира объектов мы попали бы в мир «*тональностей*».

Из этого следует гипотеза ***многослойного строения субъекта восприятия, который представляет собой нечто наподобие матрешки или луковицы.*** Тогда через переключение восприятия с более дистанцированных на менее дистанцированные слои и наоборот можно попадать в разные слои реальности, а для взаимного восприятия живых существ возможно состояние, в котором оболочки одного организма становятся «прозрачными» для другого. Речь можно вести также о ***многослойном строении организма***, поскольку слоям восприятия соответствует многослойное строение нервной системы. Тело в этом аспекте рассматривается как серия вложенных друг в друга организмов, также образующих нечто наподобие матрешки или луковицы. Ведь процесс усложнения, как нервной системы, так и всего организма, совершался по логике образования складок и дифференциации поверхностей на внешние и внутренние. Смыслом такого усложнения складчатой поверхности является, очевидно, *увеличение пространства дистанции и удлинение времени отсрочки* между внешним воздействием на организм и ответной реакцией. Рецепция, за которую отвечают наружные слои,

все более и более отделяется от перцепции и анализа, которые теперь осуществляются слоями, погруженными внутрь организма.

Если для ясного и отчетливого восприятия необходима серия отсрочек непосредственного соприкосновения с внешней средой, то для возникновения сознания, а затем и возникновения «Я» необходимы *дополнительные отсрочки*, обеспечивающие возможность внутренней самоотнесенности субъекта. Если сознание обеспечивается возможностью самоотнесенности восприятия, то «Я» (личность) – это еще один шаг в формировании самоотнесенности. Как сознание, так и «Я» по своей природе диалогично: «Я» существует как интериоризация «взгляда Другого» во мне. Все эти «Другие во мне», «Я в других» и т. д. могут существовать только при условии новых и новых отсрочек, обеспечивающих возможность дистанции от самого себя. «Невроз представляет собой преувеличенную форму того, что, по мнению Мида, должно быть применимо ко всем нам, а именно, что наше знание никогда не может поспевать за тем, что мы только что сделали, так как это доступно кому-то, кто нас близко знает» [5, с. 44–45]. Таким образом, серия вложенных друг в друга субъектов восприятия получает продолжение в серии вложенных друг в друга личностей. Личность («Я») также имеет слоистую структуру наподобие матрешки или луковицы.

Выскажем очередную гипотезу. Возможно, следует выделить слои, которые мы назовем ***инфрAPERсональным*** и ***ультрAPERсональным*** существованием. Проведем аналогию со спектром: наша способность к восприятию колебаний располагается в диапазоне частот, находящихся *выше зоны инфра* и *ниже зоны ультра*. Нельзя ли по аналогии выделить инфрAPERсональный слой личности, находящийся *ниже* порога восприятия персоны, и ультраAPERсональный слой, находящийся *выше* этого порога? Можно допустить, что по мере дальнейшего *увеличения* опережения/запаздывания слои персонального существования трансформируются в *инфрAPERсональное* существование, а по мере *уменьшения* – в *ультрAPERсональное* существование.

Рассмотрим *инфрAPERсональное существование*: в этой зоне временной интервал пробросов из прошлого в будущее и из будущего в прошлое *больше*, чем в экзистенциальных пробросах бытия персоны. Попробуем представить, что будет происходить по мере взаимного отдаления опережающих и запаздывающих миров. Очевидно, в этом случае *образы реальности начнут трансформироваться в автоматизмы программ.*

Инфранерсональное существование можно рассматривать в связи с гипотезой, которая не раз высказывалась как в философии, так и в науке. Согласно ей, наше тело состоит из совокупности маленьких «душ», или «сознаний», которые живут в ритме более медленном, нежели существование персоны. В классической философии эта идея высказывалась Г. В. Лейбницем, представлявшим все уровни онтологии как кишение монад, различающихся между собой лишь степенью ясности и отчетливости созерцания, в неклассической философии – А. Бергсоном, Ж. Делезом (Ж. Делез ввел в философию термин «личинка субъекта»). Исследователи Г. Бейтсон, Ф. Варела, У. Матурана считают, что можно говорить о наличии некоего аналога психических и ментальных процессов, а также подобии разума и даже сознания в любых системах, где имеются замкнутые каузальные цепи обратной связи.

В таком качестве *инфранерсональное существование* можно рассматривать также в связи с процессами технологической эволюции. По сути дела, технологическая эволюция совершается по той же логике формирования новых и новых дистанций – отсрочек, как и эволюция биологическая. Не является ли дальнейшее развитие всех познавательных средств, не только органических, но и технологических (приборов, техники эксперимента и т.д.), тоже не чем иным, как созданием новых отсрочек непосредственного соприкосновения с реальностью и дополнительных смещений во времени? Технику иногда сравнивают с «искусственными органами» человека, эволюция которых приходит на смену эволюции органов естественных. «Искусственные органы», подсоединяясь к органам естественным, еще более удлиняют пространство дистанции и время отсрочки и производят тем самым дальнейшее разделение «рецепторов» и «анализаторов», «центров управления» и «центров действия». В русле той же самой логики можно представить продолжение эволюции человека: следующим шагом может быть формирование не просто новых «искусственных органов», но «искусственных личностей» – своего рода «органов-личностей», или дистанционно управляемых «квазиперсон». Это уже не фантастика, а реальные технологические проекты, получившие название «Аватар». В рамках такого технопроекта, предложенного инициативной группой ученых, был разработан обобщенный план проекта создания искусственного тела человека. Проект включает направления, получившие название «Аватар А» – небиологическое антропоморфное искусственное

тело человека, дистанционно управляемое через интерфейс «мозг-компьютер», «Аватар Б» – создание искусственного тела, пригодного для трансплантации в него головного мозга человека в конце жизни, «Аватар В» – создание методики переноса нематериальной структуры сознания человека в полностью искусственное тело и «Аватар Г» – создание тела из нанороботов и тела-голограммы.

Теперь рассмотрим *ультранерсональное существование*: в его зоне находятся процессы сверхбыстрой психической динамики. В ультранерсональный слой мы сможем попасть, если попробуем поймать «пред-зарождение» мысли до того, как она обретает предметное воплощение и становится мыслью «о чем-то». Кто-то из поэтов, попытавшись «подсмотреть» состояние, предшествующее появлению стихотворных строк, нашел для него очень удачную метафору – «интенциональный ветер»: перед появлением словесно или образно оформленной мысли начинает дуть «интенциональный ветер». Состояние «интенционального ветра» кажется чем-то мимолетным, но не потому, что оно таково в себе самом, а потому, что мы не способны длительное время удерживать это состояние в фокусе внимания. Акт самонаблюдения схватывает его только на одно мгновение, постоянно «соскальзывая» то в опережающие, то в запаздывающие слои сознания. Попробуем удержать в себе восприятие «интенционального ветра» чуть дольше, и мы почувствуем, что он может иметь не меньшее разнообразие качественно различных состояний, вариаций и оттенков, чем и мир образов. Качества этого интенционального потока также могут ощущаться в метафорах смещения от более дистантных к менее дистантным органам перцепции. До воплощения в образе (что соответствует установке на зрительное восприятие) интенциональный поток имеет «тональность» (установку на слышание), а до этого – некие качества, которые можно сравнить с ощущением большей или меньшей плотности, давления и т.д. (установку на осязание). Например, П. Флоренский считал очевидным, что мысли имеют не только «цвет», но и «вкус», «запах» и качества осязаемой плотности. Автору этих строк также доводилось улавливать пред-зарождение мысли, когда появление той или иной предметно отнесенной идеи (например, философской концепции) предварялось своего рода предощущением перепадов плотности и абстрактной динамики топологических трансформаций пространства.

Современные феноменологические исследования сознания показали, что в основе пред-

ставления и мышления, как логического, так и лингвистического, находятся «сверхбыстрые кинестетические образные схемы», которые связаны с кинестетическими переживаниями абстрактной пространственной динамики. «По-видимому, такая абстрактная пространственная динамика также составляет часть микрогенеза распознавания слов <...> при подпороговом предъявлении слов, значение которых невозможно явно определить, они тем не менее могут ощущаться как высокие, тяжелые, глубокие,

широкие и так далее. Это отражает сверхбыстрые структуры живых линий в самом языке» [5, с. 276].

Список литературы

1. Кьеркегор С. Несчастнейший. М., 2011. 368 с.
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2000. 639 с.
3. Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. 298 с.
4. Грин Б. Элегантная Вселенная. М., 2005. 288 с.
5. Хант Г. О природе сознания. М., 2004. 555 с.

Образец для цитирования:

Дуплинская Ю. М. Феноменология многослойного восприятия: инфраперсональное и ультраперсональное // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 146–151. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-146-151.

Phenomenology of Multilayered Perception: Intrapersonal and Ultrapersonal

Yu. M. Duplinskaya

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politehnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: duplinskayay@mail.ru

In article the reality in which there is no «present» in every sense of this word is investigated: and in direct and figurative; in literal and metaphorical; in physical and metaphysical. The time doesn't pass from the past to the present and the future, but makes jumps from the past in the future and from the future in the past, jumping over the present. It follows from this that there is a gradation of ways to be, always advancing our being. Also there is a gradation of ways to be, always late in relation to our being. The hypothesis is put forward, that the reality, both physical, and mental, has multilayered structure. Layers of reality are the worlds differing from each other in extent of temporal shift. Layers of intrapersonal and ultrapersonal existence are allocated. An analogy to a spectrum is considered. Our ability to perception of oscillation settles down in the range of the frequencies which are above a zone of an infra and zones ultra are

lower. By analogy, the intrapersonal layer which is below a level of perception of the person is allocated. And the ultrapersonal layer which is above this level.

Key words: temporality, reality layers, intrapersonal, ultrapersonal.

References

1. Kierkegaard von S. *Enten-Eller*. Kjøbenhavn, 1843. 368 p. (Russ. ed.: Kjerkegor S. *Neschastneyshiy*. Moscow, 2011. 368 p.)
2. Sartre J.-P. *L'être et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique*. Paris, 1943. 722 p. (Russ. ed.: Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto*. Moscow, 2000. 639 p.)
3. Deleuze G. *Logique du sens*. Paris, 1969. 391 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Logica smysla*. Moscow, 1995. 298 p.)
4. Greene B. *The elegant universe*. New York, 1999. 448 p. (Russ. ed.: Gren B. *Elegantnaya vseennaya*. Moscow, 2005. 288 p.)
5. Hunt H. T. *On the nature of consciousness*. New Haven; London, 1995. 358 p. (Russ. ed.: Hunt H. T. *O prirode coznaniya*. Moscow, 2004. 555 p.)

Cite this article as:

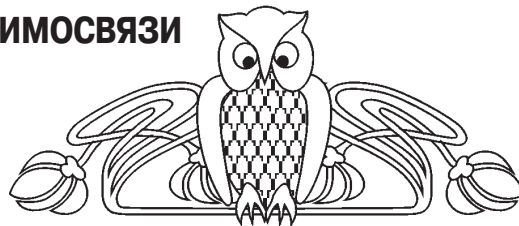
Duplinskaya Yu. M. Phenomenology of Multilayered Perception: Intrapersonal and Ultrapersonal. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 146–151. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-146-151.

УДК 1:316

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ: ЛОГИКА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ

Клементьев Борис Семенович – кандидат философских наук, профессор кафедры этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: dumoy-son@mail.ru

Статья посвящена исследованию процессов глобализации в контексте современности и специфики трансформации глобального общества. На фоне глобализации происходит деформация существующих субъектов, что зачастую представляется исследователями социума как нечто, уничтожающее социальную солидарность. Особое место в контексте поставленной проблемы отводится исследованию дихотомии «коллективное – индивидуальное». В исследовании последовательно рассматривается и критикуется господствующая в современности гипотеза, согласно которой глобализационные процессы стимулируют процессы индивидуализации. В противовес данному мнению автор предлагает рассматривать процессы глобализации через призму трансформации основания коллективной индивидуальности. В статье иллюстрируется механизм растворения национальной и культурной идентичности, предлагаются критерии, на основании которых можно строить прогноз о том, какая культура окажется поглощенной. При рассмотрении процесса разложения национальной идентичности в контексте сетевой структуры социума утверждается, что параллельно сети национальных и культурных сообществ формируется новая, более прочная сеть на основе новых отличительных признаков: на смену уходящим в прошлое национальной, культурной идентичности приходит мировоззренческая, поэтому можно говорить о том, что хотя процессы индивидуализации приобретают сегодня большую значимость, вопрос об индивидуальности как характерной черте современности нельзя ставить столь однозначно.

Ключевые слова: глобализация, индивидуальность, социальная солидарность, идентичность, культура, политика, традиция.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-152-155

Общественное сознание претерпевало разнообразные трансформации на протяжении человеческой истории. И именно в последние полвека на фоне всеобщей глобализации эти процессы приобрели принципиально важное значение, в первую очередь потому, что стали тотальными и необратимыми. Среди представителей гуманитарных наук все чаще встречается мнение об устоявшейся глобальной тенденции отхода от коллективного сознания к индивидуальному. Она, безусловно, заслуживает внимания и рассмотрения как на теоретическом, так и на практическом уровнях гуманитарного знания. Индивидуализация общества проявляется в разнообразных внешних процессах, рассмотрим наиболее яркие из них.

Прежде всего, сама тенденция потребности в индивидуализации, как правило, связывается исследователями с процессами глобализации. Наиболее яркий в этом отношении пример – размывание рамок национальной идентичности. Как указывал Ю. Хабермас [1], в эпоху глобализации можно сказать, что времена национального государства прошли и, хотя национальные государства, очевидно, еще будут существовать некоторое время, роль государств как субъекта национальной политики отойдет на второй план.

Глобализация представляет собой тотальное подчинение всей планеты единому принципу, и основания этого принципа определяют характер глобализации. Если говорить о политической глобализации, то наиболее распространенным и мощным является экономический принцип. Именно торговле современное мировое сообщество обязано большей частью глобальных связей, и если иные факторы, скорее, являлись разделяющими, то именно обоюдная финансовая выгода становилась консолидирующим основанием. На экономическом принципе базируются те мощные образования, которые могут составить реальную конкуренцию национальным государствам, – транснациональные корпорации. Исходя из обоюдной финансовой выгоды формируются блоки государств, т.е. экономические факторы плавно перетекают в политические.

Одна из принципиально важных сторон глобализации – стирание прежних политических границ и формирование новых надгосударственных объединений на иной, экономической основе, поэтому правомерна постановка вопроса: является ли усиление роли транснациональных корпораций процессом, преодолевающим принцип политического? Однако описанные процессы – это не отказ от принципа политического разделения вообще, но его видоизменение, где национальное основание уходит на второй план перед основанием экономическим. В риторике специалистов-глобалистов существует некая априорно негативная трактовка принципа политического, направленная против сторонников экономического подхода, а экономический фактор рассматривается ими как что-то однозначно положительное.

Другая сторона глобализации, на которую сегодня обращают свое внимание исследователи в области гуманитарных дисциплин, – размытие культурных границ и индивидуализация субъекта через постановку себя вне культурного контекста. Часть исследователей культуры весьма настороженно относятся к процессам глобализации, например, Магади Абд аль-Хафиз настаивает на закономерности глобализации как продукта своего времени: «Сама по себе она [глобализация] не является ни позитивным явлением, ни явлением негативного свойства. Это комплекс объективных процессов, не зависящих от воли индивидов и наций. Его можно использовать в интересах человека и всего человечества, если обеспечить уважение культурных и иных различий между людьми, – важнейшую предпосылку для построения мира, опирающегося на равновесие между различными видами исторического опыта» [2, с. 38].

Факт утраты национальной идентичности признается в той или иной мере всеми исследователями общества. Однако этот процесс весьма неоднозначен, поскольку, как показывает практика, происходит культурная диффузия, которая далеко не всегда приводит к утрате прежней идентичности и полному отказу от традиций своего народа. Попадая в чуждую культурную среду, мигранты формируют сложную форму идентичности, в которой содержатся как элементы, традиционные для их народа, так и новые, заимствованные из культуры страны, в которую они переехали. Это касается и мигрантов из «неблагополучных» стран, направляющихся в США и страны Западной Европы.

Исходя из имеющегося исторического опыта, на Западе сложились два основных сценария культурной ассимиляции: «плавильный котел» и мультикультурализм – «салатница». Если некоторые страны, например Канада или Австралия, изначально сделали установку на мультикультурный сценарий «салатницы», где каждый мигрант может приобрести новую идентичность, не теряя старой, то другие, в частности США, долгое время отстаивали идею «плавильного котла» – формирования новой идентичности взамен старой. Думается, реализацию последнего сценария может себе позволить только многочисленная сильная культура, способная «переварить» культуру мигрантов. Но сегодня даже США – родина идеи «плавильного котла» – все чаще вынуждена обращаться к политике мультикультурализма. Закономерно задать вопрос: почему нация, созданная некогда из разрозненных европейских национальностей, сегодня не может противостоять мигрантам?

Ответ на этот вопрос логично искать, исходя из принципов формирования национальной

идентичности. Можно выделить три основных условия, которые необходимы для того, чтобы поглощение одной культурой другой было возможно: 1) численное превосходство представителей культуры поглотителя над представителями поглощаемой; 2) близость культур; 3) устойчивость культуры-поглотителя, по сравнению с поглощаемой. Соответственно, чем менее близки культуры и чем устойчивее поглощаемая, тем более должно быть численное превосходство культуры-поглотителя. Так, в процессе ассимиляции американской культурой европейских мигрантов последние сталкивались с достаточно близкой для себя культурной средой. Кроме того, в данном случае и культура-поглотитель, и поглощаемая были открытыми, мягкими, и готовыми к преобразованиям. Это стало залогом успешной «переплавки» разрозненных европейских этносов и присоединения их к американской нации.

Когда же речь идет о мигрантах из третьего мира, мы имеем дело с обратной ситуацией: несмотря на многочисленность представителей американской культуры ввиду ее открытости, с одной стороны, закрытости культуры мигрантов – с другой, и тем, что эти культуры далеки друг от друга, с третьей, сценарий «плавильного котла» не может быть осуществлен. Все это так же справедливо в отношении европейских стран с той поправкой, что малая численность, каждой в отдельности, ставит их в еще более проигрышное положение, по сравнению с мигрантами.

Однако было бы заблуждением полагать, что процессы разложения национальной идентичности затрагивают только западные нации. Если ранее практически все цивилизации существовали изолированно друг от друга, сводя контакты к минимуму, то в глобальном мире им закономерно приходится пересекаться и сосуществовать. Ж.-Ф. Лиотар, называя это признаком постмодерна, писал о вытеснении множеством тотального и абсолютного единства [3]. Из-за потока переселенцев, направляющихся из стран Азии и Африки в европейские и американские города, появляются целые кварталы, населенные не европейцами. Многие из них продолжают жить в соответствии со своей прежней культурой, но многие пытаются ассимилироваться и проникнуться новой для себя [4]. Поскольку кварталы переселенцев населены отнюдь не моноэтническим населением, процесс перехода от доминирования одной культуры к их сосуществованию происходит гораздо быстрее: национальное отходит на второй план, уступая место иным формам идентичности – от религиозных общностей до микрокультур, сформированных в стране проживания.

О переходе такого рода говорили также Т. Лукман и П. Бергер, указывая, что по мере отчуждения реальной жизни людей от устоявшихся

социальных структур самоидентификация с этими структурами становится нецелесообразной [5]. Таким образом, процесс самоидентификации оказывается свободным от внешних структур и человек получает возможность конструирования собственного «я» из свободно избираемого набора идентичностей.

Процессы глобализации и принципы мультикультурализма снимают необходимость для любых меньшинств соответствовать традициям, нормам и ценностям большинства. Ряд исследователей видит в этом проявление индивидуализации личности [6]. Если более внимательно рассмотреть специфику поведения меньшинств в глобальном обществе, можно проследить устойчивую тенденцию к формированию ими собственных норм и ценностных установок, которые они не только соблюдают сами, но и пытаются активно транслировать вовне, оказывая влияние на становление идентичности устоявшегося большинства. Так, весьма показательным поведением арабских мигрантов в западных странах, которые не только предпочитают видеть своих женщин в традиционной одежде, но и время от времени высказываются о том, что местным женщинам стоит одеваться менее вызывающе. По мнению же культурного большинства стран, принимающих мигрантов, именно переселенцы должны соответствовать сформированной европейской культуре, и, как показывает пример Франции, европейцы эту позицию готовы отстаивать.

Современное глобальное общество строится по принципу сетевой структуры, узлами которой являются отдельные культурные или иные общности. Для того, чтобы мир находился в относительном равновесии и порядке, для каждой из этих общностей должны быть выработаны единые правила существования. Европейские государства долгое время существовали в соответствии с подобными принципами, и ценностные и культурные установки всех европейских наций были приблизительно одинаковыми. Сегодня, по мере стандартизации образа жизни, существовавшие ранее незначительные различия стираются, формируя единую европейскую идентичность.

Процессы разложения национальной идентичности у многих исследователей социальной реальности вызывают стойкие опасения. Наряду со становлением глобального общества как новой формы существования мира формируются новые ценностные установки, одной из которых и является стремление к гипертрофированной индивидуальности и закономерный отказ от традиционных взаимосвязей.

Одним из признаков вовлечения европейцев в реальность глобального общества является также их установка на инфантилизм и гедонизм. Система социальных государств и обеспечения

людей, оказавшихся не приспособленными к экономическим реалиям, привели к неожиданным последствиям: учитывая размер пособия по безработице, многие могут не работать. Так сформировалась тенденция «идейной безработицы», представители которой принципиально живут на пособие. Этой деструктивной тенденции наиболее подвержены молодые люди, что приводит к выводу из среды производства целых поколений европейской молодежи; образовавшуюся пустоту занимают представители некоренных народов, т.е. снижается экономическая занятость коренного населения. Этот фактор – не единственная причина безработицы европейской молодежи, но учитывать его стоит.

Другим проявлением этой же тенденции становится отказ от семьи, что постепенно приводит европейские народы к демографическим проблемам. Учитывая, что представители стран «третьего мира» демографически прогрессируют, ставится под вопрос сам факт физического существования европейских наций. Демографическая неравномерность приводит к другому, возможно, еще более значимому следствию: европейское население стареет, если сравнивать его с неевропейским. Так, М. Маяцкий отмечает: «Сегодня европеец стар по сравнению с прочим миром. От кого же ему ждать полагающихся старику заботы, такта, внимания, лечения? От тех, кто молод или, по крайней мере, моложе. И кого, чисто статистически, все меньше и меньше. Ксенофобские реакции, сегодня процветающие на антиисламской и/или антиизраильской волне, кроме своей архаичности-атавистичности в принципе, несостоятельны еще и экономически. Завтра миллионам европейских стариков будет некому подать стакан воды, не окажись под рукой приезжий или потомок приезжего» [7].

Следует отметить, что вопросы, связанные с влиянием возраста и межпоколенческих связей, еще недостаточно изучены и их влияние на глобальные процессы формирования идентичности недооценены. При этом уже сегодня нельзя не отметить, что между, например, европейцем-подростком и подростком-китайцем общих точек соприкосновения гораздо больше, чем между европейцем-подростком и взрослым европейцем. Единая информационная среда, общие проблемы молодежи, независимо от страны проживания и культурной традиции, делают возрастную идентичность более стойкой и значимой, чем, например, национальную.

Нестабильное положение молодежи во многом обуславливает процессы размывания идентичности. Если ранее у нее приоритетной была установка поиска своего места в социуме, то сегодня популярна другая тенденция – «уход в себя», что объясняется не столько внутренним

состоянием человека, сколько внешними социальными факторами. Это процесс проявляется в прекариате, или временной занятости.

Подводя итоги, можно сказать, что глобализационные процессы оказали существенное влияние на самоидентификацию личности. Размытие межгосударственных и межнациональных границ разрушительным образом сказалось на национальной и культурной идентичности человечества, преимущественно молодого поколения. Однако, как показывает анализ проблемы, нельзя утверждать, что вместе с глобализацией общество вступило на путь однозначной индивидуализации. Естественная потребность в принадлежности к той или иной общности стабильно сохраняется, в то время как формы групповой идентичности изменяются. По мере отхода национальной и культурной идентичности на второй план более значимыми становятся новые формы идентичности – возрастная, профессиональная, религиозная, ценностная. Приоритетной формой идентичности в глобальном мире является ценностно значимая,

в отношении которой для человека определяющим является то, что он избрал ее самостоятельно.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Политические работы / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М., 2005. 368 с.
2. Аль-Хафиз М. Метаморфозы самобытности и вызовы глобализации // Культурная идентичность и глобализация: докл. и выступления. Пятый междунар. философ. симп. «Диалог цивилизаций: Восток–Запад» (Москва, 27–28 апреля – 4–5 мая 2001 г.). М., 2002. С. 38–49.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.; СПб., 1998. 160 с.
4. Тишунина Н. В. Современные глобализационные процессы: вызов, рефлексии, стратегии // Глобализация и культура: аналитический подход. СПб., 2003. С. 5–24.
5. Berger P. L., Luckmann T. The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. N.Y., 1996. 276 p.
6. Hardt M., Negri A. Empire. Harvard, 2001. 478 p.
7. Майяцкий М. Курорт Европа // Прогнозис. URL: www.prognosis.ru/news/world/2005/12/9/maiatsky.html (дата обращения: 30.04.2016).

Образец для цитирования:

Клементьев Б. С. Глобализация и индивидуализация: логика социально-философской взаимосвязи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 152–155. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-152-155.

Globalization and Individualization: Logic of Social and Philosophical Interrelation

B. S. Klementev

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: durnoy-son@mail.ru

Article is devoted to a research of processes of globalization in the context of the structure and specifics of transformation of global society. Against the background of globalization there is a deformation of the existing subjects that often is represented researchers of society as something, destroying social solidarity. The special place in the context of the delivered problem is allocated to a dichotomy research «collective – individual». The author criticizes the dominating theory that because of globalization there is individualization. As opposed to this opinion the author suggests to consider processes of globalization through a prism of transformation of the basis of collective identity. In article the mechanism of dissolution of national and cultural identity is illustrated, criteria based on which it is possible to build the forecast about what culture will be absorbed are offered. The author comes to a conclusion that parallel to network of national and cultural communities new, stronger network on the basis of new distinctive signs is created. To replace consigning to the past of national, cultural identity world outlook identity comes, so, it is possible to say that though processes of individualization purchase the big importance today, as characteristic feature of the present can't put a question of identity so unambiguously.
Key words: globalization, identity, social, solidarity, identity, culture, policy, tradition.

Cite this article as:

Klementev B. S. Globalization and Individualization: Logic of Social and Philosophical Interrelation. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 152–155. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-152-155.

References

1. Habermas J. *Ausgewählte Politische Schriften*. Sonderband, 1977. 416 p. (Russ. ed.: Khabermas Yu. *Politicheskie raboty*. Per. s nem. B. M. Skyratova. Moscow, 2005. 368 p.).
2. Al-Khafiz M. Metamorfozy samobytnosti i vyzovy globalizatsii (The metamorphoses of originality and globalization calls). *Kulturnaya identichnost i globalizatsiya: dokl. i vystupleniya. Pyaty mezhdnar. filosof. simp. «Dialog tsivilizatsiy: Vostok – Zapad»* (Cultural identity and globalization. Reports and speeches. The fifth international philosophical symposium «The dialogue of civilizations: the East – the West» {Moscow, April, 27–28th – May, 4–5th, 2001}). Moscow, 2002, pp. 38–49 (in Russian).
3. Lyotard J.-F. *La Condition Postmoderne*. Paris, 1979. 108 p. (Russ. ed.: Liotar J.-F. *Sostoyanie postmoderna*. Per. s fr. N. A. Shmatko. Moscow; St. Petersburg, 1998. 160 p.).
4. Tishunina N. V. Sovremennye globalizatsionnye protsessy: vyzov, refleksii, strategii (Modern globalization processes: challenge, reflections, strategies). *Globalizatsiya i kultura: analiticheskiy podkhod* (Globalization and culture: an analytical approach). St. Petersburg, 2003, pp. 5–24 (in Russian).
5. Berger P. L., Luckmann T. *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. New York, 1996. 276 p.
6. Hardt M., Negri A. *Empire*. Harvard, 2001. 478 p.
7. Mayatskiy M. Kurort Evropa (The health resort of Europe). *Prognosis* (Prognosis). Available at: www.prognosis.ru/news/world/2005/12/9/maiatsky.html (accessed 30 April 2016) (in Russian).

УДК 16:61

БОЛЕЗНЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ: ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ И РЕИНТЕГРАЦИИ

Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой спорта, туризма и молодежной политики, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Целью статьи является анализ проблематики болезни в ее социокультурном аспекте. Болезнь – это не только патологическое состояние организма, но и моральное потрясение и социальная драма. На протяжении человеческой истории происходила эволюция как характера основных заболеваний, угрожающих человеческому здоровью, так и форм социальной реакции на них. В примитивных обществах охотников и собирателей социальной реакцией на болезнь было сплочение всей социальной группы вокруг больного. В сложных обществах – от аграрных до индустриальных – в связи с возникновением так называемых «новых болезней» появились не только более эффективные системы врачевания, но и особая обывательская философия социального исключения и духовной реинтеграции. Этот тип философии является важной ментальной характеристикой сложных обществ, обеспечивающих их выживание перед угрозой необъяснимой опасности. В отличие от первобытного клана с его общей ответственностью за всех и каждого, сложное современное общество, где люди уже не способны разделять ни общие ценности, ни общую судьбу, нуждается в иных средствах защиты. На примере проказы показано, что восприятие некоторых болезней способно принимать форму социального диагноза и этот тип восприятия продолжает воспроизводиться и в наше время.

Ключевые слова: болезнь, социальная реакция, примитивные и сложные общества, философия социального исключения и реинтеграции, социальный диагноз, проказа.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-156-161

Развитие современной философско-антропологической мысли все более движется в сторону осмысления тех аспектов человеческого существования, которые выступают не только универсальными характеристиками индивидуального опыта, но и несут на себе устойчивый отпечаток воздействия со стороны окружающего общества и культуры. Бесспорно, в число этих аспектов входит болезнь, поскольку всем людям в силу их природы свойственно рано или поздно пережить собственный опыт болезни, причем этот опыт окрашивается не только мукой физического страдания, но и варьирующимися по глубине психоэмоциональными переживаниями, а кроме того, он встроен в сложную социокультурную сеть поведенческих норм, ритуалов и смыслов, ибо не одно и то же – болеть в джунглях первобытного леса или комфортабельной больнице современного мегаполиса.

Болезнь имеет не только биологическое, но и биографическое измерение. В биологическом плане болезнь – это патологическое состояние, отклонение от принятой в медицинской теории морфофункциональной или психической нормы. Болезнь – это свидетельство неспособности организма адаптироваться к опасным воздействиям окружающей среды, плохому питанию, загрязнению или микробной инвазии. У всякой болезни есть собственное имя, особый набор связанных с ней клинических признаков и особенности протекания. Ход болезни может быть быстрым и медленным. В своем развитии болезнь способна манифестировать заключенную в ней разрушительную мощь, которая дает о себе знать при переходе от одной стадии болезни к другой. Со времен Гиппократов наиболее драматичная стадия развития болезни называется «кризисом». При кризисе состояние больного оказывается особенно хрупким: его сознание может терять связь с реальностью, он неспособен адекватно воспринимать окружающих и самого себя. В момент кризиса где-то впереди начинает маячить скорбная картина смерти, но кризис необязательно завершается смертельным исходом: больной может пережить его и выйти на дорогу выздоровления.

В биографическом плане болезнь – это особая форма опыта, испытание, которое суждено пережить больному, ищущему во всем этом смысл и ответы на свои вопросы. «Что происходит? Почему это происходит? Почему именно со мной? Почему сейчас? Что произойдет со мной дальше, если ничего с этим не делать? Как это может повлиять на других людей – родственников, друзей, сослуживцев? Что с этим делать или к кому обратиться за помощью?» [1, р. 129]. Болезнь – это моральное потрясение и социальная драма. Заболевший человек выпадает из привычного ему ритма жизни, часто оказывается неспособным выполнять свои привычные социальные обязанности, начинает примеривать на себя роль пациента – страдальца, чье состояние побуждает его искать помощи у окружающих.

Как в биологическом, так и в биографическом плане болезнь – это вызов человеческому суще-

ствованию, который требует консолидированного ответа как со стороны организма больного, так и со стороны его социального окружения. Организм больного отвечает на вызов болезни, используя заключенные в нем целительные силы, в первую очередь иммунитет. Реакция социального окружения варьируется в зависимости от устройства социальной системы, в особенности от такой ее составной части, как система врачевания. По своей направленности социальная реакция на болезнь направлена не только на то, чтобы справиться с ней и сохранить жизнь больного, но и на то, чтобы обеспечить целостность социальной системы, того социального тела, частью которого является заболевший.

На протяжении всей истории человечества происходила эволюция как наиболее значимых вызовов человеческому здоровью, так и форм социальной реакции на них. Вместе с эволюцией общества происходила эволюция болезней и связанной с ними системы врачевания. На заре человеческой истории, которая, впрочем, длилась большую ее часть, мы встречаемся с маленькими семейными группами охотников и собирателей, ведущих бродячий образ жизни. До наших дней таких обществ практически не сохранилось, хотя ученые, работавшие в Австралии, Африке, лесах юго-восточной Азии и южной Америки, смогли собрать некоторые свидетельства об их жизни. Позднее такие общества почти повсеместно сменились небольшими оседлыми обществами мотыжных земледельцев, которых около 5000 лет назад начали вытеснять социальные системы нового типа – большие, сложные общества, такие как вождества, ранние цивилизации и государственные общества. В своем социально-экономическом развитии эти сложные общества прошли долгий путь от агрикультурализма к индустриализму.

Согласно имеющимся данным, в палеолитических обществах охотников и собирателей болезнь была крайне редким явлением. Этому способствовало две группы причин – экологические и социальные. Малочисленность, отсутствие длительных контактов с животными, бродячий образ жизни позволял им успешно избегать заражения опасными микроорганизмами, а полный контроль над основными источниками существования, равенство в доступе к пище и поддержка со стороны окружающих способствовали тому, что все члены общества в равной мере могли наслаждаться крепким здоровьем, поскольку выживание в суровых условиях всегда оставалось общим делом [2, р. 102–103]. Изучая представления не-большого народа гноу, живущего в лесах Новой Гвинеи, ученые установили, что, с точки зрения

этого племени, наиболее вероятной причиной болезни может считаться вмешательство духов, ибо если духи бездействуют, то больше ничто не угрожает благополучию человека [3, р. 128].

Основной причиной смертности в примитивных обществах охотников и собирателей было насилие: несчастные случаи на охоте, нападение хищников и враждебных соседей, самоубийства, убийства стариков и новорожденных. Поэтому болезнь, будучи весьма редким явлением, неизменно воспринималась в перспективе смерти. Маленькие семейные группы были бессильны перед лицом вызова, который несла с собой практически любая болезнь, но именно перед лицом болезни такое общество сплачивалось сильнее всего, отчаянно пытаясь сохранить жизнь каждого своего члена.

Согласно авторитетным данным, болезнь, как и социальная реакция на нее, неизменно носила публичный характер. Ввиду отсутствия письменности не существовало систематизированных знаний ни о болезни, ни о том, как ее лечить. Всякая болезнь воспринималась как чрезвычайное событие, поскольку общество сталкивалось с ней в основном в ее острой фазе. В восприятии группы ее протекание было краткосрочным, и предлагаемое лечение также было коротким, принимая форму ритуала. В маленьких семейных группах не было ярко выраженных специалистов по врачеванию. Ни болезнь, ни реакция на нее не предполагали социального разделения, поэтому ответственность за исход болезни и исход врачевания брали на себя все. Не существовало поэтому и каких-либо мер по социальному регулированию болезни и врачевания [4, р. 84–92].

Как в семейных группах охотников и собирателей, так и в примитивных земледельческих обществах типичным проявлением социальной реакции на болезнь было распространение шаманизма. В новейших исследованиях шаманизма, опирающихся на данные биологии, нейрофармакологии и социальных наук, отмечается, что помощь больным требовала не только социального сплочения, но и психической интеграции, которая достигалась за счет использования «священных растений», содержащих в себе энтеогены и другие психоактивные вещества. Достигая измененного состояния сознания, все участники шаманского врачебного ритуала участвовали в едином духовном эксперименте, частью которого был заболевший родственник. Терапевтический эффект коллективного врачебного ритуала мог быть достигнут тогда, когда в организме больного активизировались внутренние биологические резервы, например, происходил синтез эндо-опиоидов [5, р. 183–229].

С появлением сложных социальных систем появились новые виды болезней и новые формы социальной реакции на них. Уже в первых городах вследствие скученности населения, увеличения масштабов загрязнения воды и почвы, вырубки лесов и разведения скота привычным явлением стали инфекционные и паразитарные болезни. Хотя получение пищи стало более гарантированным, питание стало более однообразным и менее качественным. Утверждение социального неравенства привело к тому, что недоедание и голод стали важными причинами повсеместного ухудшения здоровья. Началась история человеческих цивилизаций, а вместе с ней и история эпидемий «болезней-убийц» [6, р. 54–93].

Ввиду социальной дифференциации и разделения труда в сложных обществах, начиная с вождеств, появились первые профессиональные врачеватели – специалисты по болезням. В структуре социальных систем началось становление систем врачевания, которое с самого начала носило плюралистический характер. Возникали различные категории врачевателей: одни занимались духовным целительством, другие специализировались на врачевании травами, третьи выполняли несложные хирургические операции. Наряду с первобытной системой семейного врачевания сформировались системы народного и профессионального врачевания. Распространение письменности способствовало усилению социальных позиций профессиональных врачей, которые занялись систематизацией знаний о болезнях и приемах их врачевания. Эта троичная структура, включающая семейную, народную и профессиональную систему заботы о здоровье, сохранилась во всех современных обществах, хотя в каждом из них на протяжении последнего столетия выросла значимость профессиональной системы врачевания. Отмечается, кроме того, что все современные общества подвержены возрастающей медиализации [7, р. 24–70; 8, р. 91].

С появлением сложных обществ социальная реакция на болезнь стала менее предсказуемой, поэтому возникла необходимость в принятии мер социальной регуляции, которые начали определять, как следует реагировать на болезнь и каким должно быть лечение. Особенно это касалось так называемых «новых болезней», которые распространялись вследствие роста городского населения и контактов между цивилизациями. В их числе оказались все болезни-убийцы, такие как оспа, чума, малярия и пр. Ни одна из существовавших систем врачевания не обладала надежными знаниями о причинах их появления и о том, какую помощь следует оказывать заболевшим. Именно

поэтому самая распространенная рекомендация, которую могли дать специалисты, сводилась к тому, чтобы как можно быстрее покинуть свой дом и бежать прочь от больших городов. Трагедия массового вымирания городского населения повторялась на протяжении многих столетий, и вся история античного и средневекового мира наполнена примерами непрекращающихся бедствий, вызванных вспышками эпидемий опасных инфекций [9].

Становление профессиональной системы врачевания в греческом мире, связанное с именем Гиппократом и его медицинской школы, дает пример наиболее ранних попыток изучения некоторых видов «новых болезней», таких как обыкновенная свинка. Греческие врачи также оставили целый ряд ценных свидетельств о такой болезни, как проказа (болезнь Хансена), которая превратилась в один из наиболее ярких примеров бессилия врачебного знания перед лицом этого грозного вызова. Дав первые медицинские описания проказы, греческие врачи, кроме того, упомянули и о тех мерах социальной реакции на эту болезнь, которые к этому времени уже возникли на территории Палестины. Речь идет о социальном исключении и вытекающем из этого поражении в правах людей, заболевших этой тяжелой болезнью.

Наряду с греческими медицинскими книгами еще один важный пример социальной реакции на проказу дает Ветхий Завет, в частности 13-я глава книги «Левит», в которой формулируются основные правила обращения с заболевшим проказой: после осмотра больного священником на том должна быть разорвана одежда, а сам он должен быть навсегда изгнан из поселения, чтобы жить отдельно и предупреждать всякого встречного о своей нечистоте.

Случай с проказой дает нам один из самых первых и наиболее ярких примеров того, как бессилие врачебного знания приводит к становлению особой обывательской философии, которую было бы правильно назвать «философией социального исключения». Пустив корни в античной Палестине, эта философия в дальнейшем распространилась и в средневековом христианском мире, когда после 1000 г. проказа стала одним из наиболее распространенных примеров неизлечимого бедствия. Попытки лечить проказу предпринимались на протяжении многих столетий, и почти все наиболее известные врачи средневекового западного и ближневосточного мира внесли свою лепту в изучение этой болезни [10].

Поскольку все виды врачебных систем, включая профессиональную медицину, долгое

время были бессильны перед проказой, то с позиций широко распространившейся философии социального исключения было принято воспринимать проказу как наказание свыше. Милосердное отношение к больным проказой, заповеданное в евангельской истории о Христе и прокаженном, несколько смягчало общий градус безусловно негативного отношения к болезни и заболевшим ею, но, в принципе, не отменяло общей брезгливо-опасливой установки общественного сознания. Приблизительно в XII в. по всей Европе началось широкое строительство лепрозориев – закрытых поселений для больных проказой, где им предписывалось вести замкнутый образ жизни без права посещать христианские храмы и появляться на городских улицах.

Начиная с античных времен установление факта наличия проказы превратилось в социальный диагноз, который неизменно обладал большей значимостью, чем всякий врачебный вердикт. С этого момента и на протяжении более чем тысячелетия быть больным проказой означало быть «прокаженным», исключенным из числа членов общества. Проказа приобрела характер социальной стигмы, позорной печати на всем облике заболевшего ею человека, которую не могло снять никакое врачебное знание и никакое человеколюбие.

Во второй половине XX в., когда впервые появились действенные лекарства, позволяющие лечить этот сложный вид микобактериологического заболевания, количество больных проказой стало стремительно сокращаться. Особенно быстро этот процесс происходил в развитых индустриальных странах, где официальное здравоохранение получило в свое распоряжение солидные средства для искоренения болезни. Однако один из случаев, который имел место в американской клинике г. Карвелл, штат Луизиана, дает пример того, что сила врачебного знания в очередной раз оказалась в замешательстве перед болезнью и поставленным в отношении нее социальным диагнозом. После того, как в клинике были проведены все необходимые лечебные мероприятия и пациентам было предложено вернуться домой, никто из них не покинул своих палат. На вопросы врачей пациенты Карвелла ответили, что они не готовы вернуться в общество, которое прежде отвернулось от них. Один из исследователей этого курьезного случая вынужден был констатировать, что сила социальных стереотипов, касающихся проказы, и во второй половине XX в. продолжает перевешивать совокупную силу современного научного знания [11].

Социальная реакция на проказу стала моделью для целого ряда других болезней, в отношении которых также не раз была приведена в действие философия социального исключения. В одном из ранних исследований М. Фуко было показано, что точно так же, как и в отношении проказы, западные общества впоследствии реагировали на венерические заболевания, прежде всего сифилис, а затем и на различные психические расстройства. При этом социальная реакция на проказу, сифилис и психические расстройства, согласно Фуку, включала в себя два основных элемента – социальное исключение и последующую духовную реинтеграцию [12, р. 3–7].

О какого вида духовной реинтеграции идет речь? Отвечая на этот вопрос, вновь следует вернуться в средневековый западный мир, когда в 1179 г. третий Латеранский собор утвердил формальную процедуру исключения прокаженных из общины. Эта процедура была разработана католическим духовенством не в инициативном порядке, а как ответ на широкий социальный запрос, касающийся определения справедливого места для заболевших проказой в общем социальном пространстве. Предложенная процедура исключения была весьма унижительна и символизировала прижизненное превращение живого человека в живого мертвеца. Священник совершал над прокаженным похоронный обряд и высыпал на его голову кладбищенскую землю. Прокаженным предписывалось жить в отдалении от нормальных людей и демонстрировать своим видом тот факт, что их душа безнадежно испорчена, т.е. мертва при жизни [13].

Достижимое обрядом социального исключения превращение больного проказой в живого мертвеца являет собой наиболее сильный пример духовной реинтеграции, следующей за социальным исключением. С позиций философии социального исключения и реинтеграции прокаженный был призван своим ужасным обликом назидать всех живущих, предостерегая от опасности повторения его собственных страшных ошибок. При этом он должен был также являть собой пример высшей степени моральной испорченности и силы Божественного наказания за подверженность плотским грехам. Никто из врачей не способен вылечить проказу, которая дана человеку в наказание свыше. Но может быть, однажды сам Бог захочет простить прокаженного и исцелить его?

Череди этих неразрешимых вопросов, подпитываемая жуткими образами, приведшая в действие эту житейскую философию, продолжает стоять на повестке дня и сегодня. Она касается целого ряда неизлечимых хронических

заболеваний, в отношении которых продолжает оставаться бессильной как современная научная медицина, так и общественное сознание в целом. В их число, безусловно, входит СПИД, некоторые наиболее агрессивные виды рака, а также отдельные психические расстройства, не подлежащие излечению.

В случае СПИД, который впервые дал о себе знать в начале 1980-х гг., современное общество столкнулось не столько с «чумой XX века», сколько с еще одним напоминанием о непобедимой силе проказы. Известно, что на протяжении первого десятилетия существования этой болезни ее воспринимали как исключительно болезнь аморальных групп населения, в число которых уверенно включали гомосексуалов, героин-зависимых наркоманов, выходцев с Гаити, а также людей, больных гемофилией. Первоначальное название болезни – GRID, или «болезнь четырех Г» – сменилось на современное AIDS лишь тогда, когда были выработаны надежные способы ее диагностики и открылось ясное понимание путей ее распространения в обществе. Тем не менее почти целое десятилетие в странах, которые первыми подверглись воздействию этой новой болезни, звучали призывы к социальной изоляции всех, кто может представлять собой опасность распространения смертельного вируса, и множились различные фобии, касающиеся непредвиденных контактов с вирусоносителями и риска заражения [14].

Как показывает случай СПИД, постепенно у общества появляются более эффективные средства противодействия заболеванию и вырабатывается некий социальный иммунитет к болезни. Сама болезнь из разряда «новых» и «смертельно опасных» переходит в разряд «привычных». Так уже было с оспой, чумой, проказой и многими другими когда-то «новыми» болезнями. Между тем житейская философия социального исключения и духовной реинтеграции вследствие этого едва ли исчезнет, и дело здесь не только в том, что вслед за одними «новыми болезнями» в дальнейшем могут появиться другие. Как набор одних и тех же социальных реакций философия социального исключения и реинтеграции представляет собой устойчивую ментальную характеристику сложного современного общества, способствующую его выживанию. В отличие от первобытного клана с его общей ответственностью за всех и каждого сложное современное

общество, где люди уже не способны разделять ни общие ценности, ни общую судьбу, нуждается в иных средствах защиты.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Индивидуальный опыт болезни и страдания в контексте социокультурных трансформаций: философские проблемы медико-антропологических исследований» (грант № 15-03-00348).

Список литературы

1. Helman C. C. Culture, health and illness. 5th ed. London, 2007. 501 p.
2. Dunn F. Health and disease in hunter-gatherers : epidemiological factors // Culture, disease, and healing : studies in medical anthropology. Ed. by D. Landy. N.Y., 1977. P. 99–107.
3. Lewis G. Concepts of health and illness in a Sepik society // Concepts of health, illness and disease : a comparative perspective. Eds. C. Curren, M. Stacy. Oxford, 1986. P. 119–135.
4. Fabrega H. Evolution of sickness and healing. Berkeley, 1997. 364 p.
5. Winkelmann M. Shamanism : a biopsychosocial paradigm of consciousness and healing. 2nd ed. Santa Barbara, Ca., 2010. 309 p.
6. McNeill W.H. Plagues and peoples. N.Y., 1976. 365 p.
7. Kleinman A. Patients and healers in the context of culture : an exploration of the borderland between anthropology, medicine, and psychiatry. Berkeley, 1980. 427 p.
8. Kleinman A. Concepts and a model for the comparison of medical systems as cultural systems // Social science and medicine. 1978. Vol. 12 (1). P. 85–93.
9. Hays J. N. The burdens of disease : epidemics and human response in Western history. New Brunswick, N.J., 2000. 361 p.
10. Dols M.W. Leprosy in medieval Arabic medicine // Journal of the history of medicine and allied sciences. 1979. Vol. 36 (4). P. 314–333.
11. Gussow Z. Behavioral research in chronic disease : a study of leprosy // Journal of chronic diseases. 1964. Vol. 17 (2). P. 179–189.
12. Foucault M. Madness and civilization : a history of insanity in the age of reason. N.Y., 1988. 299 p.
13. Brody S. N. The disease of soul : leprosy in medieval literature. Ithaca, 1974. 223 p.
14. Brandt A.M. Acquired Immune Deficiency Syndrome // The Cambridge World History of Human Disease. Ed. by K. F. Kiple. Cambridge, 1993. P. 547–551.

Образец для цитирования:

Михель Д. В. Болезнь как социальный диагноз: философия социального исключения и реинтеграции // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 156–161. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-156-161.

**Illness as a Social Diagnose:
Philosophy of Social Exclusion and Reintegration**

D. V. Mikhel

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politekhnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

The aim of the article is to analyze the problems of the illness in the socio-cultural aspect. The illness is not only a pathological condition of the organism, but also a moral shock and social drama. Throughout human history took place the evolution of the nature of the major diseases that threaten human health and forms of social reactions to them. The social response to the illness in primitive societies of hunters and gatherers was to unite all social group around the ill. In complex societies, from the agrarian to the industrial, due to the emergence of so-called "new diseases" were not only more effective healing system, but also a special narrow-minded philosophy of social exclusion and spiritual reintegration. This type of philosophy is an important mental characteristic of complex societies, to ensure their survival in the face of inexplicable danger. Unlike the primitive clan, with its shared responsibility for every human, complex modern society, where people are no longer able to share any common values or a common destiny, need other remedies. A case of leprosy showed that the perception of some illnesses can take the form of social diagnosis, and this type of perception continues to reproduce at the present.

Key words: illness, social reaction, primitive and sophisticated society, philosophy of social exclusion and reintegration, social diagnosis, leprosy.

Acknowledgements: for supporting of the Russian Foundation for Humanities within the project «Individual experience of illness and suffering in the context of socio-cultural transformations: the philosophical problems of medical and anthropological research» (grant № 15-03-00348).

References

1. Helman C. C. *Culture, health and illness*. 5th ed. London, 2007. 501 p.
2. Dunn F. Health and disease in hunter-gatherers: epidemiological factors. *Culture, disease, and healing: studies in medical anthropology*. Ed. by D. Landy. New York, 1977, pp. 99–107.
3. Lewis G. Concepts of health and illness in a Sepik society. *Concepts of health, illness and disease: a comparative perspective*. Eds. C. Curren, M. Stacy. Oxford, 1986, pp. 119–135.
4. Fabrega H. *Evolution of sickness and healing*. Berkeley, 1997. 364 p.
5. Winkelman M. *Shamanism: a biopsychosocial paradigm of consciousness and healing*. 2nd ed. Santa Barbara, Ca., 2010. 309 p.
6. McNeill W. H. *Plagues and peoples*. New York, 1976. 365 p.
7. Kleinman A. *Patients and healers in the context of culture: an exploration of the borderland between anthropology, medicine and psychiatry*. Berkeley, 1980. 427 p.
8. Kleinman A. Concepts and a model for the comparison of medical systems as cultural systems. *Social science and medicine*, 1978, vol. 12 (1), pp. 85–93.
9. Hays J. N. *The burdens of disease: epidemics and human response in Western history*. New Brunswick, NJ, 2000. 361 p.
10. Dols M. W. Leprosy in medieval Arabic medicine. *Journal of the history of medicine and allied sciences*, 1979, vol. 36 (4), pp. 314–333.
11. Gussow Z. Behavioral research in chronic disease: a study of leprosy. *Journal of chronic diseases*, 1964, vol. 17 (2), pp. 179–189.
12. Foucault M. *Madness and civilization: a history of insanity in the age of reason*. New York, 1988. 299 p.
13. Brody S. N. *The disease of soul: leprosy in medieval literature*. Ithaca, 1974. 223 p.
14. Brandt A. M. Acquired Immune Deficiency Syndrome. *The Cambridge World History of Human Disease*. Ed. by K. F. Kiple. Cambridge, 1993. P. 547–551.

Cite this article as:

Mikhel D. V. Illness as a Social Diagnose: Philosophy of Social Exclusion and Reintegration. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 156–161. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-156-161.

УДК 101.1:316

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ НОВОМЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА

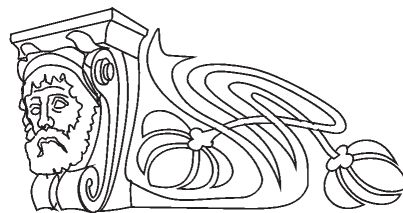
Николаева Евгения Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: kaisa1011@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению специфики новомедийной среды, которая создает новые возможности для образования. Проводится сравнительный анализ особенностей организации образовательного процесса в традиционном формате и в условиях новомедийного пространства. В условиях глобального новомедийного образовательного пространства происходит расширение коммуникационных образовательных платформ, формируется цифровая среда учебного контента, образовательные практики реализуются через поисковую исследовательскую активность студентов, посредством взаимодействия с другими актантами этого пространства, что позволяет формировать гибкий образовательный дискурс. Особое внимание уделяется проблеме развития навыков медиаграмотности. Делается вывод, что стратегия медиаграмотного образования, будучи особой системной эпистемологией, предполагает развитие у студентов навыков самоорганизации, позволяющих им стать самонаправляемыми обучающимися, способными освоить любую предметность. Цифровая медийная среда позволяет сделать обучение более «связанным» с актантами, действующими в окружающей среде, имеет важное значение для развития профессиональных способностей, востребованных в цифровом мире. Обучение в этом случае становится социально направленным и приобретает более аутентичные контекстные формы. Образовательная среда университета должна быть контекстуализированной средой, в которую интегрированы разнообразные актанты: исследователи, бизнес-структуры, консультанты-профессионалы, провайдеры обучения, проблемно ориентированные коллаборации.

Ключевые слова: новые медиа, цифровые технологии, новомедийная среда, медиаобразование, медиаграмотность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-162-166

Цифровая технологическая революция, начавшаяся в конце 80-х гг. XX столетия, породила всемирный когнитивно-коммуникативный универсум – глобальное новомедийное образовательное пространство, открывающее новые беспрецедентные возможности для образования человека. Появление «новых медиа» (new media), представляющих собой программные продукты, интерактивная природа которых обеспечивает широкие диалоговые возможности пользователям, бросает вызов традиционным способам и формам образования, существующим в высшей школе. Большая часть образовательных институтов все еще представляет собой неуклюжие монолиты-фабрики XIX–XX вв. Исторически работодатели могли быть уверены, что выпускни-

ки университетов в силу освоенных компетенций подходили для профессиональной занятости независимо от оконченого вуза и содержания программы, но сегодня это уже не так. Высокая скорость изменений в цифровой медиаиндустрии вызывает необходимость постоянного обучения и переобучения. Все меньше и меньше рабочих мест в XXI в. подразумевают рутинное исполнение обязанностей, в этой связи перед университетами стоит сложная задача формирования и развития наряду с узкопрофессиональными дисциплинарными навыками высокоуровневых метаспособностей, таких как: саморегулируемое обучение, производство и синтез знания, творчество, проективные навыки, адаптивность, информационный менеджмент, критическое мышление и цифровые компетенции.

«Новые медиа» – уже не только средства хранения и трансляции информации, но и активные участники процессов генерации и движения информационных потоков. Кроме того, они способны посредством математических алгоритмов и роботов персонализированно подстраиваться под интересы и запросы пользователей. «Новые медиа» в отличие от традиционных, где присутствует четкая дифференциация между производителем информации (передающим) и ее потребителем (принимающим), элиминируют подобную однонаправленность. Как следствие, фигура пассивного потребителя готовых медиасообщений уступает место активному пользователю, который своими действиями трансформирует полученный контент в текст собственного сознания, тем самым создавая новые медиа-объекты.

В 2005 г. британский социолог К. Кэмпбелл дал дескрипцию нового типа потребителя, которого называл «искусный» или «творческий потребитель» (craftconsumer, creativeconsumer), или «просьюмер» (комбинация из двух английских терминов: professional + consumer). Потребитель в данном случае является не рациональным калькулятором или искателем пассивных, безусловных удовольствий, а вовлеченным в творческие акты индивидом. Он хочет быть творчески активным, поскольку в творчестве происхо-

дит его самовыражение [1, с. 23–42]. Просьюмер заинтересованно участвует в производстве того, что будет потреблено. Различие между производством и потреблением в этом случае установить очень сложно. Позиция студента-просьюмера, получающего образование, позволяет не только приобретать конкретные практические навыки, но и формировать универсальные человеческие способности, получая от образования максимальный позитивный эффект.

Использование цифровых технологий кардинальным образом меняет образовательное пространство и существенно трансформирует традиционные модели организации образовательного процесса. Мы живем в обществе, где социальное использование новых медиа носит универсальный характер и где люди постоянно подключены к ним посредством интеллектуальных (часто мобильных) устройств. Образовательные кампусы не являются исключением.

Мы наблюдаем стремительное расширение образовательного пространства за счет социальных медиа, облачных технологий, вебинаров и т.п. Возникает новая среда обучения, охватывающая как локальный, так и глобальный уровни. В дополнение к стационарной группе студентов университета как кампуса и коллективу преподавателей, которые работают с этой группой, формируются целые сообщества. Процесс образования распространяется за пределы кампуса, появляются возможности привлечения внешних лекторов, специалистов-практиков, консультантов, т.е. происходит расширение коммуникационных образовательных платформ.

Новые способы размещения учебного материала, дающие возможность самостоятельно его конструировать, редактировать, публиковать, распространять, комментировать (при этом зачастую работая в интерактивном режиме), формируют новомедийную среду учебного контента. В традиционной модели особое внимание уделялось обучению, где студенты следовали за преподавателем в четко регламентированной процедуре освоения знания, теперь они обучаются сотрудничеству и имеют больше возможностей для дифференцированного обучения. Еще в недавнем прошлом проведение исследования, публикация его результатов, распространение учебного материала требовали большего времени, чем сейчас, информация устаревала еще до того, как добиралась до студенческой аудитории. Теперь информация легкодоступна и обмен ею происходит практически мгновенно. Публикация учебного материала в традиционных учебниках была представлена в виде линейной последовательной модели, цифровые технологии

позволяют представить учебный материал в модулях, которые могут взаимозаменяться и быть динамичными.

Традиционно преподаватель, являясь единственным носителем знания, раздавал инструкции по его освоению в директивной манере, сегодня освоение учебного материала посредством использования множества источников информации происходит на альтернативной основе, к тому же у студентов есть возможность сравнивать и оценивать качество контента разных информационных источников. Преподаватели выступали в роли «творцов мудрости», используя набор предписанных учебных материалов, теперь, используя новомедийную среду, они направляют студентов, устанавливая рамки и границы, необходимые для того, чтобы студенты вырабатывали навыки совместной деятельности в процессе обучения. Если в прошлом преподаватели обеспечивали когнитивное «окно в мир», то сейчас студенты открывают их благодаря собственной поисковой исследовательской активности, взаимодействию со сверстниками, преподавателями, контактам с другими акторами сетевого новомедийного пространства. Учебные материалы из прошлого, как правило, были созданы либо только преподавателем, либо авторами учебников, теперь же учебный контент все чаще формируется в соавторском сотрудничестве педагогов и студентов, активно использующих в этих целях новомедийное пространство.

В прошлом ставка делалась на «хозяина знаний», поскольку удержание в памяти основных концепций и фактов носило характер императива в условиях, где информационный доступ был ограничен. В настоящий момент акцент делается на развитии навыков доступа к информационным ресурсам, умении осуществлять их анализ и оценку, способности создавать собственный контент в медиaprостранстве, что становится критически важным в мире, где информация легкодоступна. Безусловно, содержательная сторона когнитивной деятельности по-прежнему очень важна, однако сегодня не менее важными являются процессуальные навыки, которые позволяют эффективно применять и сочетать содержательные знания для решения познавательных проблем, реализации исследовательских и прикладных проектов.

В новомедийном образовательном пространстве существенным образом расширяются возможности трансляции знания, произведенного самими студентами. Студенческие работы в прошлом представляли собой бумажную запись или физически сконструированные проекты, теперь студенты создают цифровые проектные модели.

Демонстрация студенческих работ обычно была лимитирована просмотром со стороны учителя, студентов и иногда – родителей. Теперь география представления охватывает весь мир. Вследствие ограниченного времени отзыв на студенческую работу мог быть дан только преподавателем, сейчас отзывы и рецензии могут быть получены от многих специалистов, причем как внутри, так и вне университетского кампуса. Выполненные работы теперь можно с легкостью сохранять в базе данных. Вследствие того, что преподаватели оценивали работы множества студентов, оценки были ограничены (односторонни), а процедура оценивания занимала большое количество времени. Современные цифровые технологии позволяют проверить студенческие работы с точки зрения их самостоятельности, сделать рейтинги, комментировать. Студенческие работы могут быть собраны как источник данных и разбиты на кластеры для более глубокого анализа.

Использование новомедийной среды, которая содержит модульные учебные материалы разных авторов, дает возможность реализовывать гибкий образовательный дискурс. Он предполагает неограниченное количество вариантов того, как вовлекать студентов в учебный процесс и продвигать знания. Вплоть до недавнего времени доступ к знаниям осуществлялся посредством межличностных взаимодействий с привлечением печатных изданий. Теперь межличностные встречи возможны с множеством людей отовсюду, а информация, доступная во множественных медиаформатах, может быть издана глобально, ее распространение легко масштабируется, удовлетворяя разнообразные потребности и запросы.

Для «новых медиа» характерна мультимедийность. Они синтезируют способы объективации знания, накопленные человеческой культурой. Цифровые артефакты представляют собой мозаичные объекты, соединяющие в себе многообразные символические практики – письменные, изобразительные, видео, музыкальные, компьютерные и т.д. Посредством программного обеспечения пользователи могут бесконечно преобразовывать новомедийные артефакты, присваивать им разнообразные коннотации, как результат рождаются новые символизации (объекты). От традиционных символизаций цифровые отличаются принципиальной нестабильностью, непостоянством, они собираются и распадаются, создаются вновь уже обновленными. Цифровые объекты не сохраняются в первоизданном, исходном виде, они возникают в соответствии с той целью, которую ставит пользователь, а после ее реализации либо претерпевают дальнейшую модификацию, либо вовсе исчезают.

Как отмечает известный американский исследователь медиа Л. Манович, новые медиа не имеют собственной медиаспецифики: они «метамедийны» [2, р. 22]. «Логика метамедиа отвечает современным процессам – появлению возможности создавать любые ремиксы из различной медиаинформации, из форм и образов, накопленных человеческой культурой» [3].

В этой связи актуализируется проблема развития навыков медиаграмотности, которые позволяют преподавателям и студентам с уверенностью и высокой эффективностью использовать подобные дигитальные среды для проведения академических занятий, организации самостоятельной работы и исследовательских проектов. В современном обществе подобные навыки становятся жизненно важными. Навыки медиаграмотности в «глобальной деревне» электронных коммуникаций необходимы как главный инструмент, посредством которого контекстуализируются, приобретаются и применяются содержательные знания.

Содержательные знания – это переменная с бесконечным числом предметов. Обладая навыками медийной грамотности, в особенности исследовательского характера, студент улучшает способность коммуницировать и делиться идеями, используя универсальный понятийный аппарат, который выходит за рамки предметной области, а также за пределы географических локальностей. Таким образом, здесь нет места изолированному знанию, поскольку навыки медийной грамотности кросс-дисциплинарны и общие для всех. При этом в исследовательских процессах, где студент узнает, нарабатывает и осваивает содержательный материал, навыки медиаграмотности являются инструментальным континуумом, который может расширяться и углубляться.

Стратегия медиаграмотного образования предполагает развитие у студентов навыков самоорганизации, позволяющих им стать самонаправляемыми обучающимися на протяжении всей жизни, способными освоить любую предметность. Навыки, связанные с медиаграмотностью, можно свести к четырем видам:

- 1) технологические, обеспечивающие доступ к сетевым ресурсам;
- 2) рефлексивные, позволяющие оценивать достоверность, актуальность, полезность информации;
- 3) способность оценивать угрозы, риски, опасности, возникающие при работе с сетевыми ресурсами;
- 4) навыки творческого использования ресурсов.

Медиа-образование – это особая системная эпистемология. Имеющиеся знания не просто транслируются преподавателями или открываются студентами: это пребывание в области критического исследования и диалога, в процессе которого преподавателями и студентами активно создаются новые знания. В этой ситуации важной является позиция преподавателя, его способность и готовность осваивать те возможности, которые предоставляет новомедийная среда. В 2001 г. известный американский писатель, педагог, футуролог М. Пренски выделил среди пользователей новых (цифровых) технологий две группы: цифровое поколение (*digital natives*) и цифровые иммигранты (*digital immigrants*) [4]. Согласно этой модели, преподаватели и студенты – это люди разных эпох, говорящие на разных языках. Статья М. Пренски вызвала большой интерес, введенные им дефиниции стали часто использоваться многими исследователями. Однако критики тоже было достаточно. Насколько подобное разделение правомерно?

В 2009 г. М. Пренски опубликовал новую статью «*H. Sapiens Digital: From Digital Immigrants and Digital Natives to Digital Wisdom*» [5]. В ней он обращает внимание на то, что чем дольше мы живем в цифровой эпохе, тем менее актуальным становится разделение на цифровых аборигенов и цифровых иммигрантов. И сегодня задача создания нового, лучшего будущего определяет необходимость мыслить в новых терминах, таких, как *digital wisdom* – цифровая мудрость. Это – особого рода мудрость, которая предполагает, с одной стороны, технологические навыки, обеспечивающие компетентное использование новомедийной среды, с другой – рефлексивные способности, позволяющие оценивать степень достоверности, безопасности цифрового контента и коммуникативных практик, возникающих в сетевом пространстве.

Традиционные образовательные системы фокусированы на четких и декларативных знаниях, университетские преподаватели упаковывают их в статичные учебно-программные единицы и поставляют студентам. Усвоение этих знаний происходит, как правило, в условиях деконтекстуализированной ситуации (в замкнутой аудитории, классной комнате). Цифровая медийная среда позволяет сделать обучение более «связанным» с актантами, действующими в окружающей среде и имеющими важное значение для развития профессиональных способностей, востребован-

ных в цифровом мире. Обучение в этом случае становится социально направленным и приобретает более аутентичные контекстные формы.

Образовательная среда университета должна быть контекстуализированной, в которую интегрированы разнообразные актанты: исследователи, бизнес-структуры, консультанты-профессионалы, провайдеры обучения, проблемно ориентированные коллаборации и т.д. Ей должны быть присущи динамичность, насыщенность, стремление к эволюции, способность реагировать на внешние и внутренние изменения. В этом случае университетская образовательная среда становится генератором, проводником и интегратором знания. С этой целью университеты должны выстроить прочные партнерские отношения с отраслевыми партнерами, другими университетами и образовательными провайдерами, сообществами профессионалов-практиков, что позволяет использовать возможности новомедийного пространства для получения самых новых и актуальных знаний и информации. Иными словами, они должны стать мета-университетами – динамичными, глобальными, общественно ориентированными системами открытых образовательных ресурсов и онлайн-платформ.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан, проект «Казанский федеральный университет в глобальном новомедийном пространстве: возможности, риски и перспективы» (грант № 17-13-16001).

Список литературы

1. *Campbell C.* The Craft Consumer. Culture, Craft and Consumption in a Postmodern Society // *Journal of Consumer Culture*. 2005. Vol. 5, № 1. P. 23–42.
2. *Manovich L.* New Media from Borges to HTML // *The New Media Reader* / eds. N. Wardrip-Fruin, N. Montfort. Cambridge, 2003. 840 p.
3. *Manovich L.* The Anti-Sublime Ideal in Data Art. Berlin, August 2002. URL: http://www.manovich.net/DOCS/data_art.doc. (дата обращения: 17.11.2016).
4. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants. URL: [http://www.marcprensky.com/writing/Prensky-DigitalNatives, Digital Immigrants -Part1.pdf](http://www.marcprensky.com/writing/Prensky-DigitalNatives_DigitalImmigrants-Part1.pdf) (дата обращения: 14.12.2016).
5. *Prensky M. H.* Sapiens Digital : From Digital Immigrants and Digital Natives to Digital Wisdom. URL: <http://www.wisdompage.com/Prensky01.html> (дата обращения: 14.12.2016).

Образец для цитирования:

Николаева Е. М. Организация образовательного процесса в условиях новомедийного пространства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 162–166. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-162-166.

The Organization of Educational Process in the Conditions of New Media Environment

E. M. Nikolaeva

Kazan Federal University
18, Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: kaisa1011@rambler.ru

The article considers the specifics of the new media environment which create new opportunities for education. The author carries out the comparative analysis of features of the organization of educational process in a traditional format and in the conditions of new media environment. In the conditions of global new media educational environment there is an expansion of communication educational platforms, digital environment of educational content forms, educational practices are implemented through research activity of students, by means of interaction with other actants of network new media environment that allows to form a flexible educational discourse. Special attention paid to problem of development of media literacy skills. As a result, given conclusion that the strategy of media literacy education is a special system epistemology. It assumes development of student skills of self-organization allowing them to become a self-directed students, who are capable to learn any knowledge. The digital media environment allows to make training more «connected» with actants which work in the environment and are important for development of the professional capabilities, demanded by digital world. Training in this case becomes socially directed and gets more authentic contextual forms. As a result, given conclusion that the educational environment of university should be contextualized in which a variety of actants are integrated.

Key words: new media, digital technologies, new media environment, media education, media literacy.

Acknowledgements: *This publication has been produced with the financial assistance of Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Government of the Republic of Tatarstan, the project «Kazan Federal University in the global new media educational space: opportunities, risks and prospects» (grant no. 17-13-16001).*

References

1. Campbell C. The Craft Consumer. Culture, Craft and Consumption in a Postmodern Society. *Journal of Consumer Culture*, 2005, vol. 5, no. 1, pp. 23–42.
2. Manovich L. New Media from Borges to HTML. *The New Media Reader*. Eds. N. Wardrip-Fruin, N. Montfort. Cambridge, 2003. 840 p.
3. Manovich L. *The anti-sublime ideal in Data Art*. Berlin, August 2002. Available at: http://www.manovich.net/DOCS/data_art.doc. (accessed 17 November 2016).
4. Prensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants*. Available at: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky-Digital Natives, Digital Immigrants-Part1.pdf> (accessed 14 December 2016).
5. Prensky M. H. *Sapiens Digital: From Digital Immigrants and Digital Natives to Digital Wisdom*. Available at: <http://www.wisdompage.com/Prensky01.html> (accessed 14 December 2016).

Cite this article as:

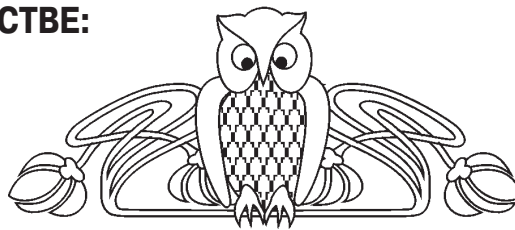
Nikolaeva E. M. The Organization of Educational Process in the Conditions of New Media Environment. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 162–166. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-162-166.

УДК [130.2+316.77](470+571)

МЕДИАПРОСТРАНСТВО В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: КОНТУРЫ НОВОЙ ВЛАСТВУЮЩЕЙ ЭЛИТЫ

Одинцов Андрей Валерьевич — аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: andrey_odin1@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению развития медиатехнологий и формируемого ими медиапространства, а также их роли в создании, функционировании современного общества и осуществлении процесса управления им. Процессы коммуникации, вставшие по общественной значимости наравне с информационными, позволяют говорить о современном обществе не как об информационном, а как о сетевом, подразумевая, что данное понятие шире. Роль медиапространства настолько велика, что оказывает значительное влияние не только на внутриобщественные, но и на процессы управления обществом и, как следствие, на формирование властвующей элиты. Современное медиапространство выполняет роль хранилища фактической информации, способствует формированию коллективной памяти, предоставляет пути информационного распространения, механизмы формирования имиджа, установок, общественного мнения, социальных мифов. Соответственно, восприятие обществом современной действительности происходит через призму медиапространства, поэтому государственная система в целях самосохранения стремится к управлению им, обеспечению государственной монополии на него. Медиапространство не только меняет характеристики представителей властвующей элиты и их модель поведения, но и диктует новые условия рекрутирования ее состава. Властвующая элита формируется теперь, в том числе, из лиц, имеющих возможность управления медиапространством и навыки работы в нем. Элита становится медийной, имиджевой, информационно открытой и доступной.

Ключевые слова: медиапространство, сетевое общество, информация, коммуникации, технологии, властвующая элита.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-167-171

Стремительное развитие информационных технологий, несомненно, стало одной из главных, если не основной, причин глобального изменения общественных структур, трансформации политических, экономических взаимоотношений между субъектами социума, изменения системы ценностей. Информация, превратившаяся в самый ценный ресурс, опутала сетью весь мир, став при этом еще и механизмом общественного регулирования и управления геополитическими и экономическими процессами.

Роль информации, знания и технологий, их передающих, в новой системе общественного устройства ярко иллюстрирует современная культура: литература (например, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери и «Анклавы» В. Панова), кинематограф («Эквилибриум»

К. Уиммера), молодежные субкультуры («Компьютерный андеграунд») и др. В научных трудах при характеристике уровня распространения информационных технологий часто используется термин «Сеть», что обусловлено главной информационной технологией современности – сетью Интернет. И именно развитие всемирной паутины, стремительное проникновение ее в каждый дом и вхождение в обиход каждого человека определяет дальнейшее распространение информации как ресурса и механизма взаимодействия общественных структур.

Социальную структуру, использующую в качестве основного механизма взаимодействия элементов Интернет, исследователи называют сетевой. Именно исследование сетевого общества становится магистральным направлением при изучении процессов, происходящих в современном обществе. Несмотря на активное использование данного термина, в социологии и социальной философии нет целостного, академически признанного трактования понятия сетевого общества [1, с. 89]. Также не утихают дискуссии о соотношении понятий «сетевое» и «информационное общество». На наш взгляд, наиболее точно это взаимоотношение отразил Ян Ван Дейк, считавший, что информация во многом влияет на сущность современного общества, в то время как сети формируют его организационные формы и инфраструктуры [2, с. 40]. Многие исследователи отмечают, что, хотя информация и продолжает играть значительную роль в жизни общества в контексте познания, постепенно ведущим становится понятие коммуникации. М. Кастельс, в частности, считает, что необходимо отказаться от понятия «информационное общество» и определять его в свете того, что действительно будет новым в современную эпоху, – через сети информационных технологий. Схожее мнение высказывает А. В. Назарчук, который призывает перестать обсуждать «вчерашние концепции» постмодернистского общества и перейти наконец к исследованию «коммуникационного общества» [1, с. 91].

О. Б. Давыдов также отмечает, что «возрастающая медиализация» общества и стремительное развитие сетевых технологий знаменуют собой становление новой информационной парадигмы, которая пришла на смену индустриальной социальной структуре [3, с. 48]. М. Кастельс, охарактеризовавший сетевое общество как «такое общество, в котором ключевые социальные структуры и деятельность его членов организованы вокруг сетей электронных коммуникаций», отразил еще одну закономерность: понятие информация в характеристике современных социальных процессов все теснее коррелирует с понятием коммуникация [4, с. 295–296], т.е. основным столпом сетевого общества становится информация не только как набор знаний, но и как процесс передачи этих знаний – коммуникации социальных структур.

Информационно-коммуникационные технологии в течение последних десяти лет стали основным инструментом познания действительности. Стремительное распространение сети Интернет диктует новые условия существования общества: «оцифровывается» процесс не только коммуникации, но и хранения информации, ее изучения и анализа. Английский термин «*media of mass communication*», то есть «средства массовой коммуникации», претерпев ряд изменений и сокращений с 1990-х гг., получил распространение в русскоязычном обществе как термин «медиа», а термин «медиапространство», этимологически означающий лишь область электронных коммуникаций, в настоящее время подразумевает все поле информационно-коммуникационных процессов, происходящих в обществе.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что соотношение понятий «информационное пространство» и «медиапространство» схоже с соотношением понятий «информационное общество» и «сетевое общество». Последнее понятие имеет более широкий смысл, так как современное сетевое общество не ограничивается лишь технологической составляющей, но включает в себя и ряд других факторов: культурных, образовательных, экономических, политических и религиозных. Также данное утверждение перекликается с основной формулой медиафилософии «*Всё есть медиа*», которая позволяет рассматривать медиапространство более широко и выйти за рамки СМИ и массмедиа [5, с. 15]. И понятие «медиапространство» является более широким, нежели «информационное пространство», так как включает в себя не только технологический аспект хранения информации, но и процесс ее формирования, передачи, анализа и воспроизведения. Таким образом, технологии ме-

диапространства, или медиатехнологии, являясь инструментом управления информацией, становятся неотъемлемой частью сетевого общества, по сути, формируя это общество и его контекст, выстраивая новую социальную морфологию,

Медиатехнологии стимулируют глобализацию, стирая территориальные рамки. В результате появляется большое количество международных социальных организаций, созданных для взаимодействия единомышленников из самых разных государств. Глобализация зависима от информационной сферы жизни, которая характеризуется процессами, основанными на создании и распространении информации, формируется принципиально новый тип информационного социального взаимодействия: индивид становится «гражданином мира», уровень национального самосознания снижается и, как следствие, меняется мышление. Например, ни у кого не вызывает сомнения приоритет международного законодательства над национальным. Будоражившая десять лет назад умы идея создания единого европейского государства на базе Евросоюза сегодня воспринимается совершенно спокойно. Пространственные отношения человека становятся все более объемными, многосторонними и в то же время дифференцированными. Современный человек превращается в существо планетарное. «Многомерность жизненного пространства человека выражает множество самых неожиданных оттенков человеческой жизни, представляющих обостренный интерес для современного философского сознания», подчеркивает В. Б. Устьянцев [6, с. 1].

А. В. Ольшанская отмечает, что развитие коммуникаций в эпоху глобализации создает условия для новой дифференциации общества из-за сегментации получателей информации. Взаимодействие процессов коммуникации и глобализации рассматривалось в работах Ю. Хабермаса, М. М. Назарова. Ряд исследователей (В. И. Аршинов, Ю. А. Данилов) делали акцент на существенных характеристиках сети Интернет в процессе глобализации общества [7, с. 4–6]. Сеть Интернет создала свое информационное пространство, не признающее границ и ограничений. Любые попытки государственного регулирования данного пространства остаются либо малорезультативными (например, действия Роскомнадзора по запрету файлообменных порталов), либо противоречащими здравому смыслу (например, разрешение на государственном уровне в Северной Корее лишь нескольких сайтов в сети). Современное общество привыкло иметь неограниченный доступ к информации, и лишать его этого доступа значит посягать на основы его существования.

Медиатехнологии в сетевом обществе выполняют еще одну функцию – имиджевую или мифотворческую. Исследователь социальной мифологии А. В. Ульяновский говорит о конкретной цели социального мифа – создании бренда, немаловажную роль в продвижении которого играют именно медиатехнологии. Роль медиатехнологий в создании имиджа отражена в исследованиях М. М. Бахтина: с его точки зрения, имидж – это знаковый элемент коммуникативной системы, который замещает явления идеального и материального мира и переносит их в пространство электронной коммуникации [8, с. 3]. Благодаря медиатехнологиям в информационно-коммуникативном пространстве можно создать образ (социальный миф, установку), который, функционируя в них, будет распространяться в обществе, приобретая элементы реальности и становясь частью действительности.

Стремительное распространение конкретной информации и ее влияние на сознание обозначается термином «вирусная информация». Современное общество, черпая информацию из Интернета, подвержено воздействию этого «вируса» тем более, если эта информация имеет признаки не только познавательной, но и аналитической и может быть выдана индивидом за продукт собственной мыслительной деятельности. Таким образом, мы можем говорить о манипулятивной функции медиатехнологий в сетевом обществе. Н. Больц, характеризуя данную функцию, отмечал, что поле боя в современных военных действиях возникает на мониторах [9, с. 48–50], имея в виду, что современные технологии позволяют даже военные действия имитировать на экране телевизоров и компьютеров, если необходимо манипулировать общественным сознанием. Аналогичная мысль образно выражена в классической американской сатире «Хвост виляет собакой» Б. Левенсона. Трансформация общества, основанного на сетевом принципе, обусловлена и тем, что сама сеть постоянно меняется. Уровень развития информационных технологий, с одной стороны, открывает просторы для человеческой фантазии, с другой – доводит искусственно созданный информационный продукт до крайней степени реалистичности, иногда подменяя собой реальность.

Что же касается воплощения фантазии индивида благодаря медиатехнологиям, то в основном она так или иначе направлена на его самопрезентацию, целью которой является желание индивида удовлетворить свое притязание на значимость. Такое желание, согласно Ю. Хабермасу, – источник любого человеческого действия. В сетевом обществе самопре-

зентация индивида в информационно-коммуникационном пространстве может определить статус, которым он будет наделен, функции, возложенные на него социумом. Поэтому тщательная работа молодых людей над своим профилем в социальных сетях – это далеко не всегда нарциссизм и безделье, часто – элемент индивидуальной самопрезентации, социализации и самоидентификации.

Таким образом, медиатехнологии в сетевом обществе выполняют ряд функций, направленных на управление информационным пространством. Как уже говорилось выше, контроль за информационным полем практически невозможен, так же, как тотальное управление. В информационное пространство возможно внесение ограничений, однако для этого необходимо привлечение колоссальных ресурсов в связи с неограниченностью и глобальностью информационно-коммуникативного пространства. Таким ресурсом в настоящее время обладает лишь государство, что, по сути, делает его единственным на национальном уровне «управленцем» в сфере медиапространства, так как СМИ, которые многие исследователи называют в числе модераторов информационно-коммуникативного пространства, должны функционировать в соответствии с конкретными и специальными нормативно-правовыми актами. Управление медиапространством становится новой государственной монополией наряду с монополией на применение силы, в отличие от последней государство может осуществлять первую повсеместно и незримо.

Информация является основным ресурсом сетевого общества, привычка получать необходимую информацию из многочисленных и доступных информационно-коммуникационных каналов отучила современное общество прилагать усилия для её добывания, анализа, выработки на ее основе собственных выводов. Поэтому информация, доведенная через медиатехнологии до общества, в основном воспринимается как истина, не требующая проверки. По сути, для формирования у индивида определенных образов и мифов достаточно окружить его необходимыми средствами получения информации и подготовить нужный информационный материал.

На основе вышеизложенного можно сказать, что в сетевом обществе сместился акцент силы и влияния: реальная власть находится в руках лиц, имеющих доступ к механизмам формирования и трансляции необходимой информации, обладающих ресурсами для контроля за информационно-коммуникационной средой. Властвующая элита, стремясь сохранить свое влияние, вынуждена использовать этот ресурс

и включать в свой состав имеющих доступ к медийному ресурсу, умеющих с ним работать, способных его частично контролировать. Например, сегодня любой руководитель любого уровня стремится иметь в штате сотрудника, отвечающего за работу со СМИ, взаимодействие с общественностью и т.д. При этом важным направлением воздействия становится образ (имидж) властвующей элиты: сформированный образ (представление об идеальной власти) должен ассоциироваться с её конкретными представителями. И напротив, представители элиты должны сформировать вокруг себя образ, воплощающий идеальную власть. В качестве подтверждения можно рассмотреть процессы «самоизбавления» властвующей элиты от немедийных членов и включение в неё представителей харизматичных, фотогеничных и т.д.: актеров, спортсменов, телезвезд, т.е. меняется принцип ротации властвующей элиты, ее качественный состав. Характерным признаком властвующей элиты современности является ее медийность и узнаваемость, которые становятся основой легитимности: обществу больше не нужны «серые кардиналы», социум хочет видеть своего лидера и восхищаться им.

Подводя итог, можно сказать, что в сетевом обществе в условиях, когда медиапространство играет пусть не главную, но значительную роль в жизни социума, властвующая элита становится элементом этого пространства наравне с другими социальными группами, т.е. находится внутри него. Элита, имея возможность влиять на медиапространство, не может его контролировать полностью и установить на него монополию, так как каждый его элемент (социальная группа или индивид) в той или иной степени может его изменять. При само-рекрутировании властвующая элита вынуждена учитывать имиджевую составляющую, т.е. прогнозировать, какой образ в медиапространстве

будет формировать отдельный представитель элиты и вся элитная группа. Кроме того, властвующая элита вынуждена формировать собственные механизмы и инструменты работы с медиапространством: для этого её частью становятся специалисты, работающие в сфере формирования медиапространства – представители СМИ, общественные деятели, известные представители культуры. Изменчивая структура медиапространства диктует новые правила игры для всего общества, и властвующая элита как его часть не является исключением.

Список литературы

1. Саенко Л. А., Егоров М. В. Сетевое общество в контексте современных социальных трансформаций // Дискуссия : политематический журн. науч. публикации. 2014. № 7 (48). С. 88–92.
2. Dijk V. J. The Network Society : social aspects of new media. Houten. The Netherlands, 2001. 48 p.
3. Давыдов О. Б. Сетевое общество и его бытие // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 11 (31). С. 47–55.
4. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура. М., 2001. 351 с.
5. Исмагилов Р. С. Медиафилософия как подход к исследованию медиапространства // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2014. № 17 (346). С. 14–16.
6. Устьянцев В. Б. Антропология жизненного пространства // Жизненное пространство человека и общества : сб. науч. тр. Саратов, 1995. С. 5–16.
7. Ольшанская А. В. Коммуникативный процесс в условиях глобализации : социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 27 с.
8. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 301 с.
9. Воронцова Е. А. Кино как способ расширения визуального восприятия в культуре рубежа XIX–XX вв. // Аналитика культурологии. 2013. № 26. С. 46–58.

Образец для цитирования:

Одинцов А. В. Медиапространство в сетевом обществе: контуры новой властвующей элиты // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 167–171. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-167-171.

The Media in the Network Society: Outlines of a New Ruling Elite

A. V. Odintsov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: andrey_odin1@mail.ru

The article is devoted to the development of media technologies and their media and their role in the creation, the functioning of

modern society and the implementation of process management. The processes of communication, have taken on social significance, along with the information, allow to speak about modern society not as information, but as a network, meaning that this concept is wider. According to the author, the role of media is so great that it has a significant impact not only on community processes, but also on the processes of social control, as a consequence – the formation of the ruling elite. Modern media acts as a repository of factual information, promotes the formation of collective memory, and provides ways of information distribution, mechanisms of formation of image, attitudes,

public opinion, and social myths. Accordingly, the public perception of modernity is through the prism of mediapresence, therefore, the state system for self-preservation is committed to the management of media space, providing for a state monopoly. The media not only changes the characteristics of the representatives of the ruling elite and their model behavior, but also sets new conditions for recruitment of the composition of the elite. The ruling elite is being formed now, including persons with the ability to control the media and the skills in it. The elite itself becomes media, branding, information open and accessible.

Key words: media, network society, information, communication, technology, the ruling elite.

References

1. Saenko L. A., Egorov M. V. Setevoe obshchestvo v kontekste sovremennykh sotsialnykh transformatsiy (The network society in the context of modern social transformations). *Diskussiya: politematischeskiy zhurn. nauch. publikatsiy* (Discussion: polythematic journal of scientific publications), 2014, no. 7 (48), pp. 88–92 (in Russian).
2. Djik V. J. *The Network Society: social aspects of new media*. Houten, 2001. 48 p.
3. Davydov O. B. Setevoe obshchestvo i ego bytie (Network society and its genesis). *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* (Modern research of social problems), 2013, no. 11 (31), pp. 47–55 (in Russian).
4. Castells M. *The Information Age: economy, society and culture*: in 3 vol. Vol. III. End of Millennium. Oxford, 2000. 325 p. (Russ. ed.: Kastels M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura*: v 3 t. T. III. Konets tysyacheletiya. Pod red. O. I. Shkaratan. Moscow, 2001. 351 p.).
5. Ismagilov R. S. Mediafilosofiya kak podkhod k issledovaniyu mediaprostranstva (Media philosophy as an approach to the study of media space). *Vestn. Chelyab. gos. un-ta* (Bulletin of the Chelyabinsk State University), 2014, no. 17 (346), pp. 14–16 (in Russian).
6. Ustyantsev V. B. Antropologiya zhiznennogo prostranstva (Anthropology of living space). *Zhiznennoe prostranstvo cheloveka i obshchestva: sb. nauch. tr.* (The living space of man and society: collection of scientific papers). Saratov, 1995, pp. 5–16 (in Russian).
7. Olshanskaya A. V. *Kommunikativnyy protsess v usloviyakh globalizatsii: sotsialno-filosofskiy analiz*: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk (Communication process in the context of globalization: a socio-philosophical analysis: autoref. diss. ... cand. of philosophy). Moscow, 2005. 27 p. (in Russian).
8. Bakhtin M. M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza. Estetika slovesnogo tvorchestva* (The problem of text in linguistics, philology and other humanitarian sciences. Experience of philosophical analysis. Aesthetics of verbal creativity). Moscow, 1979. 301 p. (in Russian).
9. Vorontsova E. A. Kino kak sposob rasshireniya vizualnogo vospriyatiya v kulture rubezha XIX–XX vv. (Movie as a way of expanding visual awareness in the culture of XIX–XX centuries). *Analitika kulturologii* (Analytics of cultural science), 2013, no. 26, pp. 46–58 (in Russian).

Cite this article as:

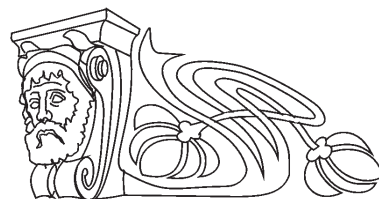
Odintsov A. V. The Media in the Network Society: Outlines of a New Ruling Elite. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 167–171. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-167-171.

УДК 316.74:2

ВНЕКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ РОССИЯН: ОПРОСЫ, ИНТЕРВЬЮ, МОНИТОРИНГ РУНЕТА

Петров Дмитрий Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: dpetrov77@mail.ru

Статья посвящена анализу и теоретическому осмыслению результатов второго, практического этапа исследования внеконфессиональной религиозности россиян. Количество внеконфессиональных верующих долгое время был незначительным, и отечественной гуманитарной наукой они никогда специально не изучались. Наш статистический анализ выявил резкий рост числа этой группы. Письменные опросы, анкетирование, интервью, мониторинг Рунета подтвердили часть наших гипотез, опровергли некоторые из них, внесли коррективы в остальные и поставили ряд новых вопросов. Прояснилась ситуация относительно типологии внеконфессиональных верующих, существования константной и подвижной акцентуаций веры, индивидуальной и групповой морфологии их религиозного комплекса, изменений в функциях обрядов и ритуалов в их религиозной практике и т.д. Также стала очевидна неправомерность редукции данной группы или индивидуальных верующих к таким организационным формам, как секта или новые религиозные движения, выявилась необоснованность приписывания им характера бессознательной, хаотичной веры и исключительно протестных, антиклерикальных настроений. В связи с ростом и усложнением феномена внеконфессиональных верующих возник вопрос о характере связи этого явления с культурным и социально-политическим контекстом нашей страны и взаимосвязи с общемировым контекстом, где это явление протекает масштабней и интенсивней.

Ключевые слова: внеконфессиональная религиозность, социология религии, религиоведение, религиозные процессы, свободомыслие.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-172-176

Мы уже обращали внимание на то, что, согласно статистике, с 2000-го по 2012 г. число неконфессиональных/внеконфессиональных верующих в России выросло с 6% до 25% [1,

с. 162]. По результатам проведенного нами в 2016 г. интернет-опроса [2], к внеконфессиональным верующим себя относят 22%, а еще 28% составляют группу «симпатизирующих», видящих для себя в этом что-то близкое, но затрудняющихся отнести себя к этой группе, 51% себя внеконфессиональными верующими не считает. Интересна группа симпатизирующих: во-первых, это очевидный потенциал для пополнения рядов внеконфессиональных верующих; во-вторых, опираясь на наши данные (живой опрос, письменный опрос прихожан религиозных общин, письменный опрос студентов, интервью, наблюдение, мониторинг открытых групп, форумов, сайтов), мы полагаем, что одна часть из этих симпатизирующих просто не решается примкнуть к «названию», «ярлыку», а другая – уже идентифицирует себя с «итсистемами», «антиитеистами» и т.д. Еще одна подгруппа, часто примыкающая к «симпатизирующим», – это условно конфессиональные верующие, т.е. формально и внешне принадлежащие к какой-либо конфессии, но внутренне не могущие себя идентифицировать со всей религиозной структурой и элементами этой конфессии: ритуалами, догматами, канонами, мифами и т.п., при этом они не обнаруживают своего неполного совпадения с другими верующими их прихода или общины, чтобы избежать психологического дискомфорта и не потерять то, чем они дорожат (общением, атмосферой и т.д.). Это отчетливо просматривается в результатах письменного опроса религиозных общин г. Саратова (табл. 1).

Таблица 1

Опрос религиозных общин г. Саратова, %

Вы относите себя к внеконфессиональным верующим	Православные	Католики	Лютеране	Адвентисты	Мусульмане
Да	–	–	–	7	9
Нет	93	100	86	93	82
Не знаю точно, но что-то близкое мне в этом есть	7	–	14	–	9

Как видим, среди конфессиональных верующих есть внеконфессиональные верующие (как бы это противоречиво ни звучало) и со-

чувствующие им, которые, как мы уже писали, достаточно близки. Внеконфессиональные верующие – явление, распространённое не только

на Западе [3], но и в нашей стране, и, вероятно, поэтому оно у большинства на слуху. 79% опрошенных слышали о внеконфессиональных верующих раньше, 69% уверены, что среди их близких и друзей есть внеконфессиональные верующие, 15% опрошенных заявили, что впервые слышат о внеконфессиональных верующих, 5% опрошенных заявили, что слышали о внеконфессиональных верующих, но понимают их «по-другому», а не согласно данному в опросе варианту определения. В одном из вопросов мы дали возможное определение неконфессиональных верующих: это люди, которые верят, но осознанно, по тем или иным причинам (уже или еще) себя не соотносят ни с какой религиозной конфессией и не связывают свою веру с религиозными догмами и канонами.

Распространенность явления внеконфессиональных верующих, интерес и внимание к нему со стороны российских граждан подтверждается и мониторингом сетевых ресурсов Рунета (открытых групп, сообществ, сайтов, форумов и т.д.). Этот мониторинг и анализ показывают высокую степень интереса, проявляемого к этому вопросу. Люди спрашивают о том, кто это? Как их следует понимать? Есть ли у них принципы веры, credo? А верующие ли они вообще? Встречаются ли они в России? Есть ли у них свои молитвенные собрания? Сколько их в России? [4]. В Рунете встречаются две больших группы: сами внеконфессиональные верующие (преобладают внеконфессиональные христиане) и те, кто вступают с ними в диалог или в «теологический» спор (представители разных конфессий и просто философствующие). Самая распространенная форма вопроса для обсуждения на таких форумах: «Может ли христианин быть внеконфессиональным?» [5]. Часто высказываются негативные мнения по этому поводу, но все они по-разному мотивируются, т.е. в таких спорах возникает целое направление теологии, которое можно условно назвать «апологетикой внеконфессиональной веры». На порталах,

форумах и в открытых группах религиозной и «околорелигиоведческой» направленности можно встретить самые различные попытки «определить» внеконфессиональных верующих, и, как правило, совершается редуционистская ошибка: внеконфессиональных верующих соотносят с Нью Эйдж (New Age) или с невоцерковленными/расцерковленными, с итсистами и т.д. «Христианин не может быть внеконфессиональным доктринально, по вероучению, а только институционально» – таково мнение большого числа высказывающихся на открытых христианских форумах, где встречаются в основном христиане протестантского толка. По наблюдению, на интернет-площадках степень толерантности конфессиональных верующих к внеконфессиональным и наоборот невелика.

Наш интернет-опрос дал совсем другую картину и показал высокую степень терпимости и принятия внеконфессиональных верующих – 92%: среди них 56% признали право внеконфессиональных верующих «верить по-своему», 19% относятся к ним «терпимо», 15% ответили, что относятся к ним «положительно», 2% заявили, что это «единственная форма веры, которую я одобряю»; «нетерпимо» относятся к внеконфессиональным верующим 8% опрошенных.

Мы также попытались выявить уровень терпимости и позицию в отношении конфессиональных верующих к внеконфессиональным. Был задан вопрос: как ваша церковь или религиозная община должны относиться к внеконфессиональным верующим? 61% опрошенных ответили – «уважать их выбор», 21% – «вразумлять их», 15% полагают, что их церковь или община должны «сотрудничать с ними» и 3% – что их церковь или община должны «осуждать внеконфессиональных верующих».

Тот же вопрос мы задали и в анкете при дифференцированном подходе, опрашивая религиозные общины г. Саратова: первая и четвертая позиции – показатели высокой степени толерантности, вторая и третья – низкой (табл. 2).

Таблица 2

Опрос религиозных общин г. Саратова, %

Как ваша церковь должна относиться к внеконфессиональным верующим	Православные	Католики	Лютеране	Адвентисты	Мусульмане
1. Уважать их выбор	25	54	64	87	20
2. Осуждать	8	–	–	–	–
3. Вразумлять их	51	23	7	–	30
4. Сотрудничать с ними	16	23	29	13	50

В интернет-опросе мы попытались узнать мнение людей о причинах внеконфессиональной религиозности: 26% назвали «свободный поиск

Бога», 20% полагают, что внеконфессиональная религиозность связана «с духовным ростом и развитием личности», 18% отметили «потерю

доверия к религиям», 12% считают причиной «индивидуализм и эгоизм», 8% полагают, что они «потеряли истинную веру», 5% ответили, что внеконфессиональные верующие «не поняли суть религии», и 10% не нашли «своих» причин в списке.

Интересен результат опроса студентов Саратовского государственного университета: самым популярным ответом среди студентов-естественников и гуманитариев был – «из-за потери доверия к религиям» – 30%; вторым по популярности у гуманитариев – «свободно ищут Бога» (20%), у естественников это место разделило три ответа: «свободно ищут Бога» (20%), «потому что не поняли религии» (20%) и указали все причины 20%.

Опрос религиозных общин Саратова по этому вопросу показал: самыми популярными ответами среди опрошенных православных были: «из-за потери истинной веры» (30%), «из-за потери доверия к религиям» (23%), «не поняли религии» (23%). Прихожане католического храма ответили: «потеря доверия к религиям» (35%), «потеря истинной веры» (21%), «не поняли религии» (21%). Члены лютеранского прихода выбрали: «не поняли религии» (35%), «потеря доверия к религиям» (28%), выбрали несколько причин – 21%. Члены адвентистской церкви считают причиной: «потерю доверия к религиям» (60%), «свободно ищут Бога» (33%). Члены мусульманской общины выбрали: «потерю истинной веры» (27%), «свободно ищут Бога» (18%), «потерю доверия к религиям» (18%), «не поняли религии» (18%).

Среди внеконфессиональных верующих россиян можно выделить две большие группы: одни никогда не принадлежали к какой-либо конфессии, другие ранее принадлежали, но теперь не относят себя к ней по тем или иным причинам. По результатам интернет-опроса, 46% опрошенных внеконфессиональных верующих ответили, что ранее не принадлежали ни к какой конфессии, 31% ранее принадлежали к христианским, 3% – к буддизму, 3% – к иудаизму, 17% не нашли ту конфессию, из которой они вышли, в списке. О причине своего выхода из конфессии 45% ответили: «Бог в сердце, а не в “клетке” конфессий», 13% – что «предпочитают свободное богообщение и богопознание», еще 13% считают, что «организованные религии – это только деньги и власть», 8% «перестали доверять» организованным религиям, еще 8% «разочаровались в религиозном учении», 5% покинули конфессию вследствие непринятия ее догматизма, и 8% не нашли «свою» причину в списке.

Согласно нашей типологизации [6], внеконфессиональных верующих первоначально можно

поделить на две большие группы – внеконфессиональных христиан и внеконфессиональных верующих более сложного типа. Интернет-опрос показал, что 43% внеконфессиональных верующих акцентированы на христианстве, 23% выбрали буддизм как традицию, наиболее близкую им по духу, 9% – даосизм, 7% – индуизм, 2% назвали иудаизм, 16% внеконфессиональных верующих не нашли наиболее близкую им традицию в списке.

У этих типов внеконфессиональных верующих так же, как и внутри одного типа, наблюдается разная степень институциональной близости. Это могут быть внеконфессиональные христиане, которые посещают храмы, руководствуясь субъективными основаниями, например, это один из второстепенных элементов религиозной практики. Это могут быть внеконфессиональные верующие более сложного типа, время от времени посещающие различные христианские, буддийские центры, собрания дзочен, участвующие в ретритах и т.д., но дистанцирующиеся от религиозных институций: 64% внеконфессиональных верующих ответили, что изредка посещают богослужения, собрания той религиозной традиции, которая им ближе по духу, 36% никогда не посещают. Мы попытались выяснить, с какой целью внеконфессиональные верующие посещают церкви и религиозные общины: 30% опрошенных посещают церкви, молитвенные собрания «ради особой атмосферы», 15% принимают «участие в службе и молитве», 6% – «ради общения» и еще 6% – «по привычке», 43% не нашли «своей» причины в списке.

Анализ полученных результатов показывает, что внеконфессиональные верующие, посещающие богослужения, молитвенные собрания, условно делятся на несколько групп:

1) те, кто находится «в поиске», «еще размышляет» или «пока сомневается», т.е. симпатизирует той или иной конфессии, но не принял окончательного решения о присоединении или неприсоединении к ней; они наблюдают, изучают религиозную литературу разных традиций, прислушиваются к своим ощущениям и взвешивают все прагматические «за» и «против»;

2) верующие, принадлежащие к той или иной конфессии номинально, но внутренне не соотносящие себя со всеми догматами, канонами, вероучительными принципами, мифологией и т.д.; такие люди предпочитают не афишировать свои взгляды и не заявлять о них в конфессиональной среде, боясь непонимания, осуждения, исключения из организованной группы, лишения эмоциональной поддержки, но внутренне более гибко и широко интерпрети-

руют свою религиозную веру и симпатизируют внеконфессиональным верующим;

3) те, кто не находит другого способа религиозного единения с группой, общения, и посещают собрания более близких им по взглядам конфессий; у них мотивация может быть самая разная;

4) верующие, «вышедшие» из той или иной конфессии, но продолжающие посещать церковь, собрания по привычке.

Таким образом, внеконфессиональность верующих не мешает им разделять некоторые принципы, идеи, обряды и принимать некоторые мифологические образы тех или иных организованных религий: 33% внеконфессиональных верующих указали, что сохраняют веру в некоторые обряды и философские идеи той религии, которая им ближе по духу или была близка ранее; 31% верят только в духовный смысл (добро и зло, любовь и сострадание, помощь ближнему и т.д.) той религии, которая им ближе по духу или была близка ранее; 19% ответили, что сохраняют веру только в часть представлений и 17% – «почти во все» той религии, которая им ближе по духу или была близка ранее.

Посещение внеконфессиональными верующими церквей, общин, участие в богослужениях, молитве свидетельствуют об определённой потребности в идентификации, «тоске» по общению с единомышленниками и желанию разделить свою веру с другими верующими. Насколько и как реализуется эта потребность показывают результаты опроса: 39% сохраняют понимание религиозной веры как чего-то личного и индивидуального, 37% имеют круг общения, в котором реализуется эта потребность (интервью показывают, что сюда включаются и социальные сети, форумы, сайты), 19% хотели бы найти единомышленников (не только и не сколько в Интернете, но в личной жизни, для живого общения), и 5% ответили, что «можно даже создать общину».

В России внеконфессиональные христиане и внеконфессиональные верующие более сложного типа не имеют специально созданных общих площадок для коммуникации, сотрудничества и социального служения подобно тем, что мы наблюдаем в Европе и США – «движений против организованных религий» или «Простых Церквей» и т.д. Отсутствие у российских внеконфессиональных верующих стремления к такой идейной и социальной сплоченности означает только одно: эта группа пока сохраняет свои исходные персоналистические черты.

Особое отношение у внеконфессиональных верующих к обрядовой и ритуальной стороне религий: 49% опрошенных избирательно ис-

полняют некоторые ритуалы и обряды организованных религий, 18% исполняют «свои» ритуалы и обряды, 12% вообще игнорируют ритуальную и обрядовую сторону религии, 9% считают их второстепенным, 12% опрошенных не нашли свой ответ в списке. Как видим, внеконфессиональных верующих характеризует не только избирательность и равнодушие по отношению к ритуально-обрядовой стороне религиозной жизни, но и наличие своих, индивидуальных ритуалов и обрядов, которые они исполняют либо посещая церкви и общины, либо у себя дома. Мы попытались прояснить этот вопрос: выяснилось, что у 45% нет индивидуальных форм выражения своей религиозной веры, 29% ответили, что у них есть такие формы выражения веры, т.е. обряды и ритуалы, и они не статичны, «могут меняться»; у 13% есть свои обряды и ритуалы, а еще 13% ответили, что они есть, но для них неважны. Таким образом, к индивидуальным формам ритуалов и обрядов внеконфессиональные верующие относятся нестрого, понимая их второстепенность и зависимость выражения веры от ситуации, окружения и духовного настроя.

Внеконфессиональная религиозность россиян – динамичное, сложное и малоизученное явление. С одной стороны, оно связано с общей эволюцией религиозности, с другой – с исторической спецификой, особенностями культурной и социально-политической ситуации в нашей стране.

Список литературы

1. Петров Д. Б. Динамика религиозных общностей в рискогенной реальности на примере роста неконфессиональных верующих // Динамика религиозных общностей в рискогенной реальности / под ред. И. А. Дорошина. Саратов, 2015, С. 162–179.
2. Петров Д. Б. Анкета «Неконфессиональные верующие России». URL: <http://webanketa.com/forms/64sk2e9p6rqk4s9k6hh38shr/> (дата обращения: 12.11.2016).
3. Smith G. F., Cooperman A. The factors driving the growth of religious 'nones' in the U.S. // Pew Research. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/09/14/the-factors-driving-the-growth-of-religious-nones-in-the-u-s/> (дата обращения: 10.05.2016).
4. Евангелие : христианский портал. URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t116465.html/> (дата обращения: 06.04.16).
5. Открытый христианский форум. URL: <http://jesuschrist.ru/forum/377013,,all.php/> (дата обращения: 29.03.2016).
6. Петров Д. Б. Типология неконфессиональных верующих : культурный, политический и социальный потенциал // Аспирантский вестн. Поволжья. Сер. Философские науки. 2015. № 3–4. С. 95–102.

Образец для цитирования:

Петров Д. Б. Внеконфессиональная религиозность россиян: опросы, интервью, мониторинг Рунета // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 172–176. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-172-176.

**Nondenominational Religiosity of the Russians:
the Results of Questionnaires, Surveys, Interviews
and Monitoring of Runet**

D. B. Petrov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: dpetrov77@mail.ru

The article is devoted to the analysis and theoretical understanding of the results of the second, practical stage of the study of the Russians' nondenominational religiosity. Written surveys, questionnaires, interviews, monitoring of Runet have confirmed a part of our hypotheses, have refuted some of them, have made adjustments to the rest and have raised a number of new scientific issues. It has showed up with the situation regarding the typology of «nones», of the existence of a constant and a mobile accentuation of faith, of individual and group morphology of their religious complex, of changes in the functions of the rites and rituals in their religious practice etc. Also the illegality of the reduction of this group or of individual believers to such organizational forms as a sect or new religious movement has become evident. The groundlessness of attributing them to a kind of an unconscious chaotic faith or exclusively protest, anticlerical sentiment has come to light. In connection with the growth and complexity of the phenomenon of «nones», there arose the question about the nature of the relationship of this phenomenon with cultural and social-political context of our country and the relationship with the global context where this phenomenon occurs on a larger scale and more intensively.

Key words: nondenominational religiosity, nones, sociology of religion, religious studies, religious processes, freethinking.

References

1. Petrov D. B. Dinamika religioznykh obshchnostey v riskogennoy realnosti na primere rosta nekonfessionalnykh veruyushchikh (The dynamics of religious communities in risk-taking reality by the growth of non-denominational believers). *Dinamika religioznykh obshchnostey v riskogennoy realnosti* (The dynamics of religious communities in risk-taking reality). Ed. I. A. Doroshin. Saratov, 2015, pp. 162–179 (in Russian).
2. Petrov D. B. *Anketa «Nekonfessionalnye veruyushchie Rossii»* (About non-confessional Russian believers). Available at: webanketa.com/forms/64sk2e9p6rpk4s9k6hh38shr/ (accessed 11 December 2016) (in Russian).
3. Smith G. F., Cooperman A. *The factors driving the growth of religious 'nones' in the U.S. Pew Research*. Available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/09/14/the-factors-driving-the-growth-of-religious-nones-in-the-u-s/> (accessed 10 May 2016) (in Russian).
4. *Evangelie: hristianskiy portal* (Gospel: Christian portal). Available at: <http://www.evangelie.ru/forum/t116465.html/> (accessed 06 April 2016) (in Russian).
5. *Otkrytyy hristianskiy forum* (Open Christian Forum). Available at: <http://jesuschrist.ru/forum/377013,,all.php/> (accessed 29 March 2016) (in Russian).
6. Petrov D. B. Tipologiya nekonfessionalnykh veruyushchikh: kulturnyy, politicheskiy i socialnyy potentsial (Typology of «nones»: cultural, political and social potential). *Aspirantskiy vestnik Povolzhya. Ser. Filosofskie nauki* (Postgraduate bulletin of the Volga region. Ser. Philosophical sciences), 2015, no. 3–4, pp. 95–102 (in Russian).

Cite this article as:

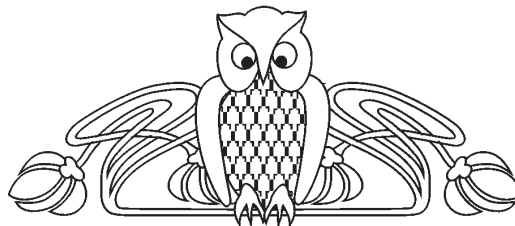
Petrov D. B. Nondenominational Religiosity of the Russians: the Results of Questionnaires, Surveys, Interviews and Monitoring of Runet. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 172–176. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-172-176.

УДК 304.9 + 008

ЗОДЧИЕ УТОПИЧЕСКОГО: «ГОРОД БЕЗ ИМЕНИ» В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: filmon-2006@yandex.ru

Теоретическая значимость утопии не утрачивает своего проективного значения, поскольку неизменная потребность кардинальных перемен, желание выйти за пределы действительности, совершить невозможное есть всегда узнаваемый признак утопического мышления, внутренне противоречивого и двойственного. С одной стороны, оно вселяет надежду на счастье и, будучи ниспровергающим по сути, новаторски противостоит и оспаривает существующую данность; с другой стороны, ассоциируется с идеологическими уклонами проектов будущего, основанных на подобию «муравьиной необходимости», на модели порядка жесткого и даже жестокого. Однако, так или иначе, утопическая рациональность всякий раз воспроизводит красочную мифологическую топикку отдаленного будущего, и тогда его зодчие выступают как предтечи, наделенные даром пророчества и предвидения. В статье показывается, что воплощение утопического на практике имеет негативный эффект, который исходит не от утопий самих по себе, а от людей, готовых приводить в безусловное исполнение свои или чужие мысли. Обращение к философско-литературному творчеству В. Ф. Одоевского – прямое выражение обозначенной интенции. Его оригинальное сочинение «Город без имени» является интеллектуальной проверкой практической морали И. Бентама в отношении к перспективе социальной будущности. На этом пути как для него ранее, так и для нас теперь пролегает разгадка утопичности и сомнительности утилитаристской теории, несмотря на ее видимую убедительность.

Ключевые слова: утопия, утопическая рациональность, анти-утопия, практическая этика утилитаризма, русская философия, В. Ф. Одоевский.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-177-182

Не будет преувеличением, если скажем, что перспективы и цели, закрепившиеся в направлениях социально-философской, политико-экономической мысли и на горизонтали культурного творчества, являются вторичным следствием первичных проявлений утопического. Повесть князя Владимира Федоровича Одоевского «Город без имени» (1839) – один из замечательных памятников отечественной словесности, который принято считать предвосхищением негативной утопии. Несмотря на большой временной период, отделяющий нас от ее написания, поразительно много сказанного в ней остается верным до сих пор. Ведь не ошибался В. В. Розанов, когда говорил, что «Одоевский везде шел впереди своего времени, впереди на несколько десятилетий <...>

его рассуждения понятны, интересны и новы» [1], поэтому в предсказательном значении повести нет надобности убеждать. Полагаем, что если обратиться к философической составляющей ее отдельных сюжетных линий, то можно будет выйти на ряд актуальных аллюзий относительно не только нашей современности, но и её будущности.

«Город без имени» является своеобразным и, как представляется, пока еще недостаточно освоенным, но, бесспорно, имеющим философское достоинство сочинением. Поэтическая дидактика, живая стимулирующая сила идей и прозрений, заложенных в нем, пленяют и притягивают наше внимание, а мысли и наблюдения, поданные подчас в форме эксцентричных фантазмагорий, не могут не заставить удивиться и задуматься, казалось бы, о том, о чем давно можно было бы догадаться. Действительно, повествующая речь Одоевского то ясная, то до предела затемненная, его намеки нередко прозрачны и откровенны, но чаще подаются ироническими полутонами, в загадочной размерности воображаемо-допустимой реальности и потому требуют интуирования, самостоятельного домысливания, досказывания. Но, с другой стороны, именно замечательная особенность этого приема и культивирует «умственную самостоятельность», которая, в свою очередь, становится своеобразным показателем того, насколько мы в состоянии распознать замыслы Одоевского, и, как показывает прочтение повести, – это непростая задача.

Быть может, мы продвинемся в ее решении, если обратимся к некоторым стилистическим особенностям и специфическим темам в творчестве Одоевского, которые имеют корни в культурно-исторической традиции и духовной ситуации современной ему эпохи.

Говорят, что всякое время имеет таких писателей, каких оно требует и стоит. К середине XIX в. к мировой культуре, которая только начала осознавать себя как общемировая, присоединилась Россия. Духовный уровень русской литературы тогда был очень высок – Жуковский, Веневитинов, Грибоедов, Пушкин и много других знаковых имен. Князь В. Ф. Одоевский также стал

тем, кем дорожит высокая культура: универсально образованный и универсально одаренный верующий интеллигент, любомудр, ученый, писатель, музыкант, филантроп, упрямый патриот и немного мистик. Обладая умом глубоким и пронзительным, способный мыслить оригинально, в иноказательных категориях, он создал нетипичную для русской литературы той поры прозу – философский роман «Русские ночи». Книгу по праву можно назвать мировоззренческим исповеданием автора, поскольку ведущим началом и главным героем этого уникального по композиции и жанру сочинения является, как отмечают литературные критики, «сама философствующая мысль: жизнь мысли и драма мысли» [2, с. 262]. Серия философских бесед, из которых складывается сюжет, вводит нас в русский взгляд на мир, хотя отчасти и видоизмененный от прививки западного просвещения, немецкого романтизма и мистики.

На наш взгляд, Одоевский – один из тех писателей-мыслителей, которые сумели создать свой «миф» в философском искусстве, и этим «мифом» являются его «Русские ночи». Атрибуты этого «мифа» – весь цикл новелл и каждая в отдельности, которые, по сути, обобщенно представили его мирозерцание. В этом, пожалуй, сказалось его постоянное стремление к «всеохватывающему синтезу», к цельности и внутренней гармонии. Есть и еще одна атрибуция – футуристическая составляющая, и рождена она удивительной склонностью Одоевского к соединению несоединимого.

Сохраняя родовую близость утопии и фантазии, он прихотливо смешивает и иронично сгущает до невероятного необычные ситуации – с точным воссозданием деталей повседневного городского быта и нравов, скептицизм – с сочувствием человеческим страданиям, мистический настрой – с язвительными насмешками над филистерством и фарисейством. Механизм такой выразительной работы достаточно тонкий, но смешением двух реальностей – действительной и мнимой – Одоевский достигает гротескного укрупнения утопии в антиутопию.

Характерно, что «Город без имени», открывающий в «Русских ночах» «Ночь пятаю», стал культурным паролем негативной утопии. В нем много удачных идей, касающихся разных философских тем, однако наше внимание склоняется к той, что прошла через все творчество Одоевского. Хочется думать, что не будет большим преувеличением заявить, что в круге образной и философско-литературной программы писателя неизменно присутствует тема города. Одоевский – урбанист, и его метафизические и научные идеи, эстетические и этические идеалы,

сужающиеся до семантических слоев сюжетных сцен и изображений, не могли быть выражены иначе, как через мир и многолюдье города: в нем и через него он пристально всматривается в действительность и ее будущность. Что же видел он там, стирая в своем воображении границы между реальным, желаемым и возможным?

Прежде всего, «Город без имени» – это не сумма мечтаний о земном рае, это критика форм и духа новейшей урбанизированной жизни. Сегодня мы знаем уже достаточно из литературной критики о скептическом отношении Одоевского к просветительскому рационализму, ставшему основой моральных, юридических норм и государственного устройства западных стран [3, 4]. Он был убежден, что в этом различные народы играют различные роли. Здесь для него существенны, прежде всего, Франция, Германия и далее в одном ряду с ними носители крайнего направления – Англия и Америка. Но как отмечал В. В. Зеньковский, Одоевский «первый касается в более систематической форме этой темы, столь глубоко волновавшей (и доныне волнующей) русскую мысль» [5, с. 172].

Мишень Одоевского – аксиома утилитаризма, опора всех человеческих отношений, как политических, так и моральных. И. Бентам, как известно, предложил удобный выход из затруднений нравственного порядка. Суть его выражается в погашении желаний (страданий) организацией их незамедлительного удовлетворения посредством «математической выкладки». Утилитаристская дидактика базируется на требовании материальной пользы и выгоды от всего – от хозяйства, религии, науки, искусства. Нравственность не является самостоятельным началом человеческой души и жизни, а есть хорошо истолкованная польза – таково кредо утилитариев. Вот как звучит его Одоевский в своем «Городе»: «Польза и одна польза – да будет вашим первым и последним законом! Пусть из неё происходят будут все ваши постановления, ваши занятия, ваши нравы; пусть польза заменит шаткие основания так называемой совести, так называемого врожденного чувства, все поэтические бредни, все вымыслы филантропов – и общество достигнет прочного благоденствия» [6, с. 63].

Однако достигла ли «моральная арифметика» своих целей в «Городе» Одоевского? Сам писатель-философ дает предостерегающий ответ. Казалось бы, граждане Бентамии вплотную приблизились к тому состоянию, когда «ничто не нарушало спокойствия и наслаждений счастливого острова». Но, несмотря на ощутимую рентабельность («все наши богателы – колония процветала»), именно тогда выясняется, что расчетливо-практический,

деловито-предметный подход к жизни не принес им счастливой судьбы. Когда все и всегда захотели получать «ощутительную пользу», то единственным способом ее добычи оказалась сила. Отсюда последовали конфликты с соседями, захват новых земель, эксплуатация, войны («Бентамия сделалась государством грозным и сильным»). При том, что сохранялось и продолжало в ней жить всё, чем знаменито утилитарно-нравственное сознание – добывание любыми средствами вещественных выгод, стали возникать внутренние раздоры. Но и этим вред, наносимый неустранимой потребностью пользы, не исчерпался. Все, «в ком нашлась хотя искра божественного огня, были, как вредные мечтатели, изгнаны из города», науки и искусства совершенно замолкли, «таинственные источники духа иссякли», «торжествовал банкирский феодализм». В довершение природные катаклизмы, мор, голод в сочетании с обманами, презрением к человеческому достоинству и «угодами самым грубым требованиям плоти» привели к гибели Город и его обитателей [6, с. 65–71].

Избранная стратегия (беллетризованная форма утопии-предостережения) позволила Одоевскому по-своему эффективно разрешить задачу, которая всегда была в моральной философии важнейшей: проблему напряженности между «сущим» и «должным». Продумывая разнообразные коллизии, с которыми сталкиваются жители «Города», Одоевский всякий раз выполняет одну и ту же работу: проверяет суть практической морали И. Бентама в отношении к социальной перспективе. Здесь для него лежит разгадка и понимание сомнительности утилитаристской теории, несмотря на ее видимую убедительность и обоснованность. Та ночная беседа, которую ведут три молодых философа и их ученый друг Фауст, блестяще это иллюстрирует. Ироничный тон Фауста, а через него и ирония Одоевского, по воле которого и выступает Фауст, озвучен так: «я, как ученый <...> замечаю только, что говорят другие, а сам ничего не говорю; однако ж, мне сдается, что наибольшую роль играет во всей вселенной именно то, что менее осязаемо или что менее полезно» [6, с. 74].

Под пером Одоевского утилитаристские рецепты морального поведения выступают в виде обманчивой в своих блистательных выводах вербальной оболочки («основательность», «дело», «естественное течение дел», «важность торговли» и т.п.). Роковая ошибка людей «Города», как показал ход происшедших в нем событий, заключалась в том, что в страстном и всеобщем стремлении к благополучию побудительным мотивом любого своего действия они избрали только расчетливый ориентир – на всех ступенях и во всех градациях

налицо конъюнктура утилитарно-чувственного. В итоге весь чувственный арсенал их борьбы за будущее счастье, равно как и вся аргументация, оказались крайне рационалистичными и плоскими. Одоевский карает смертью общество, отказавшееся от высших духовных интересов. Он не допускает полного материализма и отказа от самооценности духовного: «Сохрани нас Бог сосредоточить все умственные, нравственные и физические силы на одно материальное направление, как бы полезно оно ни было» [6, с. 35].

Можно добавить, что вопрос пользы, поднят Одоевским, не был исчерпан. Здесь хочется привлечь внимание к двум любопытным моментам: во-первых, в своем знании и своей критике бентамовских идей он опережал русскую мысль на десятилетия. Особо подчеркивая это обстоятельство, В. Розанов скажет: «Бентам был переведен на русский язык только через 50–40 лет после того, как в начинающейся русской философской литературе было дано это изящное, легкое и полное опровержение его теорий» [1].

Во-вторых, моральная теория Бентама – не иллюзия, она была и остается по сегодняшний день ориентиром преуспевающей западной цивилизации. Все концепции социального утилитаризма и справедливости строились и выстраиваются на её основе. К тому же не менее восторженно практическая мораль Бентама была воспринята в России. Вновь процитируем В. Розанова, который довольно едко свидетельствует, что: «“Ночей” князя Одоевского совершенно не существовало в продаже, не было и в библиотеках, когда студенты и даже гимназисты зачитывались им и Д. С. Миллем, увлекались вообще утилитаризмом. И на почве же теорий Бентама была построена вся “передовая” журналистика 60-х годов, с “Современником” и “Русским словом” во главе. Чернышевский все рекомендовал “умные иностранные книжки”, не прочитав сам одной замечательной умной русской книжки, ознакомься с которой, он сложил бы крылья и положил перо» [1].

Неужели из всего этого следует, что Одоевский был одинок в своих критических оценках? Нет, позднее Бентама называли по-разному: не только «законодателем мира», но и «гением буржуазной тупости». В его морали видели «лавочническую арифметику», «что-то безнадежно смердяковское, что-то глубоко опошляющее», вызывающее «почти брезгливость» [7, с. 349].

Признавая недостаточность и однородность теории английского утилитариста, П. Сорокин, однако, нашел слова в ее оправдание. Так, отмечая практическое значение морального утилитаризма для основных институтов права и политэкономических школ, он предложил злословящим

критикам обратить внимание на общность бентамовской максимы (наибольшее счастье наибольшего количества людей) и тезисов социализма [6, с. 385]. Уже позднее, в своей концепции социальной и культурной динамики он выскажет иное суждение: общество, в котором «каждый считает, что у него есть право быть самому себе нравственным законодателем, обязательно придет к упадку», «так должно быть, и так будет» [7, с. 492]. Сорокин категоричен: «...многочисленные “современные” специалисты по этике, уверяющие нас в том, будто времена императивной системы этики прошли, что отныне будущее всецело принадлежит “научно обоснованной” технике морали чисто утилитарного, эвдемонического или гедонистического типа, – все они суть не что иное, как несчастные жертвы собственного скудного воображения и ограниченности знания» [8, с. 494].

Разве не напоминает нам заключение П. Сорокина и по сути, и по манере то, что давно было очевидно князю Одоевскому? Но разве не удивительно также, что, наблюдая человеческие идеи и характеры, созвучные или диссонансные собственной духовной позиции, устанавливая между ними естественные или аллегорические связи, Одоевский – этот неутомимый искатель истины, «русский Фауст», как его называли, – неизменно и как бы немислимым образом попадает в самую сердцевину самых сущностных тягот и вопросов человека?

Рассуждая далее, спросим себя: почему же у повести такое название? Что князь имел в виду, отказывая «Городу» в имени? Можно предположить, что название – это как бы «образ с двойным дном», ибо, с точки зрения замысла, укладывается в первоначальное – утопия. Здесь очевидная связь: это как два символических жеста, две позиции по отношению друг к другу, определяющих себя в качестве опыта некоей реальности, которая принадлежит исключительно человеческому духу и которой он сам себя являет.

Несомненно, само по себе название «Город без имени» – образ аллегорический, продукт воображения, отсылающий в некую область, к некоему месту или прообразу, имя которому – Утопия, именно та Утопия, что предполагал Т. Мор.

Но у «Города» Одоевского нет имени, а то, что имя есть слово, а значит и смысл, – такой переход бесспорен. Даже если смыслы не всегда могут быть прочитаны, они могут смутно угадываться или ощущаться, чего вполне достаточно, чтобы не потеряться в лабиринтах сознания или не кануть в провалах памяти. Смысл позволяет образу закрепиться, озаглаиваться в символе. Соответственно, убеждающая сила образов, призванных снимать иллюзии, действует сильнее, чем

весомый аргумент. Вот в таком символическом смысле исключительной демаскирующей силой обладает слово «утопия», которым именуется свой роман Т. Мор. Основной смысл и этос «Утопии» не в моделировании практической программы действия. Ее идеальность, что намеренно подчеркивал Мор, заключена в том, что описываемое им место нигде не существует, никогда не существовало и не будет существовать, что оно и не должно существовать. Горе тому, кто вознамерился бы применить в реальной жизни то, что является лишь ходом мысли, методом понимания и продвижения к истине. Т. Мор – выразитель христианского гуманизма, и потому неосуществимость идеала, невозможность совершенства в этом мире, где ход истории провиденциален, для него определяется противостоянием эсхатологического и исторического состояния человечества [9].

Иное дело утопия Одоевского. Если он в названии лишает «Город» имени, то одновременно лишает его и образа, и смысла. Если Т. Мор Утопия не представлялась перечнем уже осуществленных идей, но зеркалом, в котором отразились бы несправедливость и пороки, господствующие в действительном мире, то Одоевский сознательно стремится показать трагедию их осуществления в реальности. Его риторика направлена к тому, чтобы убедить, что все несчастья мира происходят не от утопий, а от тех безумцев, которые готовы «вполне приводить в исполнение свои мысли». Но в чем они оба сходятся, так это в необходимости радикального изменения человеческого духа, однако путем обращения его к христианским идеалам в случае с Мором, и путем цельного познания, по Одоевскому. Ибо князь не разуверился в человеке, которому, как он причудливо выразился, «так трудно все совершенное, что ему даже недостает способностей совершенно оскотиться» [5, с. 14].

Думается, было бы правильнее сказать, что название «Город без имени» – это псевдоним Утопии, маска Бентама, под выдуманностью и условностью которой, по мысли Одоевского, «скрывается» сциентистски-утилитарный топос западническо-урбанистической цивилизации. Это место – Бентамия. Она – реальность, даже если в вещественном смысле от нее остался лишь один «четвероугольный камень». Она есть, поскольку продолжает существовать в своих подобиях. И Одоевский сообщает об этом мудреной фразой Фауста: «банкирский феодализм на Западе не попал прямо на дорогу бентамитов; а на другом полушарии есть страна, которая, кажется, пошла и дальше по этой дороге; там уже дуэли не на языке, не на шпагах, а просто – на зубах сделались вещию обыкновенною» [6, с. 72].

Таким образом, Одоевский удовлетворяется возможностью показать, что никому не запрещается поддаваться соблазну подчас бесспорной прелести идей, только не стоит наивно думать, что этот мир «существует не существуя». Поэтому сам он не форсирует тоску по «новому городу», где все будут как братья, но подвергает сомнению конечную цель всяких утопий – земной рай. Ему очевиден вред, нанесенный экономистами-утилитариями, самопровозгласившими себя «за первых в человеческом роде». Под видом активных идейных реформаторов они «сочли для себя возможным предписывать ему законы и указывать ему цель» [5, с. 73], однако даже не эта ложная самонадеянность столь важна для князя.

Одоевского интересует не то, что есть, а то, что истинно, и путь, который открывается этому желанию, не имеет конца: «Истина не передается! <...> кто поручится за полную чистоту своего слова?» [5, с. 14–15]. Для нас это еще одна под-сказка, почему он восстает против защиты идей-однодневок, против «выжатых» из нелепостей и заблуждений «строгих, одетых в математическую форму» законов, прилагаемых к другому всё также изобретенному фантому – «человеческому обществу». Знаменательно, что обличение всякого рода «софистического бреда» он препоручает особой персоне – одетому в черную епанчу незнакомцу, которому так же, как и «Городу» – не дает имени. Незнакомец именуется сам, взывая к нему: «Я, последний из твоих пророков» [6, с. 70].

Здесь Одоевский показывает, как акт именованья от первого лица фиксирует историческое событие, замыкающее в себе срез между прошлым и будущим и содержащее в самом себе знак апокалипсической чрезвычайности, символически сокрытый за псевдонимом (Город без имени). Если выразиться по-другому, то можно сказать: оригинальность подхода Одоевского проявляется в том, что лишая «Город» имени, он указывает этим на его сверхисторическое значение. Если отшельник в черной епанче существует в границах определенного исторического горизонта, конкретного времени и места – печальной судьбы Бен-Тами, то его апокалипсические пророчества носят совершенно безличный характер и, по сути, устремлены к абстрактной объективности: «Горе тебе страна нечестия <...> Падут твои чертоги, порвется твоя одежда, травую прорастут твои стогны, и имя твое будет забыто» [5, с. 69].

Однако сохраняя условность утопического, Одоевский мягкой иронией сглаживает безусловный трагизм пророческих вдохновений:

разве не показались трактирщику и жителям соседней станции странными, бессмысленными и безумными проповеди отшельника? Нам же в контексте этих сюжетных аллюзий остается проявить догадку: «Город без имени» всегда там и везде, где «мнимый бог оказался грубым идолом» [10, с. 106].

Ясно с очевидностью, что не только древнейшее и глубочайшее беспрепятственно соединяются с утопическим. Коллизия в том, что в происходящих изменениях продолжает жить, став, казалось бы, нетленным, то, что первоначально и сотворил утопический дух. Однажды достигнутое не может быть утрачено безвозвратно, даже если установленный социальный порядок неверно воспринял общий круг идей, использовав его или искаженно, или недостаточно глубоко. Из-за чересчур заманчивых перспектив «райской жизни» и иных внешних раздражителей и возбудителей надежд, из-за привычной и легкомысленной недооценки того, что, собственно, есть на практике испытанная утопичность, представления о возможном лучше всего трансформируются в химеру, превращаются в догму. И в этом укрывается нечто архетипическое, сохраняющее в наше время силу и на нас воздействующее.

Список литературы

1. Розанов В. В. Чаадаев и кн. Одоевский // Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. Повести. Статьи. Письма. Критика и воспоминания современников. Московские адреса. М., 2006. URL: <http://imwerden.de> (дата обращения: 15.11.2016).
2. Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // В. Ф. Одоевский. Русские ночи. Л., 1975. 317 с.
3. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель : в 2 т. М., 1913. Т. 1, ч. 2. 480 с.
4. Сумцов Н. Ф. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1884. URL: <http://imwerden.de> (дата обращения: 15.11.2016).
5. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Ростов н/Д, 2004. Т. 1. 544 с.
6. Одоевский В. Ф. Город без имени // В. Ф. Одоевский. Русские ночи. Л., 1975. 317 с.
7. Сорокин П. Новый труд о Бен-Таме // Этическая мысль : науч.-публ. чтения. М., 1990. С. 349–358.
8. Сорокин П. Социальная и культурная динамика : исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. 1056 с.
9. Мор Т. Утопия. М., 1978. 417 с.
10. Булгаков С. Н. Душевная драма Герцена // С. Н. Булгаков : соч. в 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М., 1993. 752 с.

Образец для цитирования:

Филимонова О. Ф. Зодчие утопического: «Город без имени» В. Ф. Одоевского // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 177–182. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-177-182.

**Architects of Utopia:
«A Town Without a Name» of V. F. Odoyevsky**

O. F. Filimonova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politekhnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: filmon-2006@yandex.ru

Theoretical significance of Utopia has not lost its projecting importance because constant want of cardinal changes, the wish to exceed the bounds of reality and to accomplish the impossible are the known signs of Utopian thinking, discrepant and dual by itself. From the one hand, it gives hope for happiness and, being subverting in its nature, impudently, in an innovatory manner withstands and disputes the existing reality. From the other hand, Utopian thinking associates with ideological deviations which are peculiar to the projects based on the model of hard, even severe order or constructed according to «ant necessity». However, one way or the other, Utopian rationality each time renders the colourful mythological topics of the faraway future, and then the architects of Utopia play the role of precursors possessing the gift of prophecy and prevision. This article intends to show that the practical realization of Utopia has a negative effect which comes not from Utopias themselves but from the people ready to carry out their own or another's abstract thoughts. Appealing to the philosophical and literary works of V. F. Odoyevsky is the direct expression of the indicated intention. His original writing «A town without a name» is an intellectual examination of I. Bentham's practical moral with regard to social future. On this way, for him before and for us now, the clue to understanding of unrealizability and doubtfulness of the utilitarian theory despite of its visual convincingness is lying.

Key words: Utopia, Utopian rationality, anti-Utopia, practical ethics of utilitarianism, Russian philosophy, V. F. Odoyevsky.

References

1. Rozanov V. V. Chaadayev i kn. Odoyevskiy (Chaadayev and prince Odoyevskiy). Odoyevskiy V. F. *Zapiski dlya moego praprapavnuka. Povesti. Stati. Pisma. Kritika i vospominaniya sovremennikov* (Odoyevsky V. F. Notes for my grand grandson. Novels. Articles. Letters. Critics and reminiscences of the contemporaries). Moscow, 2006. Available at: <http://imwerden.de> (accessed 15 November 2016) (in Russian).
2. Maymin E. A. Vladimir Odoyevskiy i ego roman «Russkie nochi» (Vladimir Odoyevsky and his novel «Russian nights»). Odoyevskiy V. F. *Russkiye nochi* (Russian nights). Leningrad, 1975. 317 p. (in Russian).
3. Sakulin P. N. *Iz istorii russkogo idealizma. Kn. V. F. Odoyevskiy. Myslitel. Pisatel: v 2 ch.* (From the history of Russian idealism. Prince V. F. Odoyevsky. Thinker. Writer: in 2 parts). Moscow, 1913. Vol. 1, part 2. 480 p. (in Russian).
4. Sumtsov N. F. *Knyaz Odoyevskiy* (Prince Odoyevsky). Moscow, 1884. Available at: <http://imwerden.de> (accessed 15 November 2016) (in Russian).
5. Zenkovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii: v 2 t.* (History of Russian philosophy: in 2 vol.). Rostov-on-Don, 2004. Vol. 1. 544 p. (in Russian).
6. Odoyevsky V. F. *Gorod bez imeni* (A town without a name). Odoyevskiy V. F. *Russkiye nochi* (Russian nights). Leningrad, 1975. 317 p. (in Russian).
7. Sorokin P. *Novyy trud o Bentame* (New works about Bentham). *Eticheskaya mysl: nauch.-publ. chteniya* (Ethical idea: Scientific-public reading). Moscow, 1990, pp. 349–358 (in Russian).
8. Sorokin P. *Sotsialnaya i kulturnaya dinamika: Issledovaniye izmeneniy v bolshikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnosheniy* (Social and cultural dynamics: study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations). St. Petersburg, 2000. 1056 p. (in Russian).
9. Mori T. *De optimo reip. statv, deque noua insula Vtopia: libellus uere aureus, nec minus salutaris quam festivus...* Basileae, 1518. Available at: <http://www.ub.uni-bielefeld.de/diglib/more/utopia/> (Russ. ed.: More T. *Utopiya*. Moscow, 1978. 417 p.).
10. Bulgakov S. N. *Dushevnyaya drama Gertsena* (Psychical drama of Gertsen). S. N. Bulgakov. *Soch.: v 2 t. T. 2. Izbrannye stat'i* (Works: in 2 vol. Vol. 2. Selected articles). Moscow, 1993. 752 p. (in Russian).

Cite this article as:

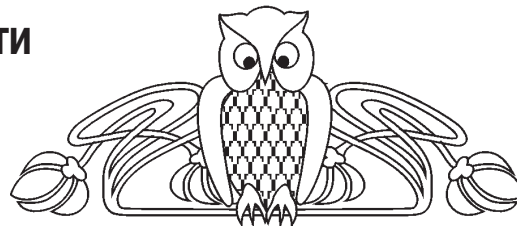
Filimonova O. F. Architects of Utopia: «A Town Without a Name» of V. F. Odoyevsky. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 177–182. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-177-182.

УДК 167

ИДЕЯ СОБОРНОСТИ И ЕЕ КРИЗИС В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Фролова Светлана Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

В статье проводится краткий анализ феномена «соборность» как религиозного, духовного и философского понятий, оказавших огромное влияние на формирование русского самосознания. Подчеркивается, что соборность как неотъемлемая черта русского человека проявляется в различных аспектах его жизнедеятельности. Сделан анализ теоретического осмысления соборности мыслителями XIX в., а также анализируется понимание русского православного феномена современными исследователями. Особое внимание уделено проявлению соборности в социальной сфере. Акцентируется внимание на том, что принципы соборности формировались на Руси не одно тысячелетие, следовательно, разрушить многовековые устои посредством кардинальных директив невозможно. Рассматривается изменение в годы советской власти основных принципов соборности, к которым автор относит православие, крестьянскую поземельную общину, институт семьи и внутрисемейные отношения. Проанализированы причины, способствующие модификации соборных устоев жизнедеятельности русского человека. Основное внимание уделено таким явлениям, как принижение роли крепкого крестьянина, урбанизация и интенсивное развитие промышленности. Подчеркивается, что изменение соборности – это закономерный процесс, вызванный необходимостью исторического развития общества, в котором сохраняются основные его принципы.

Ключевые слова: соборность, православие, всеединство, духовная основа бытия, кризис соборности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-183-188

Соборность – русско-православный феномен, который не только подчеркивает особенность формирования сознания русского народа, но и указывает на своеобразный, отличный от других, путь организации общественных отношений. В современных условиях развития российского общества тема соборности все больше привлекает исследователей: одни это объясняют возродившимся интересом «к наследию русской религиозной философии» и «необходимостью удостовериться заново в собственных духовных и культурных истоках» [1], другие видят в соборности «путь спасения России из кризиса и бездуховности» [2, с. 319], третьи пытаются разглядеть «в проектах, выдвинутых в истории каждого общества, идеи, востребованные в условиях его современной жизни» [3, с. 203] и выработать через призму идеи соборности стратегию действий. Это понятно, ведь кризис

обусловлен многими факторами, среди которых определяющими являются особенности развития общества и его историческое прошлое.

Исследователями справедливо подчеркивается, что своеобразие, оригинальность и «особость» русского народа определяется соборностью, «на базе которой складывалась вся великороссийская культурно-историческая и политическая общность», позволяющая сохранять без нарушения внутреннюю целостность России при «значительном расширении русской цивилизации на инородческие и инокультурные области» [4].

Теоретическое обоснование соборности, как известно, наиболее полно раскрыто в философском творчестве А. С. Хомякова, но, согласно В. В. Зеньковскому, идея соборности «не была ни его личным созданием, ни его индивидуальным планом» [5, с. 5], поскольку она сложилась на основе особого, отличного от западного, понимания христианства. Считаем необходимым акцентировать на этом внимание: ведь понятие соборности, означающее церковное единство православных христиан, формировалось на Руси не одно тысячелетие. Этому, безусловно, способствовали вечевые собрания, идея централизованного государства, получившая свое развитие на Руси в XIV в., и, наконец, – община, которая не только помогала выжить человеку в условиях суровой реальности, но и определяла смысловую направленность его действий.

С. Хоружий считает, что соборность как «идеальный принцип бытия» больше соответствует характеристике сверхэмпирического бытия, которому сложно найти соответствие в земной жизни, и потому вводится понятие «соборность» как наиболее соответствующее этому принципу. Если соборность – это идеал, которому сложно соответствовать в земной жизни, то понятно мнение А. Вишневецкого о том, что «соборность – лишь идеальный принцип, который даже и в классических холистских обществах реализуется только с некоторым приближением, с неизбежными нарушениями, искажениями и пр.» [6, с. 161]. Возможно, это так, но идея единства,

заложенная в принципе соборности, неоднократно помогала русскому народу сплотиться и одержать блестящие победы над внешним врагом, перенести многие социальные катаклизмы и при этом сохранить неисчерпаемый клад доброты, милосердия, способности к состраданию. Если эти качества так просто обретаются благодаря только идее (в данном случае, идее соборности), то почему западное общество, всегда так ревностно воспринимающее великие победы русских, не внедрило этот принцип у себя? Видимо, причина особенности силы духа русского человека невозможно объяснить только одним принципом. Сложно опровергнуть, что для формирования удивительных качеств русского человека кроме соборности необходимы другие ценности и понятия, формирующие и укрепляющие этот принцип, но основание «единства во множестве» имело немаловажное значение в развитии этих качеств.

Полагаем, что социальный аспект соборности на Руси, как уже было отмечено, обусловлен особенностью формы общественного бытия – крестьянской поземельной общиной. Община противостояла тотальному индивидуализму, способствовала накоплению богатейшего опыта принятия совместных решений, при этом она не ограничивала личную инициативу крестьянина и препятствовала перекладыванию мелких индивидуальных проблем на плечи коллектива. Таким образом, община, объединившая социально важные значения с общественной реальностью и поведенческими предпочтениями индивидов, как и православие, внесла неоспоримый вклад в формирование устоев соборности.

В современных исследованиях кризис соборности часто связывают с политикой большевиков. Несомненно, советская антирелигиозная пропаганда, призыв к отказу от традиций прошлого и изменение структур управления нанесли мощнейший удар по принципу соборности, но то, что непоколебимо, – сложно разрушить, даже в случае очень сильного воздействия. Если изменения и были, то этому, вероятно, способствовала совокупность множества факторов. Здесь заслуживает внимания мнение исследователей о том, что началом нарушения устойчивости соборного мира стали реформы Петра I, направленные на преобразование не только государственной власти, но и жизнедеятельности простого обывателя. Безусловно, реформа царского правления, которое до XVIII в. «опиралось на религиозные основания (отсюда ее ориентация на традицию и обычай)», установление приоритета светской власти и «единоличное сосредоточение высших полномочий в лице правящей персоны монар-

ха» [7, с. 88], имело определенное воздействие на идею соборности, но оно, скорее, являлось преобразующим, а не подрывающим основные принципы этого феномена. В дальнейшем рост производства, социальные преобразования, изменение устоев повседневной жизнедеятельности деревенского жителя внесли коррективы в идею соборности, но они были слишком незначительными для того, чтобы констатировать существенные перемены основных характеристик соборности, поскольку оставался непоколебимым главный ее признак – православие.

Православие как основа соборности оказало существенное влияние как на развитие образа жизни русского человека, так и на формирование русской философии. Полагаем, что феномен соборности также обусловил появление такого понятия в русской философии как всеединство (основатель – С. М. Соловьев). П. А. Флоренский, развивший в своем учении идеи всеединства, справедливо считал, что бытие само по себе уже располагает к единению. Он пишет: «Живя, мы соборujemy сами собой – и в пространстве, и во времени, как целостный организм, собираемь воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр. и пр. Подобно мы собираемь в семью, в род, в народ и т. д., собираемь до человечества и включая в единство человечности весь мир» [8, с. 343], но при этом, подчеркивает о. Павел, соборование есть «собираение точек зрения» в определенный центр, формирующий схему порядка.

Понятно, что такая схема не допускает хаоса, спонтанности и импульсивности построения, поэтому любые социальные (структурные) изменения требуют определенной адаптации к ним. Как уже было сказано, к моменту победы большевиков идея соборности испытала частичные перемены, но они были латентными и противоречивыми в отличие от тех, которые привнесла в общество победа большевиков. Радикализм нововведений новой власти, повлиявший на устои идеи соборности, проявился, прежде всего, в отношении к религии и духовенству.

На Руси, как и в русской философии, «важнейшим составляющим человеческого духа является вера, вера религиозная, принимающая существование Бога» [9, с. 34]. Исследователями справедливо отмечено, что государственная власть в России до 1917 г. не отходила в «нормализующих суждениях» от постулатов православной церкви, «переплетение истинной веры и обыденной религиозности было настолько причудливо и крепко, что позволяло до определенного момента удерживать общество от реши-

тельных перемен» [10, с. 170]. Атеистическая направленность действий новой власти, пишет Н. Лебина, не только способствовала ослаблению «мировоззренческого нормализующего влияния» православной церкви, она взяла право контроля за всеми сферами человеческой жизни, что, несомненно, деформировало одну из сторон соборности – свободу *духовной* солидарности людей.

С. Франк в работе «Духовные основы общества» к основной форме соборности относил брачно-семейное единство. Надо отметить, что важнейшая составляющая соборности – институт семьи и внутрисемейные отношения – также претерпели значительные модификации. Начало разрушению патриархальных представлений о семье положили многочисленные репрессии, а также Гражданская и Первая мировая войны, приведшие к тому, что многие семьи остались без мужчин. Полагаем, что это не только нарушало укоренившееся понимание семьи как важной составляющей совместного бытия, но и сильно повлияло на перераспределение ролей и изменение статусных позиций внутри семьи, нарушило традиционное представление о ее составе (структуре).

Трансформации семьи способствовали как антирелигиозная пропаганда, спровоцировавшая конфликт поколений, так и принцип «полового либерализма», определяющий право независимого «самоопределения полов», сформированный на утопическом представлении об отмирании семьи в недалеком будущем, что, несомненно, меняло взаимоотношения между супругами. Но более всего, на наш взгляд, разложению вековых семейных устоев способствовали одобряемые и провоцируемые властными структурами отказы детей от своих родителей, «не соответствующих» требованиям советского общества по классовому признаку. Такое разрушение «брачно-семейного единства» не только негативно отразилось на неразрывно связанном с православной традицией принципе соборности, но способствовало трансформации существующих прежде установок každодневногo со-бытия людей.

Как принцип соборность в российском обществе являлась преобладающей «до тех пор, пока экономические и прочие перемены не подорвали “власть земли” и не поставили под сомнение сам соборный идеал» [6, с. 161]. Мы разделяем мнение А. Вишневого о том, что «власть земли» была утрачена из-за роста промышленного производства и массового переселения крестьян в города (мы уделим этому внимание чуть позже), что сыграло немалую роль в отрыве крестьянина от земли, но полагаем, что первоосновой этого явления выступает идеология новых властей,

которая 1) не видела различий между понятиями «общинный» и «коллективный», 2) выступала против частной собственности.

Имеет смысл обратить внимание на точку зрения Ф. Степуна [11], который неслучайно подчеркивал, что соборность практически не имеет сходств с коллективизмом, на этом акцентировал внимание и Н. Бердяев. Рассуждая о коммюнитарности (общинности) и коллективизме, Бердяев не допускает смешения этих терминов и обращает внимание на то, что «“мы” в соборности не есть коллектив. Коллективизм не соборность, а сборность» [12, с. 344]. На Руси понятие соборности неразрывно было связано с общинностью, которая не ограничивала личную инициативу крестьянина, оставляя за ним право самостоятельного распоряжения результатами своего труда.

Введенная в первые годы советской власти хлебная монополия «не только радикально усугубила трудности в обеспечении населения провизией <...>, но и содействовала расшатыванию экономических устоев огромной страны <...>» [13, с. 14]. Согласно А. Давыдову, этому способствовало и игнорирование национальных особенностей развития сельского хозяйства России, и ориентир «многих русских интеллигентов» на западную модель развития, хотя большевики категорически отрицали сближение в развитии российского и западного обществ, и слабость нового правительства. Полагаем, что к сказанному следует добавить игнорирование веры в безмерную власть земли-благодетельницы и кормилицы.

Немаловажное значение не только в изменении соборности, но и в снижении заинтересованности крестьянина в своем труде имели действия власти большевиков: принятие в 1917 г. закона «О передаче хлеба в распоряжение государства», установка твердых, но очень низких и потому невыгодных для землепашца-производителя цен на все виды зерновых, а также политика в области распределения продуктов и борьба с зажиточными крестьянами как представителями «последнего эксплуататорского класса». Раскулачивание кроме того, что подрывало авторитет и само понятие крепкого хозяина-крестьянина, по-иному позиционировало «беднейшего крестьянина», который в глазах новой власти выступал как человек, который из-за нещадной эксплуатации крестьянином-работодателем (кулаком) был лишен возможности работать на своем участке (если таковой имелся) и правильно организовать свой труд.

В реальности работа в сельском хозяйстве требовала не только опыта и практических на-

выков, но и знаний, которыми обладали далеко не все крестьяне: «Тот, кто не умел жить “своим загадом”, любил поспать подольше, понежиться в холодке, посидеть с удочкой, да просто выпить, был обречен на бедность, даже нищету или на долю батрака» [14, с. 99]. Общеизвестно, что благосостояние *небольших* крестьянских хозяйств в большинстве случаев обеспечивалась стараниями одной семьи без привлечения наемной силы, и лишь «хозяйства с размером земли более 5000 десятин полностью основывались на наемном труде» [15]. Следовательно, когда сельское хозяйство лишилось людей трудолюбивых, способных к принятию решений, умеющих просчитывать ситуацию и придерживающихся традиционных принципов бытия, то изменились и само сельское хозяйство, и межличностные отношения, и смысловая направленность действий субъектов, способствовавшая иному проявлению индивидуализма (каждый за себя) в условиях *навязываемого* коллективизма. Все это, несомненно, нарушало органическое единство коллективного и индивидуального, заложенное в идее соборности, но не разрушало её.

Преобразование сельского хозяйства, а также «раскулачивание, голод и коллективизация гнали людей из деревни, а рабочие руки в связи с начавшейся индустриализацией город поглощал с жадностью» [14, с. 261]. Переезд сельских жителей в города внес изменение в привычные институциональные устои бытия бывших сельчан. Во всякого рода объединениях и корпорациях, искусственно создаваемых советской властью, была одна цель – восстановление порядка и приведение к единому институциональному знаменателю пестрое многообразие жителей городов. Крестьянство же, как отмечал О. Шпенглер, «связанное корнями с почвой, обитающее у врат больших городов <...> после исчезновения старых сословий дворянства и духовенства <...> оказывается единственным органическим человеком, пережитком былой культуры», которому «нет места ни в стоическом, ни в социалистическом мышлении» [16, с. 540], но именно крестьянин, не утративший еще соборных устоев существования, становится вдохновителем новой упорядочивающей системы советского бытия, опирающейся, как отметил А. Г. Вишневский, не на самостоятельное частное лицо, а на «соборного человека», включенного в какие-то новые формы коллективности, соответствующего потребностям советского общества [6, с. 177].

Коллективистские корни новых горожан были настолько сильны, что они даже в условиях городской среды тяготели к подобию общинности: условия их быта (коммунальные квартиры,

бараки) располагали к общности и прозрачности бытия. Смеем предположить, что если бы не рабочие из бывших крестьян, привыкшие к тяжелому труду и аскетичному быту, то новым властям было бы намного сложнее построить систему управления и убедить в необходимости новых условий повседневного сосуществования, которые были крайне тяжелыми, рабочими. В исследовании Л. Беловинского отмечено, что кроме низкой заработной платы в самом начале 1940-х гг., предполагались и бесконечные сверхурочные работы, семидневная рабочая неделя, а также невозможность перехода на другую работу, поскольку за «текучесть кадров» несла ответственность администрация [14, с. 643].

Переезд из деревни в город кардинально менял повседневное бытие людей, этому способствовали и всеобщее обучение грамоте, и доступность образования. Теперь «городской» человек «совершает – или не совершает – те или иные поступки не потому, что ищет одобрения или боится осуждения соседей, начальства, Бога, а потому, что может опереться на свое внутреннее убеждение, на усвоенную в ходе социализации развитую систему ценностей» [6, с. 182]. Изменение аксиологического базиса, как известно, формирует новые знания о бытии и преобразует практическую деятельность человека, поэтому, когда государство постепенно вытеснило сельскую общину, взяв на себя контролирующие функции, сформировались иные культурные и нравственные предпочтения, построенные на соборно-коллективистских принципах существования, которые умело использовало государство в своих интересах.

Таким образом, уничтожение крепкого крестьянина, урбанизация и интенсивное развитие промышленности выходили за рамки соборного синкретизма, способствовали изменению основных механизмов социального контроля и модифицировали, но не разрушили устои «человека соборного». Но заметим, это не испортило русского человека, не сделало его слабее, не лишило понимания и сострадания по отношению к другим. По верному замечанию А. Пестрецова, если русский человек отдает предпочтение государственности, а не политической свободе, то это проявление в нем не раба, а патриота, следовательно, «российская соборность есть не только растворение “я” в “мы”, но и такая социальная ориентированность (общинность), которая проявляется в доверии и взаимопомощи, регламентированности отношений не законом, а нравственностью» [17, с. 180]. Идея соборности соответствует основному принципу всеединства, когда единение осуществляется не в

ущерб, а во благо: полагаем, что в этом и заключается особенность рассматриваемого феномена.

Подводя итоги, можно отметить, что говорить о разрушении основ соборности не совсем верно. Уход от традиционных устоев, а также изменения институциональных, повседневных, экономических принципов бытия нельзя воспринимать только негативно, поскольку каждое социальное явление или определенный вид отношений обусловлен историческим периодом бытия. Также надо иметь в виду, что глобализация и повсеместное распространение массовой культуры во многом способствовали уходу от традиционных ценностей, поэтому полностью возврат к прежним устоям невозможен. Мы разделяем точку зрения А. Гулыги о том, что соборность отлична от любого вида общности своей человечностью, а это значит, что она будет существовать и в будущем, это – имманентный энергетический потенциал, связывающий религиозный, культурный, нравственный и чувственно-эмоциональный аспекты, сохраняющий внутренние установки общественного бытия. Поэтому кризис в данном случае – это не разрушение, а «поворотный пункт», спровоцировавший споры, несогласие, перемены, реформы, обусловленные необходимостью исторического развития.

Список литературы

1. *Хоружий С. С.* Идея соборности : ее православно-славянофильские истоки и ее перспективы в современном постсекулярном мире : доклад на Междунар. науч. собр. «Соборность и демократия» (Требиње, Босния и Герцеговина, 13–16 июня 2012 г.). URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (дата обращения: 10.01.2017).
2. *Мищенко А. В.* О соборности как понятии духовном, религиозном и философском // *Вестн. Мурм. гос. техн. ун-та.* 2011. Т. 14, № 2. С. 319–324.
3. *Масланов Е. В.* Славянофилы о «соборности» и «общинности» // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского.* Сер. Социальные науки. 2009. № 4 (16). С. 203–208.
4. *Булочев Ю. Ю.* Народность, нация и национальный дух как первоначала человеческого существования // *Русское самосознание : филос.-ист. журн.* 1999. № 6. URL: <http://russamos.narod.ru/06-05.htm> (дата обращения: 23.11.2016).
5. *Зеньковский В. В.* История русской философии : в 2 т. Л., 1991. Т. 1, ч. 2. 281 с.
6. *Вишневский А. Г.* Серп и рубль : консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М., 2010. 430 с.
7. *Юрков С. Е.* Под знаком гротеска : антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). СПб., 2003. 210 с.
8. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли // *Флоренский П. А.* Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. 449 с.
9. *Фролова С. М., Егорова С. Б.* Нравственные идеалы в рамках философии всеединства Вл. Соловьева // *Социальные идеалы в стратегиях общественного развития : межвуз. науч. сб. : в 2 ч. Ч. 1.* Саратов, 2005. С. 34–38.
10. *Лебина Н.* Советская повседневность : нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. 488 с.
11. *Степун Ф. А.* О свободе (демократия, диктатура и «Новый град») // *Степун Ф. А.* Чаемая Россия. СПб., 1999. 477 с.
12. *Бердяев Н.* Царство Духа и Царство Кесаря. М., 1995. С. 288–356.
13. *Давыдов А. Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1921 гг. : мешочки. СПб., 2002. 341 с.
14. *Беловинский Л. В.* Культура русской повседневности. М., 2016. 716 с.
15. Состояние сельского хозяйства России в начале XX века. Аграрная реформа П. А. Столыпина. URL: <http://economylit.online/history-ekonomik/sostoyanie-selskogo-hozyaystva-rossii-nachale.html> (дата обращения: 28.12.2016).
16. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. 663 с.
17. *Пестрецов А. Ф.* Соборность – константа русского национального самосознания // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского.* Сер. Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 176–181.

Образец для цитирования:

Фролова С. М. Идея соборности и ее кризис в период советской действительности // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2017. Т. 17, вып. 2. С. 183–188. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-183-188.

The Idea of Conciliarity and Its Crisis in the Period of Soviet Reality

S. M. Frolova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

The article provides a brief analysis of the phenomenon of «conciliarity» as a religious, spiritual, and philosophical concept, which has had a huge impact on the formation of the Russian identity. It is emphasized that conciliarity, as an inherent feature of the Russian man, is manifested in various aspects of Russian people's life. In the present work, an analysis of theoretical understanding of conciliarity by XIX century thinkers, as well as understanding of the Russian Orthodox phenom-

enon by contemporary researchers is carried out. The focus is on the conciliarity manifestation in the social sphere. Attention is drawn to the fact that the principles of conciliarity in Russia had been forming for over a millennium, therefore it is impossible to destroy the centuries-old foundations by means of radical directives. The transformation of the basic principles of conciliarity, to which the author refers Orthodoxy, the peasant land commune, the institution of family and family relations, in the Soviet times is considered. The reasons for the modification of the conciliar foundations of the Russian human life are analyzed. The main attention is paid to such phenomena as urbanization, intensive industrial development, and belittling the role of a strong peasant. The article stresses that the change of conciliarity is a natural process caused by the necessity for the historical development of society, during which its basic principles are preserved.

Key words: conciliarity, orthodoxy, unitotality, spiritual basis of life, conciliarity crisis.

References

1. Khoruzhiy S. S. *Ideya sobornosti: ee pravoslavno-slavyanofilskie istoki i ee perspektivy v sovremennoy postsekulyarnom mire: doklad na Mezhdunar. nauch. sobr. «Sobornost i demokratiya»* (The idea of conciliarity: its Orthodox-Slavophil ancestry and its prospects in the modern post-secular world: speaker papers at the International academic convention «Conciliarity and Democracy») (Trebinje, Bosnia and Herzegovina, June 13–16, 2012). Available at http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (accessed 10 January 2017) (in Russian).
2. Mishchenko A. V. O sobornosti kak ponyatii dukhovnom, religioznom i filosofskom (On the conciliarity as a spiritual, religious and philosophic concept). *Vestn. Murm. gos. tekhn. un-ta* (Scientific Journal of Murmansk State Technical University), 2011, vol. 14, no. 2, pp. 319–324 (in Russian).
3. Maslanov E. V. Slavyanofily o «sobornosti» i «obshchinnosti» (Slavophiles on the «conciliarity» and «communalism»). *Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial. nauki* (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgor. Ser. Social Sciences), 2009, no. 4 (16), pp. 203–208 (in Russian).
4. Bulychev Yu. Yu. Narodnost, natsiya i natsionalnyy dukh kak pervonachala chelovecheskogo sushchestvovaniya (Ethnicity, nationality and national spirit as the arche of human existence). *Russkoe samosoznanie. Filos.-ist. zhurn.* (Russian identity: Philosophic and historical journal), 1999, no. 6. Available at <http://russamos.narod.ru/06-05.htm> (accessed 23 November 2016) (in Russian).
5. Zenkovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii: v 2 t.* (History of Russian philosophy: in 2 vol.). Leningrad, 1991, vol. 1, pt. 2, 281 p. (in Russian).
6. Vishnevskiy A. G. *Serp i rubl: konservativnaya modernizatsiya v SSSR* (Sickle and ruble: conservative modernization in USSR). 2nd ed. Moscow, 2010. 430 p. (in Russian).
7. Yurkov S. E. *Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoy kulture (XI – nachalo XX vv.)* (Under the sign of grotesque: anti-behavior in the Russian culture (XI – early XX century)). St. Petersburg, 2003. 201 p. (in Russian).
8. Florenskiy P. A. *U vodorazdelov mysli* (At the watershed of thought). Florenskiy P. A. *Soch. : v 2 t.* (Writings: in 2 vol.). Moscow, 1990, vol. 2, 449 p. (in Russian).
9. Frolova S. M., Yegorova S. B. *Nravstvennyye idealy v ramkakh filosofii vseedinstva VI. Solov'eva* (Moral ideals within the philosophy of unity by V. Solov'ev). *Sotsialnye idealy v strategiyakh obshchestvennogo razvitiya: mezhd. nauch. sb.: v 2 ch.* (Social ideals in the strategies of social development: Intercollegiate scientific collection: in 2 pt.). Saratov, 2005, pt. 1, pp. 34–38 (in Russian).
10. Leбина N. *Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilyu* (The Soviet daily life: norms and anomalies. From the War Communism to the Stalinist Empire style). Moscow, 2015. 488 p. (in Russian).
11. Stepun F. A. *O svobode (demokratiya, diktatura i «Novyy grad»)* (On freedom {democracy, dictatorship and «Novyy grad»}). Stepun F. A. *Chaemaya Rossiya* (Hoped-for Russia). St. Petersburg, 1999. 477 p. (in Russian).
12. Berdyaev N. *Tsarstvo Dukha i Tsarstvo Kesarya* (The Realm of Spirit and the Realm of Caesar). Moscow, 1995. 383 p. (in Russian).
13. Davydov A. Yu. *Nelegalnoe snabzhenie rossiyskogo naseleniya i vlast' 1917–1921 gg.: meshochniki* (Illegal supply of the Russian population and authorities in 1917–1921: the speculators). St. Petersburg, 2002. 341 p.
14. Belovinskiy L. V. *Kultura russkoy povsednevnosti* (The culture of Russian daily life). Moscow, 2016. 716 p. (in Russian).
15. *Sostoyanie selskogo khozyaystva Rossii v nachale XX veka. Agrarnaya reforma P. A. Stolypina* (The condition of agriculture in Russia in early XX century. The agrarian reform of P. A. Stolypin). Available at <http://economylit.online/history-ekonomik/sostoyanie-selskogo-hozyaystva-rossii-nachale.html> (accessed 28 December 2016) (in Russian).
16. Spengler O. *The Decline of the West*. Eds. A. Helps, H. Werner. Trans. Ch. F. Atkinson. Preface Hughes H. S. New York, 1991. 415 p. (Russ. ed.: Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii*. Moscow, 1993. 663 p.).
17. Pestretsov A. F. *Sobornost – konstanta russkogo natsionalnogo soznaniya* (Conciliarity – a constant of the Russian national consciousness). *Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial. nauki* (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Ser. Social Sciences), 2008, no. 1 (9), pp. 176–181 (in Russian).

Cite this article as:

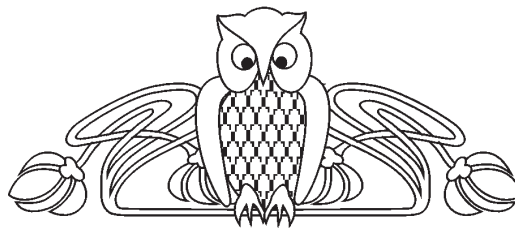
Frolova S. M. The Idea of Conciliarity and Its Crisis in the Period of Soviet Reality. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 183–188. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-183-188.

УДК 316

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Хомякова Екатерина Павловна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: khomyakovae@list.ru

В статье сделана попытка определить причины утраты цивилизационной идентичности, связанной с потерей предыдущих ценностей и социальной определенности. Выясняется, какую роль играет творческая элита в формировании культурно-идентифицирующих ориентаций общества в современной России; прослеживается динамика формирования и развития российской идентичности в переходный период: осуществлен анализ направленности и характера данного состояния социальной динамики. Предлагаются пути сохранения национальной идентичности и духовно-нравственной основы. Показываются трудности выбора современным человеком жизненной стратегии без упорядоченной системы ценностей. Автор рассматривает, каким образом изменяются ценностные ориентиры в обществе риска и как в нем проявляет себя творческая элита. В период смены культурной и исторической парадигмы, трансформации и нестабильности возрастает значимость творческой элиты. Особая роль принадлежит представителям творческой элиты, которые создают новые ценностные ориентиры, традиции, нормы и идеи при сохранении баланса между старыми, понимают потребности в преобразовании действительности путём внесения рациональности в общественные отношения.

Ключевые слова: идентичность, культура, ценности, творческая элита, переходный период, творческая личность, элита, интеллигенция, модернизация, мораль, нравственность, творчество, общество риска, риски, кризис, цивилизационная идентичность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-189-193

Переходное общество характеризуется рисками и неопределенностью. Человек не может гармонично организовать свою жизнь, так как не знает, что делать дальше для создания стабильности: приходится рисковать, изо дня в день, в каждом виде деятельности. Так как риск не всегда приводит к положительным результатам, то во многих сферах жизнедеятельности происходят кризисы.

Кризисные явления, связанные с переходным периодом в российской истории, наиболее ярко проявляются в культуре. Сегодня в России происходит трансформация ценностей. Культура – системообразующая основа идентичности, кризис культуры приводит и к кризису цивилизационных идентичностей, так как она – источник и базис идентификации. Если культура находится в кризисном состоянии, то в таком же состоянии будет находиться и цивилизационная

идентичность. Переход от одной парадигмы развития к другой связан с прогрессом, реформами, модернизацией, с производством новых знаний и новых моделей социального взаимодействия, что приводит к появлению явных и скрытых угроз и новых рисков. Общество риска становится средой, реагирующей на последствия переходного состояния общества, поэтому в статье мы объединяем понятия «переходное общество» и «общество риска», так как трансформация напрямую связана с риском.

Цель работы заключается в выявлении роли творческой элиты в формировании культурно-идентифицирующих ориентаций общества в переходный период.

В российском социуме произошла деформация ценностных ориентаций: всё большее значение приобретают материальные ценности. Наступил кризис целостности духовности: разрыв связей с духовным и культурным миром, потеря духовный стержень, чувство принадлежности к единому культурному базису; отсутствует национальная идея, существует культурный плюрализм, разорваны связующие элементы единой системы ценностей. Люди в таком обществе испытывают трудности социальной ориентации, их идентификационные ориентиры размыты: смыслообразующие объекты социальной ориентации и идентификации частично разрушены. Произошедшие социокультурные изменения еще не проверены временем. Изменения в культурном ядре ведут к непредсказуемым последствиям, вплоть до разрушения государственности. «Наиболее распространенная, глубокая и труднопреодолимая форма цивилизационного кризиса – это кризис цивилизационной идентичности. В этом случае кризисные формы обретает сама культура в ее многообразных проявлениях, а вместе с ней – общественное сознание, менталитет той или иной локальной цивилизации; в эти формы облекаются и связанные с ними образцы деятельности и жизнедеятельности, распространенные в данном социуме» [1, с. 404].

В обществе риска повышается значимость самоорганизации личности на основе самостоятельности и творчества. Усиление инновацион-

ного потенциала культуры является основным фактором социального прогресса. Для развития творческих способностей и выработки инноваций важны государственные меры, поддерживающие эффективную деятельность культурных институтов. В ситуации социокультурного кризиса государственная политика в области культуры может активизировать воспроизводство актуальных культурных форм, способствовать распространению культурных инноваций, достижению необходимого сочетания традиционного и инновационного культурных начал.

В переходный период увеличивается количество вызовов, которые «связаны с беспрецедентными темпами и уровнем социокультурной дифференциации, развитием процессов глобализации, усилением инокультурного влияния и последствиями неорганичных проектов модернизации» [1, с. 523]. Эти явления приводят к смене идентичности в российской культуре. При разрушении устоявшейся картины мира в условиях изменяющейся социально-культурной среды возникают тенденции распада смыслового единства настоящего, прошлого и будущего.

С помощью массмедиа и Интернета ежедневно происходит размывание исторического сознания. У российских граждан отсутствует самоотождествление с культурным миром российского социума. В ситуации кризиса ценностей в России осуществляется экспансия западных ценностей. Процессы модернизации являются упрощенной копией западной модели. «Реформы в России стали огромной программой имитации Запада. Это было признаком духовного кризиса нашей интеллектуальной элиты, а затем стало и одной из главных причин общего кризиса» [2, с. 158]. Перенос западных реформ на российскую почву без учета российских особенностей не приводит к положительному результату.

Приведет ли мировая глобализация к окончательному и бесповоротному размыванию культурной идентичности России или страна сможет войти в процессы глобализации, сохранив самобытность и специфику культуры? Этот ответ во многом будет зависеть от четкой и точной реализации продуманной государственной политики, основанной на глубоком знании российской культуры, традиций, обычаев и менталитета.

Просветительская и организационная работа с участием всех уровней власти и общественных организаций необходима для формирования российской идентичности, считает Президент Владимир Путин: «Здесь требуется планомерная, настойчивая, целеустремленная работа. И просветительская, и организационная. Требуется

участие в ней всех уровней власти, политических партий, общественных организаций. В том числе религиозных и этнических объединений». Также Президент обратил внимание на необходимость сохранения традиций и обычаев всех народов России и уважительного отношения к религиозным ценностям: «Формирование российской идентичности – процесс сложный и небыстрый. Но, безусловно, он идет, и в последние годы – достаточно активно» [3].

Одним из оптимальных путей решения этих проблем может быть выработка общих целей властвующей и творческой элитами и содержательная дискуссия, основанная на взаимном уважении. Укрепление экономики, дотации или полное финансирование определенных отраслей культуры также могут способствовать преодолению кризиса. Участие в определенных культурных «событиях» – это образ жизни, привычка, не подкрепленная, она исчезает, и тогда человек довольствуется лишь телевидением, не способствующим духовному развитию, но часто манипулирующим сознанием.

И. А. Абросимова считает, что отсутствие идеологии приводит к влиянию на массовое сознание и его изменению в зависимости от поставленных целей: «Культура уже не может выполнять идеологическую функцию. Отсутствие систематической и четко артикулированной идеологии очень удобно и выгодно любому экономическому властью имущему субъекту» [4, с. 76].

В зависимости от того, какими личностными качествами будет обладать современный человек, каковы его цели и нравственные ориентиры, будет зависеть, сможет ли он ответить на вызовы переходной эпохи. С помощью телевидения и Интернета можно рекламировать и пропагандировать любые ценности, в том числе чуждые гражданам России. С помощью денег, которые в современном мире преодолевают большие расстояния, легко не только повлиять на смысл и количество рекламы, но и пропагандировать антинациональные идеи, исходящие от «авторитетных» политиков и знаменитостей.

Обществу пытаются навязать симуляторы идентичности, которые будут выполнять компенсаторные функции: «Индивиды, воспринимая массмедиа как текст или образ, существуют вне их реальности; переживая в себе эффекты их воздействий, они существуют внутри нее...» [5, с. 179]. Не имея реальных ярких событий и эмоций, человек проживает чужую жизнь, жизнь людей из газет, журналов и кино.

З. Бауман считает, что идентичность, на самом деле, является «подделкой» и её важ-

ность преувеличена: «“Идентичность” обязана вниманием, которое она к себе привлекает, и страстями, которые она порождает, тому, что она выступает суррогатом сообщества, естественного обиталища, которое более недоступно в быстро приватизируемом и индивидуализируемом, стремительно глобализирующемся мире, и поэтому она может представляться в виде удобного прибежища, обеспечивающего безопасность и уверенность и поэтому столь желанного» [6, с. 191]. По мнению ученого, в индивидуализированном обществе человек, отождествляя себя с кем-то, теряет свою уникальность, перестает быть собой. Идентичность нужна только для того, чтобы одному не было так страшно в изменчивом мире, она является «страховкой от индивидуально переживаемых рисков», создает видимость безопасности. Мы же считаем, что значение идентичности для человека в современных условиях достаточно велико, так как она, можно сказать, – стабилизирующий якорь для нестабильного корабля современного общества в море модернизаций.

Идентичность может строиться не только на отождествлении себя с другими, но и на понимании отличий. Это противопоставление должно приводить к усилению самоидентификации, так как, чтобы противопоставить себя другому, нужно выделить отличия, заняться саморефлексией. В итоге это приведет к лучшему познанию себя, потому что «самоопределение русской (в широком смысле) нации всегда происходило не на основе формирования “внутренних нематериальных символов”, а на основе противопоставления символам иных наций» [7, с. 10].

Не имея национальной идеи и идеологии, современное российское общество не знает, в каком направлении ему двигаться. В настоящее время в нашей стране существует плюрализм идеологий, так как это – одна из основ демократического общества, скопированного у Запада. У граждан существует иллюзия свободы выбора, но, в действительности, происходит их идеологическая обработка: программируются западные ценности, суть которых сводится к получению прибыли и обладанию вещами – духовные ценности отходят на второй план.

«Вместо идеологии возникает её ухудшенный заменитель идеологических построений, эрзац. А именно – фрагментированный, мозаичный набор представлений общего глобального знания, разделенного между членами общества. В этих условиях идеологическая идентификация и самоидентификация также становятся фрагментированными и противоречивыми» [4, с. 77]. Пропагандировать эрзац-ценности может

только эрзац-элита: она руководствуется личными интересами, эксплуатируя других в своих целях, вводит в массовое сознание представления, маскирующие несправедливую социальную дифференциацию, направляет общество на достижение ложных целей.

Национальную идеологию нельзя искусственно сконструировать или придумать: опыт жизни в государстве со сконструированной национальной идеологией уже пройден. Она должна органически вырасти, появиться на основе традиций, с учётом уроков отечественной истории.

З. Бауман пишет о «миссии интеллектуалов», но это же можно отнести и к творческой элите: «Любое понимание идеологии отводит этим образованным мужчинам и женщинам решающую историческую роль, объявляя их способными провозгласить ценности и цели, отвечающие признакам и требованиям классов, этнических групп, полов и наций, и ответственными за то, чтобы сделать подобные открытия исторически эффективными» [6, с. 248].

Предложить обществу идеологические ориентиры, сформировать идеологическую концепцию, где будет отражена национальная идея, должна творческая элита: именно она может помочь обществу адаптироваться к происходящим изменениям. Идеология отводит представителям творческой элиты роль источника культуры, создателей и хранителей ценностей. Поддержание общественной претензии интеллектуального класса на властные полномочия, которые соответствовали бы его коллективному призванию, поможет увеличивать ресурсы по влиянию творческой элиты на общественные процессы.

Н. Г. Козин пишет, что «русская элита готова идентифицировать себя с чем угодно, но только не с собственной национальной сущностью» [8, с. 422]: в этом он видит основную причину кризисных явлений российского общества. Второй причиной является наличие материальных ценностей для подавляющего большинства, достижение «потребительского рая» [8, с. 345]. Исследователь считает, что необходима смена старой элиты, и пока это не произойдет, ждать появления национальной идеи бессмысленно: «Нам нужна совершенно другая элита – “люди жесткой и длинной воли”, здорового и зрелого самосознания, в своем историческом творчестве мотивированные не только интересами, но ценностями и святынями собственной культуры и истории, их бережением и воплощением в новых формах существования в истории» [8, с. 504]. Разделяя точку зрения Н. Г. Козина, мы считаем, что творческая элита должна постоянно обновляться, и тогда она сможет предложить обще-

ству идеологические ориентиры, сформировать идеологическую концепцию, где будет отражена национальная идея, которая поможет обществу адаптироваться к происходящим изменениям.

С. Хантингтон высказывает позитивный прогноз, касающийся будущего России: «Впрочем, в современной России поиски национальной идеи, то есть тех самых “неосязаемых символов”, похоже, получают государственную поддержку. Более того, эта поддержка накладывается на нарастающую “пассионарность самосознания” нации, что позволяет предположить появление у России собственной, “внутренней” национальной идеи уже в ближайшем будущем [7, с. 10]. Одной из положительных тенденций можно считать изданный 31 октября 2016 г. Президентом России указ о создании общероссийской общественно-государственной организации «Российский фонд культуры», который создается «в целях консолидации усилий государства и гражданского общества по созданию условий для стимулирования населения к творческой самореализации, сохранения культурных ценностей, возрождения культурных традиций, обеспечения популяризации российской культуры и содействия развитию культурного потенциала субъектов Российской Федерации» [9]. Большинство действий российской политической власти носит конструктивный характер, и творческой и политической элите необходимо прийти к консенсусу, чтобы их действия служили единой цели – развитию и процветанию России.

И. В. Кондаков, К. Б. Соколов, Н. А. Хренов на примере литературы показывают, что представители творческой элиты могут оказывать влияние на формирование социального мировоззрения и национальных ценностей: «Идеологическая сторона литературы позволяет художнику не только передавать различные стороны чувственно-ощутимого мира, но и давать им определенную интерпретацию и оценку, участвовать в идеологической борьбе и откликаться на злободневные жизненные проблемы, подключаться к философским, нравственно-религиозным, социально-политическим и эстетическим дискуссиям своего времени» [1, с. 623]. Творец оказывает прямое воздействие на мироощущение читателей, помогая формировать художественное представление бытия, несущее моральные, религиозные и нравственные смыслы; появляется возможность изображать исторические нормы, национальные традиции и обычаи на каждой стадии становления и исторического развития государства.

Для гармоничного развития современное общество должно осознать свою принадлеж-

ность к национальной культуре, а для этого культура должна восстановить *систему базовых ценностей*: особое внимание необходимо обратить на духовные ценности и самобытные черты, которые являются культурной основой российской нации. Творческая элита в обществе риска вырабатывает ценностные ориентации и является ценностным регулятором поведения, помогает найти баланс между духовным и материальным.

Ценности действуют как социальные регуляторы реальности: реакция человека на определенные социальные процессы зависит от системы ценностей, которой он обладает. В обществе риска происходит рассогласование ценностей, человеку трудно определить, какими ценностными ориентирами ему руководствоваться при выборе жизненной стратегии. Отсутствие универсальной системы ценностей приводит к ещё большей нестабильности. Когда человек быстро меняет свои ценности, правила перестают существовать для него как таковые: он в любой момент может поменять свои нормы и убеждения, что приводит к воспроизведению рисков. Ценности, которые могли бы стать институциональными нормами, не всегда системны и целостны, поэтому общество не может прийти к единым институциональным нормам. Только благодаря целостным ценностям можно сохранить институциональную матрицу.

Список литературы

1. Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху : культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М., 2011. 1024 с.
2. Кара-Мурза С. Г. Кого будем защищать. М., 2009. 158 с.
3. Заседание Совета по межнациональным отношениям. URL: <https://ria.ru/culture/20161031/1480386240.html> (дата обращения: 01.11.2016).
4. Абросимова И. А. Кризис антропологических оснований современной культуры // Векторы идеологии идентификации : сб. науч. тр. Саратов, 2015. С. 72–79.
5. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М., 2005. 256 с.
6. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2005. 390 с.
7. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004. 635 с.
8. Козин Н. Г. Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей. М., 2012. 527 с.
9. Путин подписал указ о создании Российского фонда культуры // Информационное агентство России ТАСС. URL: <http://tass.ru/kultura/3748590> (дата обращения: 01.11.2016).

Образец для цитирования:

Хомякова Е. П. Динамика ценностных ориентаций творческой элиты в обществе риска // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 189–193. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-189-193.

The Dynamics of Value Orientations of the Creative Elite in a Risk Society

E. P. Khomyakova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: khomyakovae@list.ru

In this article the author makes an attempt to determine the reasons for the loss of civilizational identity, coupled with the loss of the previous values and social certainty. He is trying to figure out the role played by the creative elite in shaping the cultural identification attitudes of society in modern Russia. The article traces the dynamics of formation and development of Russian identity in the transition period. Analyzes the direction and nature of the state of social dynamics. The ways of preserving the national identity and the spiritual and moral foundations. Showing how much the modern man to choose the hard life strategy without an ordered system of values. The author examines how the changing value systems in a risk society and how it manifests itself in the creative elite. The article states that in the period of change of cultural and historical paradigm, in a period of transformation and instability increases the importance of the creative elite. A special role is given to the representatives of the creative elite, which creates new value systems, traditions, norms, and ideas while maintaining a balance between old, understands the need to transform the reality by bringing rationality in social relations.

Key words: identity, culture, values, creative elite, transition period, creative person, elite, intellectuals, modernization, morals, creation, risk society, risks, crisis, civilizational identity.

References

1. Kondakov I. V., Sokolov K. B., Khrenov N. A. *Tsivilizatsionnaya identichnost v perekhodnyu epokhu: kulturologicheskiy, sotsiologicheskiy i iskusstvovedcheskiy aspekty* (Civilizational identity in the period of transition: cultural, sociological and artistic aspects). Moscow, 2011. 1024 p. (in Russian).
2. Kara-Murza S. G. *Kogo budem zashchishchat* (Who will defend). Moscow, 2009. 158 p. (in Russian).
3. *Zasedanie Soveta po mezhnatsionalnym otnosheniyam* (The meeting of the Council on International Relations). Available at: <https://ria.ru/culture/20161031/1480386240.html> (accessed 11 January 2016) (in Russian).
4. Abrosimova I. A. *Krizis antropologicheskikh osnovaniy sovremennoy kultury* (Crisis anthropological grounds of modern culture). *Vektory ideologii identifikatsii: sb. nauch. tr.* (Vectors identification ideology: Collection of scientific papers). Saratov, 2015, pp. 72–79 (in Russian).
5. Luhmann N. *Die Realitat der Massenmedien*. Wiesbaden, 1996. 222 p. (Russ. ed.: Luman N. *Realnost massmedia*. Per. s nem. A. Yu. Antonovskogo. Moscow, 2005. 256 p.).
6. Bauman Z. *The individualized society*. Boston, 2001. 272 p. (Russ. ed.: Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Per. s angl., pod red. V. L. Inozemtseva. Moscow, 2005. 390 p.).
7. Huntington S. *Who are we? The challenges to America's national identity*. New York, 2004. 428 p. (Russ. ed.: Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsionalnoy identichnosti*. Per. s angl. A. Bashkirova. Moscow, 2004. 635 p.).
8. Kozin N. G. *Rossiya. Chto eto? V poiskakh identifikatsionnykh sushchnostey* (Russia. What is it? In search of the identity of entities). Moscow, 2012. 527 p. (in Russian).
9. Putin podpisal ukaz o sozdanii rossiyskogo fonda kultury (Putin signed a decree on the establishment of the Russian Cultural Foundation). *Informatsionnoe agenstvo Rossii TASS* (Russian news agency TASS). Available at: <http://tass.ru/kultura/3748590> (accessed 11 January 2016) (in Russian).

Cite this article as:

Khomyakova E. P. The Dynamics of Value Orientations of the Creative Elite in a Risk Society. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 189–193. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-189-193.

ПСИХОЛОГИЯ

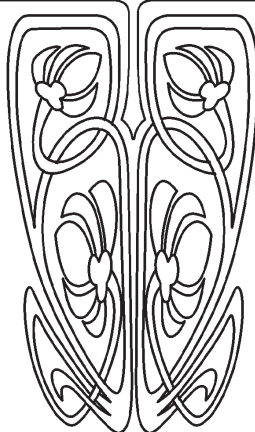
УДК 159.923.2

ВЫРАЖЕННОСТЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ И СПЕЦИФИКА МЕЖУРОВНЕВЫХ СВЯЗЕЙ В СТРУКТУРЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Белых Татьяна Викторовна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: tvbelih@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье представлены результаты исследования, целью которого является изучение взаимосвязи выраженности познавательных потребностей с разноуровневыми показателями в структуре интегральной индивидуальности студентов. Был использован корреляционный анализ, который позволил выявить межуровневые зависимости психодинамических, личностных, социально-психологических свойств во взаимосвязи со степенью выраженности познавательных потребностей и самоофективности личности. Выявлено, что выраженность познавательных потребностей личности определяет существенные различия в характере межуровневых связей в структуре интегральной индивидуальности. Обнаружено, что социально-детерминированные факторы оказывают существенное влияние на характер различий во внутриуровневых связях при одинаковой выраженности познавательных потребностей. Вне зависимости от выработанной установки относительно собственной успешности, познавательные потребности взаимосвязаны с высокой психодинамической интеллектуальной пластичностью и выносливостью, что обеспечивает наличие существенного психологического ресурса на уровне индивидуальных (биологически-детерминированных свойств). Признание этого факта позволяет ориентировать развивающие психолого-педагогические программы, прежде всего, на изменение системы убеждений личности относительно ценности образа «Я» и обеспечения ее успешной самореализации в учебно-профессиональной деятельности.

Ключевые слова: интегральная индивидуальность, познавательные потребности, самоофективность, психодинамический, личностный и социально-психологический уровень в структуре индивидуальности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-194-198

В настоящее время актуальной является проблема изучения причин снижения стремления учащейся молодежи к приобретению знаний. Они могут быть связаны как с «внешними» – социальными условиями и особенностями современной системы среднего и высшего образования, которые находятся в непрерывном процессе модернизации, – так и «внутренними» условиями, связанными с системой имеющихся индивидуальных ресурсов (биологически детерминированных свойств в структуре индивидуальности) и социально значимыми личностными свойствами.

В рамках методологии теории интегральной индивидуальности проблема исследования «внутренней» детерминации успешности осуществления учебной деятельности в настоящее время изучается такими представителями психологической школы В. С. Мерлина, как: В. В. Белоус, Т. В. Белых, И. В. Боязитова, С. А. Васюра, А. А. Волочков, Б. А. Вяткин, Л. Я. Дорфман, И. Н. Зиник, Л. В. Мищенко, Т. М. Хрусталева, А. И. Щebetенко, Е. В. Щербакoва, М. Р. Щукин и др.

В многочисленных исследованиях обнаружено, что такие личностные особенности, как индивидуальный стиль деятельности и общения (А. И. Щebetенко, 2000; Л. Я. Дорфман, 1994 и др.), индивидуальный эмоциональный стиль (Л. Я. Дорфман, 2011), ценностные ориентации (Н. А. Кириллова, 1998; Т. В. Белых, 2011), мотивация достижения (Т. В. Копань, 1996; Т. В. Белых, 2001, 2003), адаптированность (Н. К. Тхан, 2000), познавательная активность личности (И. В. Боязитова, 2001), рефлексивность (И. Н. Зиник, 2011), стрессоустойчивость (М. З. Газиyева, 2012) могут выполнять системообразующую функцию в структуре интегральной индивидуальности и определять эффективность обучения на разных уровнях образования.

В исследовании А. А. Волочкова, посвященного изучению меры влияния учебной активности и развивающих технологий на структуру интегральной индивидуальности, было экспериментально подтверждено большее влияние именно выраженности индивидуальной учебной активности, нежели применяемых различных педагогических технологий [1]. Полученные им данные, безусловно, не уменьшают значимости использования вариативных форм образовательной практики для формирования социально значимых характеристик личности, но их содержательная часть должна быть ориентирована на формирование и поддержание учебной, субъектной активности учащихся.

Отдельной проблемой современных исследований является изучение меры вклада индивидуальных и социально-детерминированных факторов в вариативность одно- и межуровневых связей в структуре интегральной индивидуальности у студентов вуза. Этой проблеме были посвящены исследования, раскрывающие взаимосвязь таких индивидуальных характеристик, как интеллектуальная и коммуникативная пластичность у студентов с разной выраженностью самооэффективности [2, 3]; особенности интеграции формально динамических свойств в структуре

индивидуальности у студентов с разным уровнем коммуникативной самооэффективности [2]; моральной нормативности поведения в структуре интегральной индивидуальности (Т. В. Белых, 2014) и др.

Настоящее исследование направлено на выявление особенностей корреляционных связей в структуре интегральной индивидуальности у студентов в зависимости от выраженности познавательных потребностей и самооэффективности личности. В нём приняли участие 120 студентов Саратовского государственного университета в возрасте от 17 до 22 лет. Был использован следующий диагностический инструментарий: «Тест-опросник самооэффективности» (Дж. Маддукса и М. Шеера, адаптация А. В. Бояринцевой), опросник «Формально-динамические свойства индивидуальности» В. М. Русалова, многоуровневый личностный опросник (МЛЮ) «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина, опросник «Стратегии и модели преодолевающего поведения» Г. С. Никифорова; «Самоактуализационный тест» (САТ) в адаптации Ю. Е. Алешиной, «Тест социально-коммуникативной компетентности» (Н. П. Фетискина, В. В. Козлова, Г. М. Мануйлова). Использовался корреляционный анализ, позволивший выявить межуровневые зависимости психодинамических, личностных, социально-психологических свойств во взаимосвязи со степенью выраженности познавательных потребностей и самооэффективности личности. Выраженность познавательных потребностей изучалась по шкале «познавательные потребности» опросника САТ. Для исследования межуровневых связей были изучены показатели трех уровней интегральной индивидуальности: психодинамический, личностный, социально-психологический.

Рассмотрим данные корреляционного анализа взаимосвязей выраженности познавательных потребностей и психодинамических характеристик индивидуальности в группах с высокой и низкой самооэффективностью (табл. 1).

Таблица 1

Корреляционные связи психодинамических показателей и выраженности познавательных потребностей у студентов с разной убежденностью в своей эффективности

Показатели психодинамического уровня интегральной индивидуальности	Познавательные потребности в группе	
	С высокой самооэффективностью	С низкой самооэффективностью
Интеллектуальная эргичность	0,67	0,46
Индекс интеллектуальной активности	0,47	0,42
Интеллектуальная пластичность	0,65	-
Коммуникативная пластичность	0,52	-

Примечание. В таблице представлены коэффициенты корреляции при $p < 0,05$.

Наиболее значимые корреляционные связи в группе с высокой самооэффективностью обнаруживаются между выраженностью познавательных потребностей, интеллектуальной эргичностью (выносливостью) и интеллектуальной пластичностью (см. табл. 1). Менее выражены, но так же значимы связи в этой группе между выраженностью познавательных потребностей, коммуникативной пластичностью и индексом интеллектуальной активности. У студентов с низкой самооэффективностью меньше корреляционных связей, чем в предыдущей группе, они менее выражены, но положительны. Это свидетельствует о том, что высокий уровень сформированности познавательных потребностей, даже при убежденности в собственной неэффективности, связан с интел-

лектуальной эргичностью и интеллектуальной активностью в структуре психодинамической, индивидуальной организации. Это подтверждает наличие биологически детерминированной ресурсности личности, имеющей низкую уверенность в своей эффективности, но ярко выраженные познавательные потребности. В этом случае психолого-педагогическое воздействие должно быть ориентировано на изменение системы убеждений такого человека для усиления ценности образа «Я» и обеспечения таким образом его успешной самореализации в учебно-профессиональной деятельности.

Рассмотрим данные корреляционного анализа показателей личностного уровня и выраженности познавательных потребностей в двух группах (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционные связи показателей личностного уровня и выраженности познавательных потребностей у студентов с разной убежденностью в своей эффективности

Показатели личностного уровня интегральной индивидуальности	Познавательные потребности в группе	
	С высокой самооэффективностью	С низкой самооэффективностью
Спонтанность	0,45	0,47
Моральная нормативность	-0,49	-0,74
Психотические реакции	-0,56	-0,57
Деадаптационные нарушения	-0,43	-0,45
Креативность	-	0,49
Шкала истерии	-	0,44
Шкала психопатии	-	0,60
Шкала шизоидности	-	0,50
Асоциальность	-0,41	0,44

Обнаружены сходства и различия корреляционных связей в сравниваемых выборках: сходная связь выраженности познавательных потребностей и спонтанности как личностного свойства, которое проявляется в способности человека спонтанно и непосредственно выражать свои чувства, что не означает отсутствия способности к продуманным и целенаправленным действиям (см. табл. 2). Сходными являются отрицательные корреляционные связи выраженности познавательных потребностей, моральной нормативности, психотических и дезадаптивных нарушений. Вне зависимости от убежденности в эффективности самореализации при наличии ярко выраженных познавательных потребностей уменьшается склонность к дезадаптивным и психотическим реакциям и возрастает сопротивляемость требованиям непосредственного социального окружения. Значимые различия обнаруживаются в двух выборках по таким показателям, как креативность, склонности к пси-

хопатии, шизоидности, истерии и проявлению асоциальных поступков. В группе испытуемых с низкой убежденностью в эффективности самореализации при высокой выраженности познавательных потребностей, в отличие от первой группы, проявляется большая творческая направленность личности с выраженной интуицией, способностью тонко чувствовать и воспринимать абстрактные образы; при этом – наличие склонности к асоциальным действиям, эмоциональная холодность и отчужденность в межличностных отношениях, тенденция к повышенной агрессивности, межперсональной конфликтности, частой перемене настроения, интересов и привязанностей, проявление социальной и эмоциональной незрелости личности.

Рассмотрим данные, отражающие корреляционные связи выраженности познавательных потребностей и способов совладания в сложных, стрессовых ситуациях, используемых студентами в группах с разной самооэффективностью (табл. 3).

Таблица 3

Корреляционные связи показателей социально-психологического уровня и выраженности познавательных потребностей у студентов с разной убежденностью в своей эффективности

Показатели социально-психологического уровня интегральной индивидуальности	Познавательные потребности в группе	
	С высокой самооэффективностью	С низкой самооэффективностью
Осторожные действия	-0,80	-0,42
Ассертивные действия	0,42	-
Избегание	-	0,48
Асоциальные действия	-0,41	0,44
Поиск социальной поддержки	-	-0,51

Сходство двух групп сводится к отказу от выбора осторожных действий в качестве копинг-стратегий, все остальные выявленные корреляции свидетельствуют о наличии существенных различий (см. табл. 3). Студенты с уверенностью в эффективности собственной самореализации и выраженными познавательными потребностями используют ассертивные действия (принятие ответственности за свое поведение, за свою жизнь) в качестве копинга, в то время как студенты с низкой самооэффективностью чаще используют в качестве копинга такие стратегии, как избегание, асоциальные действия и отказываются от такого копинга, как поиск социальной поддержки. Это согласуется с данными, которые получены при анализе корреляционных связей на личностном уровне в структуре индивидуальности в сравниваемых выборках.

Таким образом, проведенное корреляционное исследование позволяет сделать следующие выводы:

выраженность познавательных потребностей личности определяет различия в характере межуровневых связей в структуре интегральной индивидуальности;

познавательные потребности на уровне психодинамической (биологически детерминированной) организации интегральной индивидуальности взаимосвязаны с наличием интеллектуальной эргичности и интеллектуальной пластичности, что обеспечивает большую ресурсность личности при самореализации в различных видах деятельности вне зависимости от выработанных социальных установок относительно собственной эффективности;

социально-детерминированные факторы, к которым относится убежденность в эффективности собственной самореализации, оказывают более существенное влияние на характер различий во внутриуровневых связях (личностный и социально-психологический уровни интегральной индивидуальности) при наличии одинаковой выраженности познавательных потребностей,

определяя особенности межличностного взаимодействия и склонность к агрессивным и асоциальным действиям, более характерным для представителей группы с низкой самооэффективностью;

при одинаковых познавательных потребностях личность реализует разные стратегии совладания со стрессом, которые детерминируются в большей степени сформированными в процессе жизнедеятельности убеждениями относительно собственной эффективности и проявляются в наличии или отсутствии способности брать ответственность за происходящие в жизни события;

полученные данные позволяют определить направления оказания психолого-педагогической помощи и поддержки студентам, демонстрирующим ярко выраженные познавательные потребности, творческую активность, но убежденным в неэффективности самореализации. Такая психологическая помощь необходима для осуществления профилактики деструктивных способов самореализации личности и заключается в целенаправленном формировании позитивного образа «Я», способности к проявлению самоответственности, развитию познавательных потребностей и коррекции системы негативных убеждений, касающихся способности к самореализации, за счет подкрепления позитивных достижений личности в различных сферах самореализации.

Список литературы

1. Волочков А. А. Активность субъекта как фактор психического развития (гипотезы, модели, факты) // *Вопр. психологии*. 2003. № 3. С. 22–32.
2. Белых Т. В. Интеллектуальная пластичность в структуре интегральной индивидуальности у студентов с разным уровнем общей самооэффективности // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 48–57.
3. Белых Т. В. Психодинамическая коммуникативная пластичность в структуре интегральной индивидуальности субъекта общения // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 182–186.

Образец для цитирования:

Белых Т. В. Выраженность познавательных потребностей и специфика межуровневых связей в структуре интегральной индивидуальности у студентов вуза // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 194–198. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-194-198.

Severity of Cognitive Needs and Specificity of Inter-level Connections in the Structure of Integrated Individuality of Students of High School

T. V. Belykh

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: tvbelih@mail.ru

The article presents the results of a study, whose purpose is to study the relationship of severity of cognitive needs with the different level indicators in the structure of integrated individuality of students. Was used correlation analysis, which revealed the inter-level dependence psychodynamic, personal, socio-psychological properties in correlation with the severity of cognitive needs and self-efficacy of the individual. It was revealed that the severity of the cognitive needs of the individual determines the substantial differences in the nature of inter-level connections in the structure of integrated individuality. It was found that the socio-deterministic factors have a significant impact on the character of intra differences in relationships with the same severity of cognitive needs. Regardless of attitudes have been developed with respect to its own success, and cognitive needs are interrelated with high dynamic intellectual plasticity and stamina, and provides the essential psychological resource at the level of the individual (biologically deterministic properties). Recognition of this fact allows us to focus developing psycho-educational programs, primarily at changing the belief system of the individual on the value of the image «I», and thus ensure its

successful self-realization in educational and professional activities.

Key words: integral individuality, cognitive needs, self-efficacy, psychodynamic, personality and socio-psychological level of individuality structure.

References

1. Volochkov A. A. Aktivnost sub"ekta kak factor psicheskogo razvitiya (gipotezy-modeli-fakty) (Activity as the subject of mental development factor (hypotheses, models, facts). *Voprosy Psichologii* (Voprosy Psychology), 2003, no. 3, pp. 22–32.
2. Belykh T. V. Intellektualnaya plastichnost v strukture integralnoy individualnosti u studentov s raznyim urovnem obshchey samoeffektivnosti (Intellectual plasticity in the structure of integral individuality of students with different levels of General self-efficacy). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 48–57.
3. Belykh T. V. Psihodinamicheskaya kommunikativnaya plastichnost v strukture integralnoj individualnosti subekta obshcheniya (Psychodynamic communicative plasticity in structure of integrated individuality of the subject of communication). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 2, pp. 182–186.

Cite this article as:

Belykh T. V. Severity of Cognitive Needs and Specificity of Inter-level Connections in the Structure of Integrated Individuality of Students of High School. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 194–198. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-194-198.

УДК 159.99

МОТИВЫ НАЧАЛА БИЗНЕСА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ У ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ МОТИВАЦИИ

Глизнущин Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры психологии, Липецкий государственный технический университет. E-mail: gliznutsin@list.ru

В работе исследуются представления о государственных системах и мотивы начала бизнеса у предпринимателей с разными типами мотивации. Исследование проводилось на основе работ классической отечественной школы психологии (Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, А. Н. Леонтьева) и авторской модели типов мотивации, которая включает в себя и мотивацию, и демотивацию. Выборку составили 63 предпринимателя с разным стажем ведения бизнеса; использовались как стандартные методики (методика диагностики мотивации достижения А. А. Мехрабиана), корреляционный анализ, так и авторские опросники представлений о государственных системах, мотивах начала бизнеса. Получены следующие результаты: у предпринимателей с выраженным мотивом заработка выявлены развитые представления о государственных системах. У предпринимателей с невыраженным мотивом заработка представления о государственных системах развиты слабо. У предпринимателей с выраженным мотивом самореализации уровень развития представлений о государственных системах также низкий. Мотивы и представления у предпринимателей со стажем и начинающих предпринимателей различаются. Каждому типу мотивации присущ собственный уникальный набор мотивов начала бизнеса и представлений о государственных системах.

Ключевые слова: тип мотивации, демотивация, мотивация, государственные системы, мотивация предпринимателей.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-199-202

Введение

Частное предпринимательство как форма экономической активности населения в настоящее время является значимым компонентом развития России. Государственные программы обучения, финансовой поддержки, льготные налоговые режимы, формирование положительного образа предпринимателя – все это целенаправленные действия государства по развитию предпринимательства в стране. Восприятие ситуации самими предпринимателями не столь однозначно. С одной стороны, молодежь все чаще пробует самостоятельно организовать свою профессиональную деятельность, не всегда оформляя официально статус индивидуального предпринимателя, а пополняя ряды самозанятого населения – в бытовом ремонте, автосервисе, салонах красоты и т.п. С другой стороны, период адаптации начинающих предпринимателей в бизнесе (около трех лет)

часто заканчивается реальным прекращением деятельности или официальным закрытием бизнеса, «уходом в тень». Причины этой проблемы можно искать в мотивационно-смысловой сфере начинающих предпринимателей, в ее первоначальном содержании и последующих изменениях на этапе адаптации к предпринимательской деятельности.

Теоретические предпосылки исследования

Мотивация, на наш взгляд, сопровождает успешную предпринимательскую деятельность, а демотивация свидетельствует о наличии причин, снижающих эффективность такой деятельности. Психологическую природу аспектов демотивации можно обнаружить в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина. Состояние демотивации с позиций А. Н. Леонтьева может проявляться как разрушение структуры деятельности при изменении её мотива [1]. В терминах П. Я. Гальперина неверная ориентировочная основа, не находящие подтверждения в реальности смыслы, связи действия и результата также приводят к состоянию демотивации [2]. И, наконец, причиной демотивации может быть нарушенный обмен внутреннего и внешнего, затрудненные процессы экстерииоризации и интериоризации по Л. С. Выготскому [3].

Обобщив воззрения классиков отечественной психологии, мы предложили структурную модель мотивационно-смысловой сферы предпринимателей. Она позволяет выделить четыре типа мотивации, на основании двух базовых критериев – скорости борьбы мотивов (быстрой/длительной) и воспринимаемого внешнего мира (трудного/легкого). Два из них – «Исполнение» (быстрая борьба мотивов и восприятие внешнего мира как легкого) и «Продумывание» (длительная борьба мотивов и восприятие внешнего мира как трудного) – суть мотивация; два других – «Быстрые ошибки» (быстрая борьба мотивов и восприятие внешнего мира как трудного) и «Зависание» (длительная борьба мотивов и восприятие внешнего мира как легкого) – демотивация [4].

Принадлежность к конкретному типу мотивации определяется по результатам диагностики мотивации достижения. Использование двух критериев существенно расширило ее дифференцирующую силу. Вычитание баллов одной шкалы из другой позволяет определить первую часть типа мотивации. Сложение значений обеих шкал и отнесение к стандартным диапазонам позволяет определить вторую часть типа мотивации.

При интерпретации результатов диагностики мотивации мы разделили испытуемых на четыре группы, в зависимости от силы мотивации – от достижения успеха к избеганию неудач:

достижение успеха (с большой суммой баллов по двум шкалам и положительной разностью) соответствует типу «Исполнение»;

ближе к достижению успеха (с большой суммой и отрицательной разностью) – «Продумывание»;

ближе к избеганию неудач (с маленькой суммой и положительной разностью) – «Быстрые ошибки»;

избегание неудач (с маленькой суммой и отрицательной разностью) – «Зависание».

Однако помимо типов мотивации существуют конкретные мотивы открытия бизнеса: именно они во многом определяют начало пути предпринимателя. Связь конкретных мотивов и типа мотивации изучена в этой статье. Нами рассмотрены как мотивы начинающих предпринимателей, так развитость их представлений о различных аспектах взаимодействия с государством; проведено сравнение этих мотивов и представлений как у начинающих, так и у опытных предпринимателей.

Гипотезами исследования были предположения: существует связь между типом мотивации и мотивами начала бизнеса, а также значимостью

отдельных государственных систем; развитость представлений о государственных системах и мотивы начала бизнеса у опытных и начинающих предпринимателей при одном и том же типе мотивации будут различаться

Целью исследования стала попытка выявить особенности каждого типа мотивации: характерные мотивы и взаимодействие с государством.

Выборка и методы исследования

Исследование проводилось на выборке предпринимателей ($N = 63$), в их число вошли начинающие предприниматели ($N = 35$, от 20 до 28 лет), с помощью методики диагностики мотивации достижения, авторского опросника, составленного по результатам интервью с предпринимателями, и корреляционного анализа; использовалась программа IBM SPSS statistics22. Изучались представления предпринимателей о следующих аспектах взаимодействия с государством: взаимодействии с контролирующими органами (КО), выборе системы налогообложения (СНО), трудовом законодательстве (ТК), электронной форме отчетности (ЭО) и участии в системе государственных закупок (СГЗ).

Результаты и их обсуждение

Тип мотивации «Исполнение» (начинающие) положительно коррелирует с переходом на новый уровень и отрицательно с отказом от найма (табл. 1). Это может свидетельствовать, что такие испытуемые уже являются наемными работниками (собираются продолжать), а бизнес начинают, чтобы перейти на новый профессиональный уровень, например, официально арендовать помещение. Тип «Исполнение (со стажем)» положительно коррелирует с переходом на новый уровень и самореализацией.

Таблица 1

Связь типов мотивации и мотивов предпринимательской деятельности

Тип мотивации	Бизнес-стаж	Мотивы предпринимательской деятельности						
		Новый уровень	Самореализация	Не могу найти работу	Доход	Не хочу в найм	Семейный бизнес	Интересная ниша
Исполнение	нет	0,280*	0,083	-0,069	0,050	-0,289**	-	-0,194
	есть	0,330**	0,324**	-0,175	-0,055	0,324**	-0,259*	0,364**
Продумывание	нет	-0,164	0,348**	0,401**	-0,090	-0,052	-	0,094
	есть	-0,158	-0,286*	0,068	0,300*	-0,286*	0,101	-0,185
Быстрые ошибки	нет	-0,239*	-0,180	-0,144	-0,149	0,460**	-	-0,020
	есть	-0,098	-0,176	0,180	-0,015	-0,176	0,333**	-0,238*
Зависание	нет	0,160	-0,259*	-0,179	0,241*	-0,199	-	0,160
	есть	-0,085	0,180	-0,123	-0,320*	0,180	-0,182	0,062

Примечание. * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01.

Содержательно эти связи означают желание реализовываться в своем бизнесе и дальше – положительная корреляция с нежеланием работать по найму и интересной нишей. Это может объясняться тем, что испытуемый, создав свой бизнес и найдя подходящую нишу, уже не хочет быть наемным работником. Можно обратить внимание и на сохранение мотива самореализации: он может быть главным для сохранения бизнеса при данном типе мотивации.

Тип мотивации «Продумывание» (начинающие) положительно коррелирует с мотивом самореализации и невозможностью найти работу. Это объясняется тем, что полная самореализация для таких испытуемых возможна в своем бизнесе при отсутствии внешних строгих ограничений. «Продумывание» (со стажем) отрицательно коррелирует с мотивом самореализации и положительно – с мотивом более высокого дохода, т.е. со временем предприниматели сталкиваются с неизбежными ограничениями внешней среды, стремление к самореализации

исчерпывается, а бизнес они направляют на получение высокого дохода.

Тип мотивации «Быстрые ошибки» (начинающие) отрицательно коррелирует с переходом на новый уровень и отказом от наемной работы. Это может объясняться тем, что решение начать бизнес – вынужденное, протест против условий наемного труда. Тип «Быстрые ошибки» (со стажем) положительно коррелирует с мотивом продолжения семейного дела и отрицательно – с интересной нишей. Очевидно, такие предприниматели ведут бизнес не потому что нашли интересную нишу, а чтобы создать для детей независимое место работы.

Тип мотивации «Зависание» (начинающие) отрицательно коррелирует с самореализацией и положительно – с доходом. Это свидетельствует, что при такой мотивации испытуемые начинают бизнес ради денег, в ущерб личным интересам и желаниям. Тип «Зависание» (со стажем) отрицательно коррелирует с доходом, т.е. в бизнесе остаются люди, которые работают не ради денег.

Таблица 2

Связь типов мотивации и представлений о взаимодействии с государством

Тип мотивации	Бизнес-стаж	Представления о взаимодействии с государством				
		КО	СНО	ТК	ТКС	СГЗ
Исполнение	нет	-0,059	-0,261*	-0,164	-0,224*	-0,228*
	есть	-0,316*	-0,042	-0,109	0,131	-0,055
Продумывание	нет	-0,164	-0,273*	0,089	-0,179	-0,099
	есть	0,419**	0,285*	0,384**	0,042	0,277*
Быстрые ошибки	нет	-0,020	0,235*	0,076	0,135	0,042
	есть	0,170	0,176	0,237*	0,066	-0,041
Зависание	нет	0,287**	0,320**	-0,000	0,302**	0,340**
	есть	-0,363**	-0,525**	-0,641**	-0,290*	-0,262*

Примечание. КО – отчетность в контролирующие органы; СНО – система налогообложения; ТК – представления о Трудовом кодексе; ТКС – представления о передаче отчетности по телекоммуникационным каналам связи; СГЗ – представления о системе государственных закупок. * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01.

Тип мотивации «Исполнение» (начинающие) отрицательно коррелирует с представлениями о системе налогообложения, передачей отчетности по Интернету и электронных торгах. Это объясняется тем, что в ходе самореализации предприниматели интересуются взаимодействием с государством минимально. Тип «Исполнение» (со стажем) отрицательно коррелирует с квартальной отчетностью, т.е. опытные предприниматели по-прежнему стараются знать о взаимодействии с государством как можно меньше, в центре их внимания самореализация.

Тип мотивации «Продумывание» (начинающие) отрицательно коррелирует со знанием системы налогообложения, т.е. испытуемые больше интересуются работой, чем государственными системами. Тип «Продумывание» (со стажем)

положительно коррелирует со знаниями системы налогообложения, трудового законодательства, отчетностью в контролирующие органы и электронными торгами. Это объясняется тем, что при мотиве максимального заработка необходимо разбираться в вопросах налогов и отчетности.

Тип мотивации «Быстрые ошибки» (начинающие) положительно коррелирует с важностью системы налогообложения: очевидно, это можно объяснить желанием узнать первоначальные условия труда в бизнесе – при вынужденном решении открыть бизнес, но информация об этой сфере минимальна. Тип «Быстрые ошибки» (со стажем) положительно коррелирует со знанием трудового законодательства. Содержательно это может означать желание понимать условия найма, от которых испытуемые отказались на этапе начала бизнеса.

Тип мотивации «Зависание» (начинающие) положительно коррелирует с важностью системы налогообложения, электронной отчетностью, электронными торгами и квартальной отчетностью. Возможно, это свидетельствует о том, что при мотиве максимального заработка необходимо разбираться в государственных системах. Тип «Зависание» (со стажем) отрицательно коррелирует со всеми проблемами отношений с государством, т.е. при отрицательно выраженном мотиве максимального заработка знание государственных систем минимально.

Заключение

Основные *выводы* нашего исследования в том, что типы мотивации, действительно, связаны с различными мотивами начала бизнеса, а также развитостью представлений о государственных системах. При выраженном мотиве максимального заработка предприниматели хо-

рошо разбираются в государственных системах (типы «Продумывание», «Зависание»). Если мотив заработка отрицательный, то предприниматели разбираются в государственных системах минимально (тип «Зависание», со стажем). При выраженном мотиве самореализации предприниматели предпочитают не разбираться в государственных системах (тип «Исполнение»).

Список литературы

1. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. 304 с.
2. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж, 1998. 480 с.
3. Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М., 1983. 368 с.
4. Глизнутин Д. В. Феномен демотивации в развитии предпринимательской деятельности // Молодые ученые – столичному образованию : материалы XV городской науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 т. М., 2016. Т. 1. С. 120–122.

Образец для цитирования:

Глизнутин Д. В. Мотивы начала бизнеса и представления о государственных системах у предпринимателей с различными типами мотивации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 199–202. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-199-202.

Motives for Starting a Business and Representation of the Government Systems of Entrepreneurs with Different Types of Motivation

D. V. Gliznutsin

Lipetsk State Technical University
30, Moskovskaya str., Lipetsk, 398600, Russia
E-mail: gliznutsin@list.ru

In this article we research government systems and motives of the beginning of business on entrepreneurs with different types of motivation. Our basis is the classic works of the Russian school of psychology (L. S. Vigotskiy, P. Ya. Galperin, A. N. Leontiev) and the author's model of motivation type. The model include motivation and demotivation. The sample included entrepreneurs with different experience of doing business. Also we use standard methodology for diagnostics of motivation - Methods for diagnostics of achievement motivation A. Mehrabian). Above it, we use author questionnaires ideas about governmental systems, the motives of starting a business. For data analysis, correlation analysis method was used. Mathematical processing carried out in IBM SPSS Statistics 22 program. Eventually, we use standard methods and two questionnaires - for perceptions of government systems and for the motives of starting a business. The following results: entrepreneurs with the motive of earning advanced ideas about government systems, and entrepreneurs with unexpressed motive for earnings - are poorly developed ideas about

government systems. Each type of motivation has its own unique set of motivations beginning business and set of views on the state systems.

Key words: type of motivation, demotivation, motivation, government systems, motivation of entrepreneurs.

References

1. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost* (Activity. Consciousness. Personality). Moscow, 1975. 304 p. (in Russian).
2. Gal'perin P. Ya. *Psikhologiya kak obektivnaya nauka* (Psychology as an objective science). Moscow; Voronezh, 1998. 480 p. (in Russian).
3. Vygotskiy L. S. *Sobr. soch. : v 6 t. T. 3. Problemy razvitiya psikhiki* (Collected works: in 6 vol. Vol. 3. Problems of mental development). Moscow, 1983. 368 p. (in Russian).
4. Gliznutsin D. V. *Fenomen demotivatsii v razvitii predprinimatelskoy deyatel'nosti* (The phenomenon of demotivation in the development of entrepreneurial activity). *Molodye uchenye – stolichnomu obrazovaniyu: materialy XV gorodskoy nauch.-prakt. conf. s mezhdynar. uchastiem*: v 2 t. (Young scientists – the capital formation: materials XV Municipal scientific and practical conference with international participation: in 2 vol.). Moscow, 2016, vol. 1, pp. 120–122 (in Russian).

Cite this article as:

Gliznutsin D. V. Motives for Starting a Business and Representation of the Government Systems of Entrepreneurs with Different Types of Motivation. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 199–202. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-199-202.

УДК 159.99

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ЗАВИСИМОСТЬЮ ОТ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ, С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Леонова Ксения Михайловна – психолог реабилитационного центра «Навигатор», г. Москва. E-mail: info@kleonova.ru

В статье представлены данные исследования, целью которого являлся анализ копинг-стратегий лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ, с различным уровнем жизнестойкости. Исследование проводилось на базе реабилитационного центра для лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ, в нём приняли участие 37 испытуемых, страдающих алкогольной и (или) наркотической зависимостью, из них 27 мужчин и 10 женщин в возрасте от 16 до 47 лет. Все испытуемые на момент проведения исследования находились в ремиссии длительностью от нескольких дней до нескольких лет. Обнаружено, что чем выше уровень жизнестойкости, тем реже ими используются копинг-стратегии – мысленный уход от проблемы, отрицание, поведенческий уход от проблемы, прием успокоительных – и тем чаще – копинг-стратегия «активное совладание». Таким образом, чем выше уровень жизнестойкости, тем более эффективные стратегии задействуют испытуемые. Жизнестойкость – мощный ресурс противостояния зависимости и сопряженным с ней отчаянию, неуверенности, потере смысла. Полученные результаты могут быть использованы в работе по профилактике зависимости, при выстраивании психологической работы с зависимыми от психоактивных веществ.

Ключевые слова: жизнестойкость, зависимость, копинг-стратегии, реабилитация, алкоголизм, наркомания.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-203-206

В 2013 г. в Российской Федерации зарегистрировано 2 822 176 больных наркологическими расстройствами, что составляет 1969 на 100 000 населения. Лишь 11 человек из 100, состоящих на учете, достигают ремиссии от 1 до 2 лет, 9 человек находятся в ремиссии более 2 лет, и лишь 3 снимаются с учета в связи с длительным воздержанием (более 5 лет) [1]. Вовлеченными в проблемы, связанные с зависимостью от алкоголя и наркотиков, оказываются не только лица, непосредственно употребляющие психоактивные вещества, но и члены их семей. Вслед за Н. А. Сиротой и В. М. Ялтонским мы считаем, что развитое копинг-поведение снижает риск наркотизации и способствует выздоровлению [2]. Использование эффективных копинг-стратегий становится возможным благодаря ресурсам личности, одним из них является жизнестойкость [3].

Жизнестойкость (*hardiness*) – личностная переменная, характеризующая меру способности личности выдержать стрессовую ситуацию, сохра-

няя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешности деятельности. Жизнестойкость – термин экзистенциальной психологии (С. Мадди, С. Кобаса и др.), основанный на представлении о том, что психические процессы и действия человека обусловлены личностным ощущением смысла. Личностный смысл опосредован культурными, социальными и семейными нормами. Принимая решения, человек способен выйти за рамки указанных норм, формируя таким образом индивидуализированный или субъективный смысл, принимаемые им решения могут быть направлены в будущее или прошлое. Регулярно выбирая прошлое, человек использует привычные способы действия, накапливая «онтологическую вину» за нереализованные возможности. Выбор прошлого способствует стагнации, пассивной жизненной позиции, при которой человек жалуется, выражает недовольство сложившимися обстоятельствами, не решаясь подступить к их преобразованию. Выбор будущего, т.е. выбор неизвестности в противовес неизменности способствует глубокому осмыслению опыта, осознанности, психологическому росту и выработке индивидуального жизненного стиля. Направленность в будущее обеспечивает формирование иерархии целей, каждая из которых способствует реализации собственного предназначения. Но принятию решений в пользу будущего противостоит присущая человеку «онтологическая тревога», в основе которой лежит страх неизвестности. Успешно балансировать между «онтологической виной» и «онтологической тревогой» позволяет жизнестойкость – это целостная система представлений о себе, о мире, об отношениях с миром. Жизнестойкость – это «трансформационное совладание, включающее в себя процесс творческого преобразования стрессовых обстоятельств через вовлеченность, контроль, вызов» [4, с. 192].

Вовлеченность проявляется в представлении о том, что самое ценное и интересное в жизни можно обрести с помощью активного участия в происходящем, в переживании человеком своих действий и происходящих вокруг событий как интересных и радостных. Человек, обладающий высоким уровнем вовлеченности, чувствует себя

значимым, чтобы включиться в решение жизненных задач, несмотря на стресс и препятствия. Низкие показатели вовлеченности свидетельствуют об отчужденности, ощущении себя за пределами жизни, воспринимаемой как бесполезная трата времени. Контроль – это убежденность в том, что борьба может повлиять на ход событий, несмотря на отсутствие гарантий успеха. Высокие показатели контроля говорят о самостоятельности выбора жизненного пути, в то время как низкие свидетельствуют о беспомощности и пассивности. Знаменитой фразой Фридриха Ницше: «Что не убивает меня, то делает меня сильнее» [5] можно проиллюстрировать такой компонент жизнестойкости, как принятие риска. Его сущность состоит в том, что из любого события человек извлекает бесценный опыт и знания, поэтому как негативные, так и позитивные последствия действий имеют ценность. На противоположном полюсе находится всепоглощающее стремление к комфорту и безопасности, избегание неприятностей любым способом [6]. Какие копинг-стратегии выбирают зависимые с разным уровнем жизнестойкости – вопрос, на который мы попытаемся ответить в данной статье.

В исследовании, проведенном в декабре 2015 г. среди лиц, страдающих алкогольной и (или) наркотической зависимостью, приняли участие 37 человек: 27 мужчин и 10 женщин, 6 участников исследования – выздоравливающие наркозависимые – консультанты и психологи реабилитацион-

ных центров, остальные – резиденты, проходящие стационарную программу реабилитации, находящиеся на различных этапах выздоровления. Возраст участников исследования от 16 до 47 лет.

В исследовании были использованы следующие методики: 1) опросник COPE (версия Е. И. Рассказовой, Т. В. Гордеевой, Е. Н. Осина) – русскоязычная адаптация опросника COPE Дж. Вейтрауба, К. Кавера, М. Шейера 2013 г., позволил выявить 15 ведущих копинг-стратегий, используемых участниками исследования [7]; 2) тест жизнестойкости (версия Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой) – русскоязычная адаптация опросника С. Мадди Hardiness Survey. Опросник направлен на выявление уровня жизнестойкости, а также составляющих ее компонентов: вовлеченности, принятия риска, контроля [8]; 3) проективная методика А. Эбрамса «Человек под дождем» в адаптации М. А. Одинцовой, позволяющая выявить и проанализировать характерные особенности поведения в стрессовой ситуации [3].

Результаты исследования

Чтобы выявить различия в использовании копинг-стратегий группами зависимых от психоактивных веществ (в соответствии с нормативными значениями опросника жизнестойкости), были получены данные о количестве участников исследования, входящих в эти группы, с различным уровнем жизнестойкости, вовлеченности, контроля, принятия риска (таблица).

Группы зависимых от психоактивных веществ с различным уровнем жизнестойкости, вовлеченности, контроля, принятия риска

Группа участников исследования	Жизнестойкость	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
Высокий уровень	2	4	1	7
Средний уровень	24	22	25	20
Низкий уровень	11	11	11	10

Таким образом, по каждому показателю нами сформированы три независимые выборки. Группы участников исследования с различным уровнем жизнестойкости, вовлеченности, контроля, принятия риска с применением критерия Краскелла-Уолиса имеют значимые различия в использовании следующих копинг-стратегий: мысленный уход от проблемы ($\alpha = 0,023; 0,035; 0,017; 0,019$), поведенческий уход от проблемы ($\alpha = 0,012; 0,029; 0,021; 0,006$). Частота применения такой копинг-стратегии как отрицание различается у участников исследования с различным уровнем жизнестойкости ($\alpha = 0,033$), принятия риска ($\alpha = 0,043$). У групп участников исследования с различным уровнем вовлеченности выявлены значимые различия в использовании копинг-

стратегии – принятие ($\alpha = 0,020$). Участники исследования с разным уровнем принятия риска различаются по применению таких копингов, как позитивное переформулирование и личностный рост ($\alpha = 0,045$); активное совладание ($\alpha = 0,001$).

Дополнительно проведенный анализ с использованием критерия Джонкхиера выявил определенные тенденции применения копинг-стратегий. Чем выше *уровень жизнестойкости* участников исследования, тем реже ими используются копинг-стратегии – мысленный уход от проблемы ($\alpha = 0,006$), отрицание ($\alpha = 0,011$), поведенческий уход от проблемы ($\alpha = 0,003$), прием успокоительных ($\alpha = 0,047$) и чаще используется копинг-стратегия активное совладание ($\alpha = 0,015$). Чем выше *уровень вовлеченности* участников, тем

реже ими используются копинг-стратегии – мысленный уход от проблемы ($\alpha = 0,006$), отрицание ($\alpha = 0,018$), поведенческий уход от проблемы ($\alpha = 0,007$) и чаще используются копинг-стратегии активное совладание ($\alpha = 0,017$), принятие ($\alpha = 0,022$). Чем выше *уровень контроля*, тем реже используются копинг-стратегии – мысленный уход от проблемы ($\alpha = 0,004$), концентрация на эмоциях и их активное выражение ($\alpha = 0,032$), отрицание ($\alpha = 0,030$), поведенческий уход от проблемы ($\alpha = 0,007$) и чаще используется копинг-стратегия активное совладание ($\alpha = 0,020$). Чем выше *уровень принятия риска* участников исследования, тем реже ими используются такие копинг-стратегии, как мысленный уход от проблемы ($\alpha = 0,004$), отрицание ($\alpha = 0,016$), поведенческий уход от проблемы ($\alpha = 0,001$) и чаще используются копинг-стратегии позитивное переформулирование и личностный рост ($\alpha = 0,031$), активное совладание ($\alpha = 0,000$).

Таким образом, нами выявлена значимая тенденция увеличения частоты использования такой эффективной копинг-стратегии, как активное совладание с увеличением уровня жизнестойкости. По мнению Н. А. Сирота и В. М. Ялтонского, готовность к активному совладанию, а при необходимости и противостоянию среде является важнейшей составляющей адаптивного высоко функционального поведения, способствующего выздоровлению [3]. Выявлена значимая тенденция снижения частоты применения копинг-стратегий отрицание, мысленный уход от проблемы, поведенческий уход от проблемы с увеличением уровня жизнестойкости и всех ее компонентов. Указанные стратегии представляют собой различные формы избегания столкновения с действительностью, в связи с чем не могут быть признаны эффективными в контексте зависимости. Кроме того, чем выше уровень жизнестойкости, тем реже используется копинг употребление успокоительных (алкоголя, наркотиков, лекарств) для борьбы со стрессом, что также свидетельствует о важности развития жизнестойкости у лиц, зависимых от психоактивных веществ.

Как видим, высокая представленность каждого компонента жизнестойкости способствует выбору конструктивных копинг-стратегий и эффективному преодолению стрессов, в то время как низкая – напротив, порождает неэффективные стратегии совладания.

Использование стандартизированных опросников – не единственный способ выявления особенностей копинг-поведения. Тестирование затрудняется существенными сложностями в осознании собственных чувств и эмоций, высоким стремлением к социальной желательности, свойственным людям, страдающим зависимостью

от психоактивных веществ. В этой связи представляется целесообразным для диагностики особенностей копинг-поведения использовать проективные методы, которые позволяют заглянуть в уникальный внутренний мир личности, увидеть окружающую действительность глазами другого человека на основе его субъективных переживаний, чувств, мыслей, ожиданий. В частности, для изучения поведения в ситуации стресса можно использовать проективный тест «Человек под дождем». Испытуемому предлагается нарисовать два рисунка – человека и человека под дождем, после чего рассказать о чувствах, мыслях и действиях изображенных персонажей. Особенности изображения и описания человека под дождем характеризуют особенности поведения испытуемого в ситуации стресса. Ход и содержание обсуждения варьируются в зависимости от содержания рисунков и пояснений. В качестве примера можно привести случай, когда испытуемый изобразил вместо человека под дождем испуганное съездившее существо, смотрящее в окно, за которым идет ливень. В ходе обсуждения выяснилось, что человек не выходит под дождь, поскольку боится, что «из него могут выплутиться злые персонажи», он испытывает страх, беспокойство, озадаченность, неуверенность. Работа с помощью опосредования помогла участнику осознать страх собственной агрессии. Последующее обсуждение способствовало выявлению актуальных способов преодоления стресса, выработке более эффективных копинг-стратегий, обнаружению ресурсов.

В перспективе представляется возможным разработать комплексную программу по повышению жизнестойкости лиц, зависимых от психоактивных веществ, с использованием проективных техник.

Список литературы

1. Волков С. Р. Статистика здравоохранения : показатели деятельности специализированных служб и организаций здравоохранения и методика их расчета. Статистика наркологических диспансеров // Главная медицинская сестра : эл. журн. Ноябрь 2015. № 11. URL: <http://e.glmmedsestra.ru/article.aspx?aid=415374> (дата обращения: 31.07.2016).
2. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Применение и внедрение программ реабилитации и профилактики зависимого поведения как актуальная задача российской клинической психологии. // Медицинская психология в России : эл. науч. журн. 2012. № 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 03.08.2016).
3. Одинова М. А. Психология жизнестойкости. М., 2015. 402 с.
4. Одинова М. А. Стресспреодолевающее поведение старшеклассников с различным уровнем жизнестой-

- кости // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 191–198.
5. Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом. М., 2013. 222 с.
6. Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.
7. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции : психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 82–118.
8. Осин Е. Н., Рассказова Е. И. Краткая версия теста жизнестойкости : психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.

Образец для цитирования:

Леонова К. М. Копинг-стратегии лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ, с различным уровнем жизнестойкости // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 203–206. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-203-206.

Coping Strategies of People, Suffering from Drug and Alcohol Addiction, with Different Levels of Hardiness

K. M. Leonova

Rehab center «Navigator»

21-1, Novyy Arbat str., 119019, Moscow, Russia

E-mail: info@kleonova.ru

This article presents results of an empirical study intended to analyze coping strategies of people suffering from drug and alcohol addiction with different levels of hardiness. First theoretical approaches to hardiness and its components: commitment, control, challenge, have been analyzed. The study was conducted in a rehab center for people suffering from drug and (or) alcohol addiction. The study involved 37 people suffering from drug and (or) alcohol addiction – 27 men and 10 women aged 16 to 47 years old. All the people were in remission lasting from several days to several years. We have discovered: the higher the hardiness level of study participants, the less they used coping strategies – self-distraction, denial, behavioral disengagement, substance use; the more often used active coping. In that way we can conclude that the higher the hardiness level of study participants, the more effective coping strategies they involve. We also provided an example of a study of the coping strategies using projective technique «Man in the rain». Hardiness is a powerful resource to confront addiction as well as despair, uncertainty, and loss of meaning associated with it. The obtained results can be used can be used in the prevention of addiction and in psychological work with people suffering from drug and alcohol addiction.

Key words: hardiness, coping strategies, drug and alcohol addiction, art therapy.

References

1. Volkov S. R. Statistika zdavookhraneniia: pokazateli deyatelnosti spetsializirovannykh sluzhb i organizatsiy zdavookhraneniia i metodika ikh rascheta. Statistika narkologicheskikh dispanserov (Public health statistics: special services and medical organizations performance and calculation method. Narcological clinics statistics). *Glavnaya meditsinskaya sestra* (Nurse supervisor). November 2015, no. 11. Available at: <http://e.glmедsestra.ru/article.aspx?aid=415374> (accessed 31 July 2016) (in Russian).
2. Sirota N. A., Yaltonskii V. M. Primenenie i vnedrenie programm reabilitatsii i profilaktiki zavisimogo povedeniia kak aktualnaia zadacha rossiiskoi klinicheskoy psikhologii (Application and implementation of rehabilitation and prevention programs of addictive behavior as an important task of the Russian Clinical Psychology). *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* (Clinical Psychology in Russia: E-journal), 2012, no. 2. Available at: <http://medpsy.ru> (accessed 3 August 2016) (in Russian).
3. Odintsova M. A. *Psikhologiya zhiznesteikosti* (Hardiness Psychology). Moscow, 2015. 402 p. (in Russian).
4. Odintsova M. A. Stresspreodolevaiushchee povedenie starsheklassnikov s razlichnym urovnem zhiznesteikosti (Overcoming stress students with different levels of hardiness). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 2, pp. 191–198 (in Russian).
5. Nietzsche F. *Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert*. Stuttgart; Weimar, 2000. 130 S. (Russ. ed.: Nietzsche F. *Sumerki idolov, ili Kak filosofstvuyut molotom*. Moscow, 2013. 222 p.).
6. Maddi S. R. Smysloobrazovanie v protsesse prinyatiya resheniy (Creating Meaning Through Making Decisions). *Psikhol. zhurn.* (Psychological journal), 2005, vol. 26, no. 6, pp. 87–101 (in Russian).
7. Rasskazova E. I., Gordeeva T. O., Osin E. N. Koping-strategii v strukture deyatelnosti i samoregulatsii: psikhometricheskie kharakteristiki i vozmozhnosti primeneniia metodiki COPE (Coping strategies in activity structure and self-regulation: psychometric characteristics and possibility of using COPE test). *Psikhologiya. Zhurn. Vyssh. shk. ekonomiki* (Psychology. Journal of Higher School of Economics), 2013, vol. 10, no. 1, pp. 82–118 (in Russian).
8. Osin E. N., Rasskazova E. I. Kratkaya versiya testa zhiznesteikosti: psikhometricheskie kharakteristiki i primeneniye v organizatsionnom kontekste (Abridged version of Hardiness test: psychometric characteristics and use in organization context). *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 14. Psikhologiya* (Moscow University Psychology Bulletin. Ser. Psychology), 2013, no. 2, pp. 147–165 (in Russian).

Cite this article as:

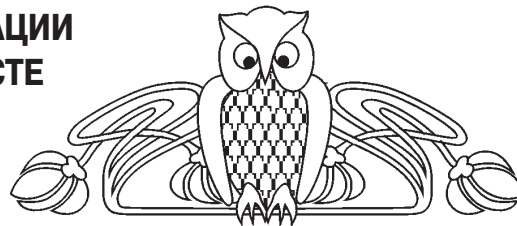
Leonova K. M. Coping Strategies of People, Suffering from Drug and Alcohol Addiction, with Different Levels of Hardiness. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 203–206. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-203-206.

УДК 316.61

СЕПАРАЦИОННЫЙ СТАТУС И СТАЖ КАК ФАКТОРЫ КОГНИТИВНОЙ ОЦЕНКИ СИТУАЦИИ СЕПАРАЦИИ С РОДИТЕЛЯМИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Потапова Юлия Викторовна – старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский университет. E-mail: kardova.jv@gmail.com

В статье приводится анализ когнитивного компонента ситуации сепарации студентов медицинского вуза с родителями в период их адаптации к самостоятельной жизни. Для исследования когнитивной оценки ситуации сепарации студентов от родителей используется специально подготовленный семантический дифференциал. Сравнительный анализ оценок ситуации сепарации студентами разных групп ($N = 687$), имеющих разный сепарационный статус (факт отдельного проживания от родительской семьи) и стаж (время отдельного проживания), показал отличия в когнитивной оценке ситуации сепарации, касающиеся стрессогенности, соревновательности и равенства позиций участников взаимодействия. При этом наибольшее равноправие в отношениях с другими людьми прогнозируют студенты старших курсов, живущие совместно с родителями. Большая стрессогенность ситуации у студентов младших курсов, обладающих постсепарационным статусом, а наибольшая соревновательность – у младших испытуемых, живущих в родительских семьях. Студенты старших курсов, длительное время живущие самостоятельно, весьма умеренны в оценках ситуации по всем исследуемым параметрам. Данные результаты иллюстрируют характерные особенности ситуации, которую можно воспринимать и как кризисное событие в жизни молодого человека, и как психологический ресурс для развития его личности.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, студенческий возраст, ситуация сепарации, когнитивная оценка.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-207-210

Развитие личности человека – сложный многоплановый процесс, зависящий от множества факторов. То, каким станет каждый из нас, определяют наследственность, среда, активность собственной личности. Обретение зрелости происходит от эгоцентризма к альтруизму, от зависимости к автономии, от изначальной «симбиотической» связи с матерью и родительской семьей в целом к отделенности, сепарации. Значение сепарации для формирования зрелости личности, возможности создавать свою семью, творить, освобождаться от созависимости и депривации психологического пространства признается в различных концепциях – психоаналитической (работы З. Фрейда, Э. Фромма, П. Блоса, М. Малера), теории привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт), системной семейной терапии (М. Боуэн, А. Я. Варга, К. Бейккер), в целом отечественной психологии

(Н. Е. Харламенкова, С. К. Нартова-Бочавер). Чаще всего сепарация рассматривается как длительный внутриличностный процесс, в котором человек постепенно формирует свою независимость от родителей. Одной из узловых точек в данном процессе следует признать ситуацию ухода из родительского дома, когда человек сталкивается с необходимостью адаптироваться к новым условиям, разрешать межпоколенные конфликты и противоречия [1], справляться с чувствами, для которых отделение от родителей становится триггером.

Подход к исследованию сепарации как ситуации в данный момент нов и актуален как с теоретической, так и с практической точек зрения. В целом понятие ситуации в современных исследованиях трактуется как совокупность объективно существующих параметров (например, пространственно-временных) в сочетании с их репрезентацией в сознании участников, отношением людей к тому, что происходит [2]. Отношение к какому-либо явлению, как правило, рассматривается как совокупность эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов [3]. Эмоции являются первым доступным объективной оценке явлением, отражающим внутренние процессы взаимодействия человека и ситуации [4], но они относительно просты, спонтанны, универсальны в своих проявлениях. Когнитивные дополняют внутреннюю репрезентацию ситуации, формируя мнение о ней, складывающееся из различного рода установок, имеющихся в сознании и характеризующих индивидуальность человека [5].

Поведение, как правило, зависит от первых двух компонентов, поэтому их изучение является особенно важным для понимания причин тех или иных внешне наблюдаемых реакций. Исследование когнитивного компонента ситуации сепарации позволяет сформировать более полное представление о том, как ее оценивают непосредственно задействованные в ней молодые люди. Потенциально воздействующие на когнитивную оценку ситуационные факторы – это сепарационный

статус (отдельное или совместное проживание с родительской семьей) и сепарационный стаж (время, прошедшее с момента отделения от родительской семьи), исследуя которые, можно понять, как опыт, приобретенный в сепарации, повлияет на оценку ситуации ухода из родительской семьи.

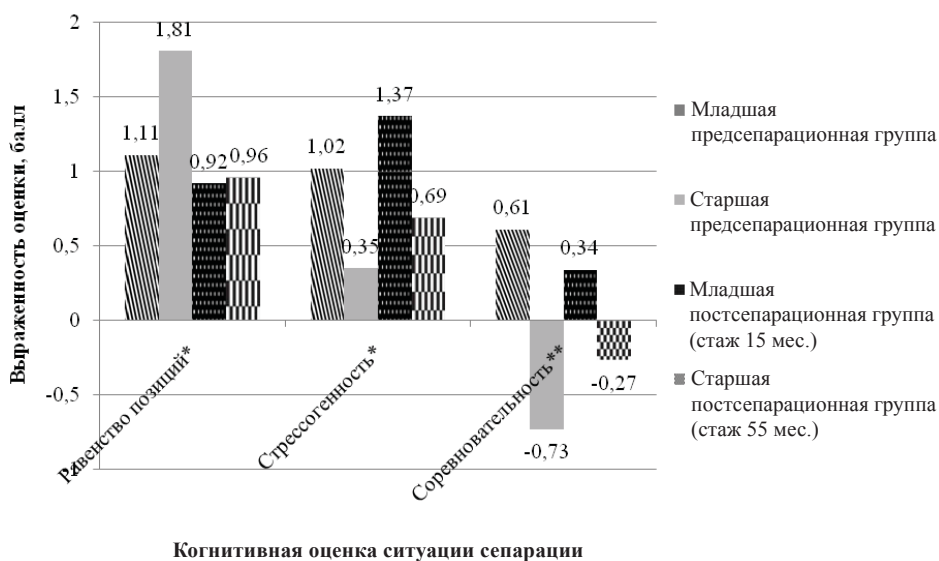
Объектом исследования является ситуация сепарации, предметом – когнитивный компонент данной ситуации. Целью является исследование когнитивного компонента ситуации сепарации у студентов с разным сепарационным статусом и стажем; задачи: изучение когнитивной оценки ситуации сепарации у студентов с разным сепарационным статусом и стажем, решение вопроса о влиянии сепарационного статуса и стажа на когнитивную оценку ситуации.

В исследовании приняли участие 687 русских студентов в возрасте от 18 до 25 лет, воспитанных в полных семьях, которые были поделены на 4 группы, условно названные как «младшая предсепарационная» (живущие с родителями, средний возраст 19,3 года), «младшая постсепарационная» (живут отдельно, стаж 15 мес., средний возраст 19,3 года), «старшая предсепарационная» (живут с родителями, средний возраст 21,8 лет), «старшая постсепарационная» (живут отдельно, стаж 55 мес., средний возраст 21,8 лет). Сравнение

произведено по двум направлениям: равных по возрасту групп с разным сепарационным статусом и разновозрастных групп с одинаковым сепарационным статусом. Для того, чтобы исключить вмешательство возрастного фактора и доказать гипотезу о непосредственном воздействии опыта сепарации на когнитивную оценку, производился дополнительно поиск корреляций изучаемых характеристик с возрастом испытуемых.

Метод исследования – анкетирование, в котором задавались вопросы о возрасте, ситуации сепарации и использовался семантический дифференциал (21 парная характеристика по типу «сложная – простая», «новая – известная») для оценки ситуации [6]. Математическая обработка данных велась с помощью однофакторного дисперсионного и корреляционного анализа.

Перейдем к обсуждению результатов. Рассмотрим диаграмму, в которой обозначено влияние сепарационного статуса и стажа на когнитивную оценку ситуации сепарации (рисунок). В график внесены только те характеристики, которые по итогам сравнения четырех исследовательских групп обладали значимыми различиями. Сразу же следует отметить, что корреляции с возрастом в области найденных параметров не было обнаружено.

Различия характеристик когнитивной оценки ситуации сепарации в группах с разным сепарационным статусом и стажем: уровень значимости влияния: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; максимальное значение шкалы выраженности когнитивных характеристик 3, минимальное – 3

Поскольку ситуация сепарации включает помимо молодого человека его родителей, характеристика «равенство позиций» может трактоваться в русле детско-родительских отношений. В целом молодые люди считают свою позицию

скорее равной родительской, поскольку значение характеристики во всех случаях является положительным, но не в полной мере, так как значения ближе к нулю, чем к максимуму. Самая высокая оценка равенства у старшей предсепарационной группы, вероятно, потому, что испытуемыми были

студенты медицинского вуза, которые значительную часть времени посвящают учебе: в таком ритме не каждый может найти время для поисков дополнительного заработка. Таким образом, те, кто ушел из родительского дома, сепарировался физически, но не финансово: они периодически получают от родителей материальную помощь, из-за которой, очевидно, не могут в полной мере считать себя равными в отношениях с родителями. Дополнительные вопросы, заданные нами, подтвердили эти догадки. Для них ситуация ухода не была следствием сознательного выбора, сделанного исходя из готовности к самостоятельной жизни, она провоцировалась обстоятельствами. Старшая предсепарационная группа имеет возможность выбора момента ухода, который состоится тогда, когда они будут психологически и финансово к этому готовы. Таким образом, «вынужденность» ухода влияет на оценку ситуации: отделившиеся молодые люди чувствуют, что многое изменилось в их жизни, они стали самостоятельнее, но в полной мере этот процесс еще не завершился. Это ставит проблему финансовой независимости в ранг одной из значимых в области определения критериев «сепарированности».

Стрессогенность ситуации оценивается выше у младших групп и наиболее выражена у студентов, недавно покинувших родительский дом. Увеличение сепарационного стажа влияет на оценку стрессогенности в постсепарационных группах: в старшей постсепарационной группе, около 4,5 лет живущей отдельно, отношение к ней как менее стрессогенной, чем в младшей, вероятно, благодаря адаптации к ситуации. Сепарационный статус влияет на оценку стрессогенности ситуации: младшая предсепарационная группа считает ситуацию менее сложной, чем младшая постсепарационная: та же закономерность наблюдается и у старших пред- и пост-сепарационных групп. С одной стороны, это можно рассматривать как позитивное явление: такой подход к оценке ситуации позволяет меньше опасаться отделения, особенно в старшем возрасте. С другой стороны, недооценка трудностей ситуации потенциально может обернуться для молодого человека «кризисом ожиданий», когда резко негативно не совпадают ожидания и реальность.

Наконец, соревновательность в ситуации сепарации может быть объяснена как стремление доказать кому-либо свою правоту, продемонстрировать окружающим свою успешность. Совершенно к этому не стремится старшая предсепарационная группа, у которой ситуация отделения не ассоциируется с конкуренцией. Практически оценивает ситуацию и старшая постсепарационная группа, а

вот младшие показывают определенный интерес к данной теме. Наиболее ярко это выражено в младшей предсепарационной группе: студенты, живущие с родителями, вероятно, думают о самостоятельности как о возможности организовать жизнь по своему вкусу, так, как это им кажется правильным, и доказать свою правоту. Однако результаты младшей постсепарационной группы показывают значительное снижение интереса к вопросам конкуренции с кем-либо. Видимо, этот результат можно рассматривать как свидетельство того, что сепарация как факт разрешает для молодого человека конфликты, имплицитно содержащиеся в отношениях с родителями, сиблингами. Получается, сепарировавшийся юноша проще и спокойнее воспринимает некогда принципиальные и острые вопросы в отношениях с окружающими, как бы глядя на них с высоты приобретенного опыта, и это можно считать позитивным исходом ситуации сепарации.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что сепарация оценивается различным образом в зависимости от сепарационного статуса и стажа испытуемых. Полученные результаты позволяют оценить сепарацию и как кризисное (кризис ожиданий, противоречия физической и финансовой сепарации), и как ресурсное явление (пересмотр важнейших отношений, снижение напряжения в оценке действий близких людей). Таким образом, ситуация сепарации является ценным опытом, который в молодом возрасте открывает людям важные вопросы перестройки отношений, взятия на себя ответственности, обучения адаптации к зачастую весьма жестким требованиям окружающего мира.

Список литературы

1. Крюкова Т. Л., Сапорова М. В. Стрессы семейных отношений : тенденции и эффекты совладания // Социальная и экономическая психология. 2016. № 1. С. 174–195.
2. Трифонова С. А. Психология социальных ситуаций : учеб. пособие. Ярославль, 2004. 91 с.
3. Мясичев В. Н. Личность и неврозы / под ред. А. А. Бодалева. М., 2003. 100 с.
4. Прохоров А. О., Артищева Л. В. Образ психического состояния : динамические и структурные характеристики // Экспериментальная психология. 2012. Т. 2, № 2. С. 63–73.
5. Аронсон Э. Общественное животное. СПб., 2006. 416 с.
6. Маленова А. Ю. Экзамен как модель формирования копинг-поведения личности в ситуациях оценивания // Социальная психология в образовании : проблемы и перспективы : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2007. С. 239–243.

Образец для цитирования:

Потапова Ю. В. Сепарационный статус и стаж как факторы когнитивной оценки ситуации сепарации с родителями в студенческом возрасте // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 207–210. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-207-210.

Separation Status and Experience as Factors of Cognitive Assessment of Separation Situation with Parents in the Student Age

Yu. V. Potapova

Omsk State Medical University
12, Lenina str., Omsk, 644043, Russia
E-mail: kardova.jv@gmail.com

This article presents the analysis of cognitive component of separation situation from parents by the medical students. The special semantic differential was used to assess the situation of separation by the parental family. The comparative analysis of the cognitive assessments by different separation status (this is a fact of separate inhabitancy) and separation standing (this is a time of separate inhabitancy) groups of students ($N = 687$) showed differences in such features like stressful, competitive spirit and equality of participants' positions. The comparison was made between the four groups: younger with preseparational status (19,3 year old), elder with preseparational status (21,8 year old), younger postseparational status (15-month separation standing), elder postseparational status (15-month separation standing). The greatest equality in relationships with other people was predicted by the elder students who live with their parents. Younger students who have a postseparational status evaluated the situation of separation like a more stressful situation. Younger students who live with their parents predicted the stronger competitive spirit than other groups. Elder students, who live on their own for a long time, were more moderate in assessments of the situation. The results showing characteristics of separation situation, which can be treated as a crisis event in adolescent life and as a psychological resource.

Keywords: parent-child relationship, age of the student, situation of separation, cognitive assessment.

References

1. Kryukova T. L., Saporovskaya M. V. Stressy semeynykh otnošenii: tendentsii i efekty sovladaniya (The family relationships stresses: trends and effects of coping). *Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya* (Social and economics psychology), 2016, no. 1, pp. 174–195 (in Russian).
2. Trifonova S. A. *Psikhologiya sotsialnykh situatsii: ucheb. posobie* (Psychology of social situations: tutorial). Yaroslavl', 2004. 91 p. (in Russian).
3. Myasishchev V. N. *Lichnost i nevrozy* (Personality and neuroses). Ed. by A. A. Bodalev. Moscow, 2003. 100 p. (in Russian).
4. Prokhorov A. O., Artishcheva L. V. *Obraz psikhicheskogo sostoyaniya: dinamicheskie i strukturnye kharakteristiki* (The image of mental state: dynamical and structural characteristics). *Ekspierimentalnaya psikhologiya* (Experimental psychology), 2012, vol. 2, no. 2, pp. 63–73 (in Russian).
5. Aronson E. *Obshchestvennoe zhivotnoe* (Social animal). St. Petersburg, 2006. 416 p. (in Russian).
6. Malenova A. Yu. *Ekzamen kak model formirovaniya koping-povedeniya lichnosti v situatsiyakh otsenivaniya* (Exam as a model of personal coping behavior formation in assessment situation). *Sotsialnaya psikhologiya v obrazovanii: problemy i perspektivy: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Social psychology in the education: problems and prospects: Collection of materials of the International scientific and practical conference). Saratov, 2007, pp. 239–243 (in Russian).

Cite this article as:

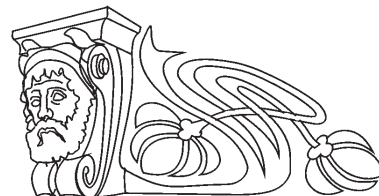
Potapova Yu. V. Separation Status and Experience as Factors of Cognitive Assessment of Separation Situation with Parents in the Student Age. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 207–210. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-207-210.

УДК 159.9.072.422

ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ ОПРОСНИК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ: ДИАГНОСТИКА ИЗМЕНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА ТРУДА ПО КОНТИНУУМУ: УВЛЕЧЕННОСТЬ РАБОТОЙ – ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ

Смирнова Анна Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Anna-smirnova-sgu@mail.ru

В статье обсуждается проблема соотношения феноменов профессионального (психического) выгорания субъекта труда и увлеченности работой, анализируются положительные и отрицательные стороны диагностики профессионального (психического) выгорания и увлеченности как биполярных и независимых конструктов, приводятся результаты валидизации русскоязычной версии Ольденбургского опросника профессионального выгорания Е. Демерути с коллегами (The Oldenburg Burnout Inventory, Demerouti E. et. al. 1998, 2005, 2007, 2010) в переводе и адаптации А. Смирновой. Дается краткая версия Ольденбургского опросника, разработанного для русскоязычной выборки А. Смирновой, при этом на основании данных подтверждающего факторного анализа обосновывается, что краткая версия опросника в большей степени, чем его полная версия, позволяет выполнить экспресс-диагностику изменения психического состояния субъекта труда по континууму: увлеченность работой – профессиональное выгорание, так как демонстрирует более высокие, чем полная версия, корреляционные связи с увлеченностью, диагностируемой по Утрехтской методике диагностики увлеченности персонала работой А. Беккера и В. Шауфели (UWES, Schaufeli, & Bakker, 2003). Эмпирический базис исследования составили инженерно-технические работники промышленного предприятия: 392 работника, средний стаж работы 7,4 года, средний возраст 44,3 года, мужчин 312, женщин 80.

Ключевые слова: профессиональное (психическое) выгорание, увлеченность персонала работой, Ольденбургский опросник профессионального выгорания, валидность, субъективная незащищенность в сфере труда.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-211-218

Профессиональное (психическое) выгорание субъекта труда – тема, пришедшая в научную организационную психологию из психиатрии в 1970-х г., начало ее изучения связывают с именем американского психиатра Х. Френденбергера [1, с. 282]. Однако до настоящего времени она не утратила своей актуальности и привлекает к себе большое число современных исследователей, анализирующих как психологическое содержание феномена, его возможную соотнесенность с другими, анализируемыми в организационной психологии, в частности, увлеченностью персоналом работой и детерминантами выгорания в связи с появлением новых факторов организационной среды, оказывающих значительное воздействие на

эмоциональное состояние работника и продуктивность трудовой деятельности, таких как угроза потери работы или важных аспектов работы, эмоциональное отношение работников к этим угрозам (субъективная незащищенность в сфере труда) [2]. Также по-прежнему актуальны исследования, посвященные поиску ресурсов преодоления профессионального (психического) выгорания [3]. Имеющийся теоретический базис исследования феномена профессионального (психического) выгорания характеризуется дискуссионностью, наличием часто контрастирующих друг с другом точек зрения [1, 3–6], что делает представленную в статье попытку теоретической систематизации имеющихся, часто противоположных, точек зрения актуальной. Практическую ценность изложенного материала обуславливает выполненная валидизация Ольденбургского опросника профессионального выгорания (The Oldenburg Burnout Inventory – OLBИ [4, 7, 8]) в переводе и адаптации А. Смирновой, дается краткая версия Ольденбургского опросника, разработанного для русскоязычной выборки А. Смирновой. Ольденбургский опросник профессионального (психического) выгорания разработан Е. Демерути в 1998 г. изначально на немецком языке [7], позже его же с коллегами переведен на английский язык, неоднократно валидизирован с применением актуальных методов математико-статистического анализа эмпирических данных (Demerouti E. et. al. 1998, 2005, 2007, 2010), в том числе для англоязычной выборки [8].

Обзор иностранной и отечественной литературы. Первоначальный двухкомпонентный подход к профессиональному (психическому) выгоранию предполагал наличие таких его проявлений, как состояние изнеможения и ощущение собственной бесполезности [1]. В настоящее время, как правило, выделяются три компонента профессионального (психического) выгорания: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений [5]. И, как отмечают отечественные и зарубежные авторы [1, 7], операционализация, предложенная К. Маслач,

является сейчас самой распространенной. В качестве детерминант выгорания рассматриваются ролевой конфликт, пресс времени, несоответствие требований деятельности и ресурсов субъекта труда и т. д., в качестве последствий – намерение покинуть работу, абсентеизм, снижение производительности, изменение установок к труду и организации и т. д. [3, 9]. Согласно модели профессионального выгорания, разработанной Е. Демерути с коллегами, выгорание является результатом сложного баланса требований и ресурсов рабочей среды [7, 9], ответной реакцией на длительные профессиональные стрессы, выраженной в ощущении эмоционального перенапряжения и чувстве опустошенности, истощенности собственных эмоциональных ресурсов [7, 9].

Следует отметить, что эмоциональное истощение, являющееся компонентом профессионального (психического) выгорания (К. Маслач, Е. Демерути с коллегами), вызванное факторами-стрессорами рабочей среды (темпом работы, ролевым конфликтом и т. д.), анализируется и в работах, напрямую не изучающих профессиональное выгорание, а посвященных смежным феноменам – стрессу на рабочем месте, психосоматическими реакциями на особенности рабочей среды, тревожности. Свойственным работникам современных динамично меняющихся предприятий переживание субъективной незащищенности в сфере труда, вызванное действием особого фактора стрессора – угрозы потери работы (количественный аспект) или важных ее характеристик (качественный аспект), также служит дополнительным фактором профессионального выгорания персонала, работающего в нестабильной экономической ситуации [2, 10–13], что делает исследования феномена профессионального выгорания еще более актуальным.

Как отмечают сами авторы Ольденбургского опросника профессионального выгорания (OLBI), несмотря на существенные отличия в концептуализации психологического содержания основных компонентов профессионального выгорания эмоциональное истощение (exhaustion) в опроснике К. Маслач (MBI-GS) и OLBI высоко коррелируют друг с другом, так же как и цинизм (MBI-GS) и отстраненность (OLBI) [9, с. 500], т.е. измеряют некие, во многом сходные по содержанию свойства работника. Достоинством Ольденбургского опросника является его универсальность [9, с. 502], возможность применения для различных профессиональных групп, а не только профессий типа «человек–человек».

Ольденбургский опросник профессионального выгорания сотрудников разработан как биполярная шкала, предназначенная для диагностики профессионального выгорания персонала

и одновременно увлеченности персонала работой как обратного состояния. Опросник включает две шкалы – «Отстраненность» (disengagement from work) и «Истощенность» (exhaustion), которые содержат прямые и реверсивные утверждения, что делает его более надежным, как отмечают авторы, в сравнении с опросником К. Маслач. Он позволяет судить и о выраженности параметров, располагающихся на противоположной стороне континуума – «Идентификации» (identification) и «Энергичности» (vigor) соответственно, характеризующих увлеченность персонала работой.

Истощение, характерное для выгорания, понимается как интенсивно выраженное физическое, эмоциональное и когнитивное истощение, в основе которого лежит длительное несоответствие возможностей работника и требований работы. Энергичность, рассматриваемая как состояние, противоположное истощению, понимается как характеризующееся наличием внутренней энергии, эмоциональной устойчивостью, высокой скоростью когнитивных процессов и физической энергией. Эмоциональная отстраненность понимается как эмоциональное дистанцирование от работы в целом, результатов и процесса работы, характеризуется утратой идентификации работника с организацией, а также нежеланием продолжать работу в данной должности. Идентификация, включенность, напротив, понимается как личная заинтересованность в положительной оценке результата и процесса труда, идентификация себя с организацией и удовлетворенность от работы в конкретной должности. Увлеченность персонала работой понимается авторами как состояние, противоположное профессиональному выгоранию и характеризующееся энергичностью и идентификацией, включенностью в дела организации. Следует отметить, что, несмотря на указанные преимущества биполярного подхода к диагностике увлеченности/выгорания, ряд исследователей критикуют его и обосновывают необходимость измерения каждого при помощи отдельной методики [14, р. 4]. В. Шауфели и М. Саланова, сопоставляя феномены профессионального (психического) выгорания и увлеченности работой, проводят две «магистральных» движения эмоционального состояния субъекта труда: «энергия» (Energy), в рамках которой возможно движение энергичность–истощение и «идентификация» (Identification), в рамках которой возможно движение энтузиазм–цинизм [6]. Таким образом, авторы выделяют наряду с общим содержанием и различия в анализируемых феноменах.

В качестве последствий профессионального выгорания выделяется широкий спектр поведенческих реакций (снижение работоспособности, уход из организации и т. д.), изменения

установок к труду и самоотношения. Наиболее широко последствия феномена и его динамика понимаются авторами как «нарушение оптимального функционирования личности в системе “субъект – профессия – организация – общество”» [3, с. 4]. Общественная значимость феномена делает необходимым дополнительное изучение феномена профессионального выгорания в контексте изменений, происходящих в организации и обществе. **Целью данной статьи** является валидизация Ольденбургского опросника профессионального (психического) выгорания. Для перевода представленной в 2010 г. англоязычной версии опросника Е. Демерути, К. Мостерт и А. Беккером (E. Demerouti, K. Mostert, A. Bakker) англоязычной версии OLBI применялась техника прямого и обратного перевода, работа кросс-культурных экспертов.

Теоретико-методологический базой исследования стали в большей или меньшей мере обсужденные выше работы по профессиональному выгоранию авторов: Х. Френденбергера (H. J. Freudenberger), Б. Перлмана (B. Perlman) и Е. Хартмана (E. Hartman), Е. Демерути (E. Demerouti), К. Мостерт (K. Mostert), А. Беккера (A. Bakker), С. Джексон (S. Jackson), К. Маслач (C. Maslach), В. Шайфели (W. B. Schaufeli), А. Пайнса (A. M. Pines), А. Широма (A. Shirom), Т. И. Ронгинской, В. Е. Орел, Н. Е. Водопьянова), увлеченности персонала работой: В. Шауфели (W. B. Schaufeli), А. Беккер (A. V. Bekker), Е. Демерути (E. Demerouti), К. Мостерт (K. Mostert), М. Салановой (M. Salanova) в части исследования субъ-

ективной незащищенности в сфере труда работы качественно-количественных подходов Л. Гринхалф (L. Greenhalgh), Д. Хеллгрена (J. Hellgren), К. Люис-Грина (C. Louis-Guerin), З. Розенблатта (Z. Rosenblatt), Е. Роскиса (E. Roskies), М. Сверке (M. Sverke), А. Смирновой и процессного Г. Хуанг (G.-H. Huang), Х. Ню (X. Niu), С. Ли (C. Lee), С. Ашфорд (S. Ashford).

Эмпирические результаты валидизации Ольденбургского опросника профессионального выгорания (OLBI). Эмпирический базис валидизации составили инженерно-технические работники промышленного предприятия: 392 работника, средний стаж работы 7,4 года, средний возраст 44,3 года, мужчин 312, женщин 80. Эмпирические результаты, полученные при помощи этой методики, были подвергнуты многократному конфирматорному (КФА) и эксплораторному (ЭФА) факторным анализам, многократной проверке конвергентной и дискриминантной валидности как в полной, так и в различных вариантах сокращенной версии опросника с целью поиска оптимальной структуры его русскоязычной версии. Для преодоления искажения результатов КФА и ЭФА особенностью формулирования утверждений методики все реверсивные утверждения пересчитывались до математико-статистического анализа. Полученные эмпирические результаты сопоставлялись с результатами валидизации оригинала. Рассмотрим краткие результаты выполненного математико-статистического анализа (табл. 1).

Таблица 1

Основные критерии согласия анализируемых апостериорных моделей КФА для Ольденбургского опросника профессионального (психического) выгорания в полной и сокращенной версиях

Наименование параметра	1	2	3	4	5	6	7
$\chi^2 = \dots$ (....df)	1140,737 (104)	864,015 (90)	837,337 (85)	121,382 (13)	122,085 (14)	1663,90 (206)	112,7 (103)
$\chi^2/df = \dots$ (p<.)	10,969 (0,001)	9,600 (0,001)	9,851 (0,001)	9,337 (0,001)	8,72 (0,001)	– (0,001)	–
CFI	0,610	0,709	0,702	0,868	0,868	0,86	0,95
GFI (ACFI)	0,746 (0,667)	0,804 (0,704)	0,803 (0,722)	0,911 (0,808)	0,911 (0,821)	0,88 –	0,97 –
RMSEA (HI 90 =)	0,160 (0,168)	0,148 (0,157)	0,150 (0,160)	0,146 (0,170)	0,141 (0,164)	0,07 –	0,03 (0,06)
NFI	0,590	0,689	0,681	0,855	0,854	0,84	–
NNFI	–	–	–	–	–	–	0,96
AIC	1204,737	956,015	907,337	151,382	150,085	–	–110,4
BIC	1331,817	1138,693	1046,332	152,008	150,670	–	–0,331,4
TLI	0,550	0,612	0,631	0,786	0,802	–	–
IFI	0,613	0,712	0,704	0,869	0,869	0,86	–

Примечание. 1 – русскоязычная версия, однофакторная модель; 2 – русскоязычная версия, двухфакторная модель; 3 – русскоязычная версия, двухфакторная модель без 13-го утверждения; 4 – русскоязычная версия, двухфакторная модель сокращенная; 5 – русскоязычная версия, однофакторная модель сокращенная; 6 – результаты валидизации Е. Демерути, А. Беккера, 2005; 7 – результаты валидизации англоязычной версии Е. Демерути с коллегами, 2005.

Численные значения критериев согласия моделей (см. табл. 1), согласно А. Наследову, Д. Харрингтон, позволяют считать, что результаты КФА [15, 16] подтверждают двухфакторную структуру методики; предложенная нами русскоязычная версия методики применима как в полной, так и в сокращенной версиях.

Инструкция к опроснику содержит следующие утверждения: «Перед Вами несколько

утверждений, с которыми Вы можете согласиться или не согласиться. Используя данную шкалу, пожалуйста, укажите степень, в которой Вы согласны с каждым из утверждений: 1. Совершенно согласен; 2. Согласен; 3. Не согласен; 4. Совершенно не согласен». Утверждения методики представлены (табл. 2, полная версия методики, и табл. 3, сокращенная версия методики).

Таблица 2

Удельный вес переменных в факторе для двухфакторной полной русскоязычной позитивно переформулированной модели КФА OLB1

Утверждение методики	Фактор	Полная версия методики			
		Удельный вес (Estimate)	Порядковый номер утверждения в методике	Значение	Стандартное отклонение
Моя работа все больше и больше меня увлекает	Отстраненность (F1)	0,633	15	1,92	0,595
Только такую работу я и могу для себя представить	Отстраненность (F1)	0,067*	13	2,33	0,683
Иногда я чувствую отвращение к моей работе	Отстраненность (F1)	0,623	11	1,65	0,556
Со временем работа, подобная моей, может привести к отчужденности	Отстраненность (F1)	0,457	9	1,73	0,723
Я считаю свою работу сложной, но интересной	Отстраненность (F1)	0,458	7	1,67	0,550
В последнее время я меньше думаю о своей работе и выполняю ее механически	Отстраненность (F1)	0,313	6	1,84	0,510
Я все чаще говорю о своей работе в негативном ключе	Отстраненность (F1)	0,522	3	1,59	0,532
Я всегда нахожу новые и интересные аспекты в своей работе	Отстраненность (F1)	0,470	1	1,84	0,584
Во время работы я, как правило, чувствую себя энергичным	Истощенность (F2)	0,833	16	1,82	0,437
Как правило, я очень хорошо справляюсь с объемом своей работы	Истощенность (F2)	0,702	14	1,73	0,442
После работы я, как правило, чувствую себя изможденным и утомленным	Истощенность (F2)	0,557	12	1,88	0,521
После работы у меня остается достаточно энергии для досуга	Истощенность (F2)	0,540	10	1,90	0,463
На протяжении рабочего дня я часто чувствую эмоциональное истощение	Истощенность (F2)	0,619	8	1,88	0,521
Я очень хорошо справляюсь с давлением, которое оказывает на меня моя работа	Истощенность (F2)	0,648	5	1,90	0,463
После работы мне требуется больше, чем раньше, времени, чтобы отдохнуть и «прийти в себя»	Истощенность (F2)	0,503	4	1,92	0,634
Бывает, я чувствую себя усталым еще до того, как приеду на работу	Истощенность (F2)	0,711	2	1,98	0,655

Примечание. $p = 0,001$ для всех анализируемых переменных, за исключением переменной 13, для которой $*p = 0,209$.

Таблица 3

Удельный вес переменных в факторе для двухфакторной сокращенной русскоязычной позитивно переформулированной модели КФА OLBI

Утверждение методики	Название фактора	Сокращенная версия методики			
		Удельный вес (Estimate)	Порядковый номер утверждения в методике	Значение	Стандартное отклонение
Моя работа все больше и больше меня увлекает	Отстраненность (F1)				
Иногда я чувствую отвращение к своей работе	Отстраненность (F1)	0,596	6	1,92	0,341
Я считаю свою работу сложной, но интересной	Отстраненность (F1)	0,558	4	1,65	0,556
Я всегда нахожу новые и интересные аспекты в своей работе	Отстраненность (F1)	0,478	1	1,84	0,584
Во время работы я, как правило, чувствую себя энергичным	Истощенность (F2)	0,770	7	1,82	0,437
Я очень хорошо справляюсь с давлением, которое оказывает на меня работа	Истощенность (F2)	0,541	3	1,90	0,463
Бывает, я чувствую себя усталым еще до того, как приеду на работу	Истощенность (F2)	0,762	2	1,98	0,655

Шкала «Отстраненность (Disengagement) – Идентификация (Engagement)» суммирует вопросы № 1, 3(R), 6(R), 7, 9(R), 11(R), 13, 15; значения варьируются от 8 до 32, среднее значение по шкале составило 14,57, дисперсия 6,056, стандартное отклонение 2,461. Шкала «Истощенность (Exhaustion) – Энергичность (Vigor)» суммирует вопросы № 2(R), 4(R), 5, 8(R), 10, 12(R), 14, 16, значения варьируются от 8 до 32, среднее значение по шкале составило 15,00, дисперсия 8,225, стандартное отклонение 2,868, где (R) – реверсивные вопросы (4 = 1, 3 = 2, 2 = 3, 1 = 4); **** – $p = 0,001$ для всех анализируемых переменных. Шкала «Отстраненность – Идентификация» суммирует вопросы № 1 (1), 7 (4), 11(5, R), 15 (6); значения варьируются от 4 до 16, среднее значение 7,08, дисперсия 2,080, стандартное отклонение 1,442; Шкала «Истощенность – Энергичность» суммирует вопросы № 2 (2,R), 5 (3), 16 (7), значения варьируются от 3 до 12, среднее значение 5,69, дисперсия 1,604, стандартное отклонение 1,267, где (R) – реверсивные вопросы.

Надежность – согласованность русскоязычной сокращенной версии методики оценивалась посредством расчета альфы Кронбаха (при этом учитывалось, что показатель более 0,7 свидетельствует о высокой надежности), для шкалы «Отстраненность» альфа Кронбаха = 0,652, альфа Кронбаха, основанная на стандартизованных пунктах, равна 0,693. Для шкалы «Истощенность» альфа Кронбаха – 0,838, альфа Кронбаха, основанная на стандартизованных пунктах, – 0,846 в полной версии методики, что свидетельствует о

достаточно высокой надежности шкал методики, при этом шкала «Истощенность» характеризуется большей надежностью, исключение утверждения 13 из шкалы делает в целом ее более надежной: альфа Кронбаха – 0,678, альфа Кронбаха, основанная на стандартизованных пунктах, – 0,707. При этом нами разработана более короткая версия опросника с лучшими показателями математической статистики, исключая и ряд других утверждений (см. табл. 3). Таким образом, применение полной русскоязычной версии опросника мы считаем оправданным без изменений для выполнения кросс-культурных исследований. В сокращенной версии опросника для шкалы «Отстраненность» альфа Кронбаха – 0,648, альфа Кронбаха, основанная на стандартизованных пунктах – 0,673; для шкалы «Истощенность» альфа Кронбаха – 0,719, альфа Кронбаха, основанная на стандартизованных пунктах, – 0,742, т.е. несмотря на существенное уменьшение числа утверждений методики она остается достаточно надежной.

Конвергентная и дискриминантная валидности методики оценивались на основании корреляционного анализа (табл. 4).

Корреляции сокращенной и полной версий методики как с Утрехтской шкалой увлеченности работой, так и между собой достаточно высоки, что свидетельствует о валидности методики, при этом следует отметить, что предложенная нами сокращенная версия Ольденбургского опросника демонстрирует более тесные корреляционные связи с увлеченностью работой, измеряемой по

Таблица 4

Оценка конвергентной и дискриминантной валидности методики OLBI

Параметр	Отстраненность (сокращенная версия)	Истощенность (сокращенная версия)	Результаты в целом по опроснику (сокращенная версия)	Результаты в целом по опроснику (полная версия) OLBI	Отстраненность (полная версия) OLBI	Истощенность (полная версия) OLBI
Отстраненность (сокращенная версия)	1	0,641	0,902	0,821	0,880	0,633
Истощенность (сокращенная версия)	0,641*	1	0,879	0,832	0,630	0,867
Результаты в целом по опроснику (сокращенная версия)	0,902	0,879	1	0,908	0,871	0,789
Увлеченность, общее (UWES)	-0,565	-0,455	-0,560	-0,512	-0,534	-0,408
Энергичность (UWES)	-0,474	-0,385	-0,459	-0,444	-0,438	-0,375
Энтузиазм (UWES)	-0,516	-0,433	-0,532	-0,465	-0,524	-0,337
Поглощенность (UWES)	-0,533	-0,417	-0,526	-0,472	-0,493	-0,375
Результаты в целом по опроснику (полная версия, OLBI)	0,821	0,832	0,908	1	0,895	0,924
Истощенность (полная версия, OLBI)	0,633	0,867	0,789	0,924	0,655	1
Отстраненность (полная версия, OLBI)	0,880	0,630	0,871	0,895	1	0,655

Примечание. * – двусторонняя корреляция для всех указанных в таблице показателей значима на уровне 0,01.

методике А. Беккера и В. Шауфели, что свидетельствует о большей валидности для измерения увлеченности на русскоязычной выборке, чем валидность полной версии опросника (см. табл. 4).

В заключение следует отметить, что выполненный нами конфирматорный факторный анализ подтверждает двухфакторную структуру методики. Согласно приведенным данным математико-статистического анализа (табл. 4), лучшими характеристиками отличается русскоязычная сокращенная версия. В совокупности с большей экономией времени при применении сокращенной версии опросника полученные эмпирические данные подтверждают возможность и рациональность диагностики изменения психического состояния субъекта труда по континууму «увлеченность работой – профессиональное выгорание» при помощи предложенной нами в данной статье сокращенной русскоязычной версии OLBI. При этом для практических целей наиболее рационально применение именно сокращенной версии (в связи с ее лучшими показателями согласия модели), для целей кросс-культурного сравнения – предлагаемой нами полной версии, так как по результатам ЭФА, КФА, корреляционного анализа, анализа надежности ее также можно считать надежной и валидной.

Список литературы

1. Психология менеджмента : учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2004. 639 с.
2. Смирнова А. Ю. Субъективная незащищенность в сфере труда в проблемном поле организационной психологии : перевод, операционализация, методологические рамки исследования феномена // Организационная психология : люди и риски : сб. материалов V российско-американской науч.-практ. конф. (29–30 мая 2014 г.) / под ред. Л. Н. Аксеновской, Е. В. Рязуновой. Саратов, 2015. С. 217–224.
3. Водопьянова Н. Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектных» профессий) : автореф. дис. ... канд. ... психол. наук. СПб., 2014. 49 с.
4. Demerouti E., Bakker A. B. Measurement of burnout and engagement. The Oldenburg Burnout Inventory : a good alternative to measure burnout (and Engagement). Utrecht-Rotterdam, 2007. 25 p.
5. Maslach C., Jackson S. E. The measurement of experienced burnout // J. of Occupational Behaviour. 1981. Vol. 2. P. 99–113.
6. Schafeli W., Salanova M. An Emerging psychological concept and its implications for organizations // Managing social and ethical issues in organizations. Eds. S. W. Gilliland, D. D. Steiner, D. P. Skarlicki. Charlotte, 2007. P. 135–177.

7. Demerouti E., Mostert K., Bakker A. Burnout and work engagement : a thorough investigation of the independency of both constructs // J. of Occupational Health Psychology. 2010. Vol. 15 (3). P. 209–222.
8. Halbesleben J. R. B., Demerouti E. The construct validity of an alternative measure of burnout : Investigating the English translation of the Oldenburg Burnout Inventory // Work & Stress : An International Journal of Work, Health & Organisations. 2005. № 19 (3). P. 208–220.
9. Demerouti E., Nachreiner F., Bakker A.B., Schaufeli W. B. The job demands-resources model of burnout // J. of Applied Psychology. 2001. Vol. 86, № 3. P. 499–512.
10. Смирнова А. Ю. Управление увлеченностью персонала работой в процессе организационных изменений // APRIORI. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4. URL: <http://apriori-journal.ru/journal-gumanitarnie-nauki/last-number> (дата обращения: 20.10.2015).
11. Buitendach J. H., Bosman J., Rothmann S. Job insecurity, burnout and work engagement: the impact of positive and negative affectivity // South African Journal of Industrial Psychology. 2005. Vol. 31, № 4. P. 48–56.
12. Çetin C., Turan N. The relationship between qualitative job insecurity and burnout // European Journal of Research on Education. Special iss. Human Resource Management. 2013. P. 21–28.
13. Tilakdharee N., Ramidial S., Parumasur S.B. The relationship between job insecurity and burnout // South African Journal of Economic and Management Sciences. 2010. Vol. 13 (3). P. 254–271.
14. Schaufeli W., Bakker A. The Utrecht work engagement scale preliminary manual (Version 1, November 2003). Utrecht, 2003. 58 с.
15. Наследов А. Н. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS : профессиональный статистический анализ данных. СПб., 2013. 416 с.
16. Harrington D. Confirmatory factor analysis. Oxford, 2009. 122 с.

Образец для цитирования:

Смирнова А. Ю. Ольденбургский опросник профессионального выгорания: диагностика изменения психического состояния субъекта труда по континууму: увлеченность работой – профессиональное выгорание // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 211–218. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-211-218.

The Oldenburg Burnout Inventory: Diagnostics of State of Mind's Change of the Employ on a Continuum: Work Engagement – Professional Burnout

A. Y. Smirnova

Saratov State University
83, Astrakhanskay str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: Anna-smirnova-sgu@mail.ru

The article briefly review the literature on burnout and work engagement (as opposite phenomenon). The advances and psychometric limitations of bipolar approach and independent approach to burnout and work engagement are analyzed. The purpose of this paper is to develop evidence for the validity and reliability of an Russian-language translation of the Oldenburg Burnout Inventory (Demerouti E. et. al., 1998, 2005, 2007, 2010, version in Russian language A. Smirnova, 2015). The short version of the Oldenburg Burnout Inventory developed for Russian-speaking sample of A. Smirnova is given. Using data from 392 employees (generalized sample of working adults average tenure 7,4 years, average age 44,3, male 312, female 80), our confirmatory factor analyses suggested that the OLBI are valid and reliable. The short version of the Oldenburg Burnout Inventory are valid and reliable too and may be a good alternative to the full version. It demonstrates acceptable reliability (internal consistency) as well as factorial, convergent, and discriminant validity. Our findings suggest that the short version of OLBI offers researchers an alternative measure of burnout and work engagement, as shows higher, than the full version correlation with the work engagement measured with UWES (Schaufeli, & Bakker, 2003).

Key words: burnout, work engagement, Oldenburg Burnout Inventory, validity, job insecurity.

References

1. *Psikhologiya menedzhmenta: uchebnik dlya vuzov*. Pod red. G. S. Nikiforova. 2-e izd., dop. i pererab (Psychology of management: Textbook for high school. 2d ed. Ed. by G. S. Nikiforov). St. Petersburg, 2004. 639 p. (in Russian).
2. Smirnova A. Yu. Subektivnaya nezashchishchennost v sfere truda v problemnom pole organizacionnoy psikhologii: perevod, operatsionalizatsiya, metodologicheskie ramki issledovaniya fenomena (Job insecurity in organizational psychology: translation, operationalization, methodological framework for the study of the phenomenon). *Organizatsionnaya psikhologiya: ludi i riski: sb. materialov VI mezhdunar.nauch.-prakt. konf.* (Saratov, 17 dekabrya 2015 g.) (Organizational psychology: people and risks. The abstracts of VI International conference of psychology {December, 17, 2015}). Ed. by L. N. Aksenovskaya, E. V. Ryaguzova. Saratov, 2016, pp. 55–63 (in Russian).
3. Vodopyanova N. E. *Resursnoe obespechenie protivodeistviya professionalnomu vygoraniyu subektov truda (na primere spetsialistov subekt-subektnykh professiy: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk)* (Resourcing counteract of burnout of the employee {on the of human – related professionals sample}: autoref. diss. ... cand. of psychology). St. Petersburg, 2014. 49 p. (in Russian).
4. Demerouti E., Bakker A. B. *Measurement of burnout and engagement. The Oldenburg burnout inventory: a good alternative to measure burnout (and engagement)*. Utrecht; Rotterdam, 2007. 25 p.

5. Maslach C., Jackson S. E. The measurement of experienced burnout. *Journal of Occupational Behaviour*, 1981, vol. 2, pp. 99–113.
6. Schaufeli W., Salanova M. An emerging psychological concept and its implications for organizations. *Managing social and ethical issues in organizations*. Eds. S. W. Gilliland, D. D. Steiner, D. P. Skarlicki. Charlotte, 2007, pp. 135–177.
7. Demerouti E., Mostert K., Bakker A. Burnout and work engagement: a thorough investigation of the independency of both constructs. *Journal of Occupational Health Psychology*, 2010, vol. 15 (3), pp. 209–222.
8. Halbesleben J. R. B., Demerouti E. The construct validity of an alternative measure of burnout: Investigating the English translation of the Oldenburg burnout inventory. *Work & Stress: An International Journal of Work, Health & Organisations*, 2005, no.19 (3), pp. 208–220.
9. Demerouti E., Nachreiner F., Bakker A. B., Schaufeli W. B. The job demands-resources model of burnout. *Journal of Applied Psychology*, 2001, vol. 86, no. 3, pp. 499–512.
10. Smirnova A. Yu. Upravlenie uvlechenostyu personala rabotoy v processe organizacionnyh izmeneniy (Managing work engagement in organizational changes). *APRIORI. Ser. Gumanitarnye nauki* (APRIORI. Ser. Humanities), 2015, no. 4. Available at <http://apriori-journal.ru/journal-gumanitarnie-nauki/last-number> (accessed 20 October 2015) (in Russian).
11. Buitendach J. H., Bosman J., Rothmann S. Job insecurity, burnout and work engagement: the impact of positive and negative affectivity. *South African Journal of Industrial Psychology*, 2005, vol. 31, no. 4, pp.48–56.
12. Çetin C., Turan N. The relationship between qualitative job insecurity and burnout. *European Journal of Research on Education. Special Issue: Human Resource Management*. 2013, pp. 21–28.
13. Tilakdharee N., Ramidial S., Parumasur S. B. The relationship between job insecurity and burnout. *South African Journal of Economic and Management Sciences*, 2010, vol. 13 (3), pp. 254–271.
14. Schaufeli W., Bakker A. *The Utrecht work engagement scale preliminary manual* (Version 1, November 2003). Utrecht, 2003. 58 p.
15. Nasledov A. N. *IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professionalnyy statisticheskiy analiz dannykh* (AN IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical analysis). St. Petersburg, 2013. 416 p. (in Russian).
16. Harrington D. *Confirmatory factor analysis*. Oxford, 2009. 122 p.

Cite this article as:

Smirnova A. Y. The Oldenburg Burnout Inventory: Diagnostics of State of Mind's Change of the Employ on a Continuum: Work Engagement – Professional Burnout. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 211–218. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-211-218.

УДК 316.775.2

«ССЫЛКА НА СЕБЯ» КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЛОЖНОСТИ/ПРАВДИВОСТИ ПИСЬМЕННОГО СООБЩЕНИЯ

Терентьева Ольга Викторовна – аспирант кафедры психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ovterenteva@mail.ru

Статья посвящена выявлению маркеров ложности и правдивости в письменных текстовых сообщениях. Рассматриваются основные направления исследования ложных сообщений. Подчеркивается, что в зарубежной науке в основном ведутся исследования по определению лжи в устной речи и невербальных признаков обмана, а в России эта проблема слабо изучена. Обосновано использование слов-«ссылок на себя» в качестве показателя правдивого/ложного сообщения. Изложены результаты первого этапа исследования, направленного на проверку гипотезы о зависимости количества используемых слов-«ссылок на себя» от ложности или правдивости письменного сообщения. В нем приняли участие 64 русскоязычных студента в возрасте от 17 лет до 21 года, которые написали сначала правдивое, а затем ложное сообщение на заданную тему. Подсчет слов-«ссылок на себя» в сообщениях участников осуществлялся методом контент-анализа. Статистическая обработка результатов проводилась с использованием программы IBM SPSS Statistics 22. Установлено, что процент правильно предсказанных результатов ложности/правдивости сообщения по словам-«ссылкам на себя» составляет 75,6%. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть использован в кадровой деятельности организаций и судебной экспертизе текстов.

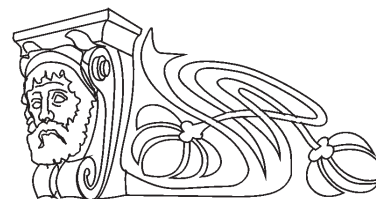
Ключевые слова: ложность/правдивость письменного сообщения, ложность/правдивость текста, слова-«ссылки на себя».

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-219-222

Введение

Сегодня проблема выявления ложных сообщений при письменной коммуникации слабо изучена. В зарубежной науке в основном ведутся исследования по определению лжи в устной речи и невербальных ложных маркеров (А. Mehrabian, 1971; Е. F. Dulaney, 1982; В. DePaulo & amp; В. E. Bell, 1996; Р. Ekman, 1997; А. Vrij, К. E. Edward, К. P. Roberts, R. Bull, 2000).

В нашей стране эта проблема практически не изучена, хотя потребность в выявлении ложного письменного сообщения огромна. Теоретическое изучение аспектов этой проблемы поможет расширить представления о социально-психологических качествах человека, склонного к передаче лживой информации, об отражении лживости в передаваемом тексте. Маркеры ложного/правдивого сообщения имеют огромное поле практического применения, в частности, в деятельности организаций (при изучении резюме претендентов на работу, различных отчетов, объяснений сотрудников), в судебной экспертизе текстов, написанных как преступниками, так и пострадавшими.

Цель статьи – выявить маркеры правдивости/ложности в письменном текстовом сообщении. *Гипотеза:* полагаем, что слова-«ссылки на себя» могут служить маркером для определения правдивости/ложности письменного текстового сообщения. Правдивость сообщения характеризуется повышенным удельным весом слов-«ссылок на себя».

Теоретическая разработанность проблемы

Проблемами ложных сообщений занимались многие исследователи: в основном они посвящены выявлению невербальных признаков лжи (А. Mehrabian, 1971; Р. Ekman, 1997; А. Vrij, К. E. Edward, К. P. Roberts, R. Bull, 2000), отношению и готовности к собственным ложным сообщениям и действиям ((W. C. Rowatt, M. R. Cunningham & amp; P. B. Druen, 1998; W. Robinson, A. Shepherd & amp; P. S. Heywood, 1998), причинам лжи (S. Lindskold, P. S. Walters, 1983), психологическим особенностям лжецов (А. Vrij & amp; W. Winkel, 1992; D. A. Kashy & amp; В. DePaulo, 1996; S. Wilson, D. C. Near & amp; R. R. Miller, 1998; А. Vrij & amp; M. H. Holland, 1999).

Вербальные признаки лжи в устной речи изучали А. Меграбян (А. Mehrabian, 1971), Э. Дьюлани (Е. Dulaney, 1982), Б. Де Пауло (В. DePaulo & amp; Bell, 1996), О. Фрай (А. Vrij, К. E. Edward, К. P. Roberts, R. Bull, 2000) и др., лингвистические показатели лжи, выраженные в тексте, – Дж. Пеннебейкер (J. W. Pennebaker, L. A. King, 1999; M. L. Newman, J. W. Pennebaker, D. S. Berry, D. S. Richards, 2002; J. W. Pennebaker, L. D. Stone, 2002.).

В отечественной психологии получили развитие направления понимания правды (О. О. Жданова, 1998; В. В. Знаков, 1999; А. В. Соколов, 2002) и выявления ложных и неложных высказываний в дискурсе (О. М. Попчук, 2006; Т. И. Леонтьева, А. А. Датчер, О. И. Филиппова, 2011; Е. Н. Пугачева, 2011).

Л. Е. Ароцкер писал: «В языковом поведении каждого человека отражается динамический стереотип, т.е. человек склонен употреблять одни синонимы, а не другие» и т.п. [1, с. 142]. Речь каждого человека индивидуальна, тем не менее в ней можно выделить как речевые паттерны,

характерные для каждого типа личности, так и стереотипы речи личности, отражающиеся в устных и письменных сообщениях. Слова, которые отражают то, как люди выражают себя, часто могут быть более информативными, чем то, что они выражают (J. W. Pennebaker & Y. A. King, 1999; D. Shapiro, 1989).

Ложь, как подчеркивает А. Р. Лурия, изменяет мышление говорящего, оно строится по другому принципу. Это другое мышление «имеет свои формы, свои правила, свои приемы» [2, с. 92], которые могут быть обнаружены в процессе лингвостилистического анализа продуцируемых высказываний. Аналогичной точки зрения придерживаются и зарубежные исследователи: выдуманные истории качественно отличаются от нарративов, основанных на опыте (M. K. Johnson & C. L. Raye, 1981; A. Vrij, K. E. Edward, K. P. Roberts & R. Bull, 2000; U. Undeutsch, 1967).

Текст является письменной речью, поэтому для него так же характерны шаблоны, как и для устной речи. Как указывала Т. М. Николаева, текст – это «письменное по форме речевое произведение» [3, с. 11–12]. Понятие текста как письменной формы речевого сообщения восходит к определению текста в ряде направлений традиционной филологии. О том, что по тексту можно определить фактические данные о личности их авторов, указывал С. М. Вул. Он говорил, что в судебно-автороведческой экспертизе фактические данные о личности автора документа «устанавливаются <...> путем исследования структурных особенностей текста документа» [4, с. 110].

В качестве одного из критериев правдивого/ложного сообщения англоязычные исследователи выделяют так называемые слова-«ссылки на себя». Это личное местоимение первого лица единственного числа («я») и притяжательное местоимения первого лица («мой», «моя», «моё», «мои») во всех падежных формах. В этом контексте мы будем использовать предложенную зарубежными учеными психолингвистическую категорию.

Использование первого лица единственного числа подчеркивает авторство излагаемого содержания. М. Кнапп, Р. Харт, Х. Денис предположили, что лжецы могут избегать демонстрации собственной принадлежности к тому, что излагается в сообщении, либо чтобы отмежеваться от своих слов, либо из-за отсутствия личного опыта [5]. Ш. Дюваль, Р. Виклунд, Д. Дэвис, Т. Брок, Д. Шапиро пришли к выводу, что использование местоимения первого лица единственного числа показывает, что люди в момент речи честны сами с собой [6–8]. Э. Дьюлани, М. Кнапп, А. Меграбян установили, что небольшой удель-

ный вес таких слов в ложных сообщениях отражает процесс дистанцирования авторов от своих высказываний, их диссоциации с ложью [5, 9, 10]. Поскольку придуманные истории не соответствуют истинному опыту или отношению, их авторы, возможно, хотят остаться в стороне, отказываясь использовать слова-«ссылки на себя».

Текст как продукт речевой деятельности отражает этнические особенности, которые проявляются в употреблении лексических единиц (M. Halliday, 1973; Ю. А. Сорокин, 1970, 1989, 2003), в специфике применения научных терминов (Г. Д. Гачев, 1976), в наличии различных смысловых связей (Л. А. Грумадене, 1982), в структурах синтаксиса (С. В. Неверов, 1984). В. Н. Карасик указывал, что словарь того или иного языка, который использует личность, отражает национальное мировоззрение, ценности, установки и даже поведенческие реакции, характерные для определенного народа и закрепленные в лексике и семантике (В. Н. Карасик, 1994). В связи с этим использование слов-«ссылок на себя» в качестве показателей ложности/правдивости сообщений на английском языке может быть неадекватным и неприменимым для текстов на языках других народов. С нашей точки зрения, необходима проверка этого показателя на русскоязычных письменных текстах.

Организация эмпирического исследования

Первый этап исследования был посвящен проверке зависимости количества используемых слов-«ссылок на себя», к которым относятся все падежные формы личного и притяжательного местоимений первого лица, от ложности и правдивости письменного русскоязычного сообщения, он проходил в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского. В нем приняли участие 64 русскоязычных студента в возрасте от 17 лет до 21 года (специалитет первого курса обучения и бакалавриат первого и четвертого курсов) трех факультетов: географического, юридического, психолого-педагогического и специального образования. Подавляющее большинство принявших участие в исследовании – женщины (79%), основной возраст участников – 18 лет (72%).

Исследование состояло из двух частей, в каждом из которых все участники имели одинаковое задание. В первой части студентам предложили письменно высказать личное мнение на тему «Мое отношение к многоженству» и объяснить свою позицию. Это сообщение мы считали правдивым. При этом выдвигалось требование, что текст не должен быть меньше 1/3 – 1/2 листа формата А4, на котором излагалось сообщение. Сообщения были рукописные, на первую часть

отводилось 25 минут. Далее участники получили задание максимально убедительно изложить противоположную точку зрения. Мы предположили, что это сообщение будет ложное (лживое), эта часть исследования заняла 20 минут. Таким образом всего было получено 128 сообщений.

Следующие сообщения были исключены из анализа: нечитабельные тексты, с изложением нейтральной точки зрения, с отсутствием ярко выраженной однозначной позиции «за» или «против», небольшие по объему, правдивые сообщения, не имевшие ложного сообщения того же автора. Пригодными для статистической обработки оказались 78 сообщений (правдивых и ложных) 39 участников. Далее методом контент-анализа были подсчитаны местоимения «я», «мой», «моя», «мое», «мои» во всех падежных формах. Затем абсолютные показатели были переведены в относительные доли от общего количества слов в сообщении; заголовки, указание пола при подсчете не учитывались.

Результаты исследования

Для статистической обработки данных использовалась компьютерная программа IBM SPSS

Statistics 22. Сначала была подсчитана парная корреляция между удельным весом слов-«ссылок на себя» и показателем правдивости/ложности сообщения. Коэффициент корреляции Пирсона составил 0,352, значимость – 0,001 при допустимой 0,01. Коэффициент непараметрической корреляции Спирмана оказался еще выше – 0,553, уровень значимости 0,000 при допустимом 0,01, т.е. случайное совпадение меньше 0,1%.

Для определения возможности прогнозирования проявления ложности/правдивости сообщения по удельному весу слов-«ссылок на себя» была использована формула логистической регрессии; обобщенные показатели вывода представлены в таблице.

Общий показатель правильно предсказанных сообщений составил 75,6%. При этом из 39 ложных сообщений 30 были предсказаны компьютерной программой на основе введенных данных как ложные и 9 – как правдивые, т.е. доля правильно предсказанных результатов составила 76,9%. Из 39 правдивых сообщений 29 были определены как правдивые и 10 – как ложные, т.е. доля правильно предсказанных сообщений в этом случае оказалась несколько ниже – 74,4% (см. таблицу).

Обобщенные показатели по представленным и предсказанным данным

Представленное сообщение	Количество предсказанных сообщений		
	Ложный	Правдивый	Доля правильно предсказанных, %
Ложное	30	9	76,9
Правдивое	10	29	74,4
Общий показатель			75,6

Обсуждение результатов

В результате проведенного первого этапа исследования была подтверждена гипотеза, что слова-«ссылки на себя» служат маркером правдивости/ложности текстового сообщения. В правдивых сообщениях, по сравнению с ложными, удельный вес этого индикатора возрастает. Коэффициент корреляции выше 0,3 говорит о наличии хорошей связи между показателями, в данном случае между количеством «ссылок на себя» и правдивостью сообщения. Положительный знак указывает на прямую зависимость правдивости от удельного веса слов-«ссылок на себя», соответственно, ложность сообщения обратно пропорциональна этому показателю.

Предположение ряда англоязычных ученых, что при сообщении лживой информации человек старается отстраниться от нее, пытаясь диссоциироваться с ложью, действительно и для русскоязычной письменной коммуникации. Наличие различий в вероятности предсказания правдивых и ложных сообщений, как полагаем, связано с тем, что употребление личных местоимений единственного числа может отражать

также информацию о социально-психологических качествах личности, таких как локус контроля (J. W. Pennebaker, 2011), самоуважение, нейротизм, стремление к лидерству (S. Argamon, S. Dawhle, M. Koppel, J. W. Pennebaker, 2005), или указывать на депрессивное состояние человека, нахождение его в трудной жизненной ситуации (E.-M. Gortner, J. W. Pennebaker, 2002). Это навело нас на мысль продолжить исследование в направлении выявления связи между социально-психологическими качествами личности и ложностью/правдивостью письменного сообщения.

Выводы

В результате исследования было обнаружено, что слова-«ссылки на себя» являются маркерами правдивости/ложности письменного текстового сообщения. Правдивость сообщения характеризуется повышенным удельным весом слов-«ссылок на себя», ложность – пониженным. Применение выявленного показателя возможно в кадровой деятельности компаний при отборе претендентов на вакантные должности, а также в судебной экспертизе текстов.

Список литературы

1. Ароцкер Л. Е., Войнов В. К. Об использовании лингвистической статистики для установления автора анонимного текста // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 3. Киев, 1966. С. 141–151.
2. Лурья А. П. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле // Советское право. 1927. № 2 (26). С. 84–100.
3. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 5–42.
4. Вул С. М. Предмет и объекты судебно-автороведческой экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 20. Киев, 1980. С. 110–113.
5. Knapp M. L., Hart R. P., Dennis H. S. An exploration of deception as a communication construct // Human Communication Research. 1974. № 1. P. 15–29.
6. Davis D., Brock T. C. Use of first person pronouns as a function of increased objective self-awareness and performance feedback // J. of Experimental Social Psychology. 1975. № 11. P. 381–388.
7. Duval S., Wicklund R. A. A theory of objective self-awareness. N.Y., 1972. 315 p.
8. Shapiro D. Psychotherapy of Neurotic Character. N.Y., 1989. 242 p.
9. Dulaney E. F. Changes in language behavior as a function of veracity // Human Communication Research. 1982. № 9. P. 75–82.
10. Mehrabian A. Nonverbal betrayal of feeling // J. of Experimental Research in Personality. 1971. № 5. P. 64–73.

Образец для цитирования:

Терентьева О. В. «Ссылка на себя» как показатель ложности/правдивости письменного сообщения // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 219–222. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-219-222.

The Self-reference Words as an Indicator of the Lying/True Written Message

O. V. Terent'eva

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: ovterenteva@mail.ru

The article is devoted to identification of markers of lying and truth in written text messages. The author discusses the main directions of studies of lying written text and emphasizes that this problem is poorly researched in Russia. The foreign researchers look into descriptors of the lie in the speech and ones of nonverbal signs of the deception. It shows that usage of the self-reference word as a index of lying/true message. The article gives results of the first stage of the research. The aim of the stage is verification of a hypothesis. The hypothesis says that the number of the self-reference words are depended by lying text or truth one. Sixty four Russian students of Saratov University from 17 to 21 years wrote truth essays and lying ones on the fixed theme. The self-reference words were computed by content analysis method. Statistical estimate of data was realized by means of program IBM SPSS Statistics 22. It states that 75.6% of the written messages were correctly predicted as lying messages or true ones by the self-reference words. The results of the research are possibly applied in staffing company and judicial examination of the text.

Key words: lying/truth of written message, lying/truth of text, self-reference words.

References

1. Arotsker L. E., Voynov V. K. Ob ispolzovanii lingvisticheskoy statistiki dlya ustanovleniya avtora anonimnogo teksta (The usage of linguistic statistics to establish the author of an anonymous text). *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza*. Vyp. 3 (Criminalistics and Judicial Examination. Iss. 3). Kiev, 1966, pp. 141–151 (in Russian).
2. Luriya A. R. Eksperimentalnaya psikhologiya v sudebno-sledstvennom dele (Experimental psychology in judicial investigation). *Sovetskoe pravo* (Soviet Law), 1927, no. 2 (26), pp. 84–100 (in Russian).
3. Nikolaeva T. M. Lingvistika teksta. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy (Text linguistics. Actual position and prospects). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 8 (The new of foreign linguistics. Iss. 8). Moscow, 1978, pp. 5–42 (in Russian).
4. Vul S. M. Predmet i obekty sudebno-avtorovedcheskoy ekspertizy (The subject and the objects of the judicial examination of text author). *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza*. Vyp. 20 (Criminalistics and Judicial Examination. Iss. 20). Kiev, 1980, pp. 110–113 (in Russian).
5. Knapp M. L., Hart R. P., Dennis H. S. An exploration of deception as a communication construct. *Human Communication Research*, 1974, no. 1, pp. 15–29.
6. Davis D., Brock T. C. Use of first person pronouns as a function of increased objective self-awareness and performance feedback. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1975, no. 11, pp. 381–388.
7. Duval S., Wicklund R. A. *A theory of objective self-awareness*. New York, 1972. 315 p.
8. Shapiro D. *Psychotherapy of neurotic character*. New York, 1989. 242 p.
9. Dulaney E. F. Changes in language behavior as a function of veracity. *Human Communication Research*, 1982, no. 9, pp. 75–82.
10. Mehrabian A. Nonverbal betrayal of feeling. *Journal of Experimental Research in Personality*, 1971, no. 5, pp. 64–73.

Cite this article as:

Terent'eva O. V. The Self-reference Words as an Indicator of the Lying/True Written Message. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 219–222. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-219-222.

ПЕДАГОГИКА

УДК 159.923

АДАПТАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ КУРСАНТА-ЛЕТЧИКА

Ваулин Владимир Иванович – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общинженерных дисциплин, Самарский государственный технический университет (филиал, г. Сызрань). E-mail: vaul.vladimir2014@yandex.ru

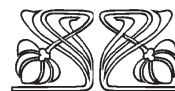
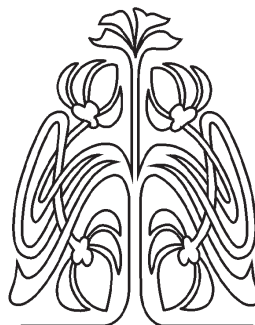
Сингеев Сергей Александрович – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой общинженерных дисциплин, Самарский государственный технический университет (филиал, г. Сызрань). E-mail: kaf-oid@mail.ru

В статье рассматриваются характеристики адаптации курсанта-летчика в ходе профессионального становления, раскрываются виды, механизм и показатели адаптации. Утверждается, что развитие личности проходит три фазы: адаптации, индивидуализации, интеграции. Учитывая специфику летного вуза, выделяются виды адаптации: по виду деятельности и внешнему воздействию – военно-профессиональная деятельность курсанта (образовательная (учебно-воспитательная и летная; военно-научная; командно-методическая и воспитательная); военно-служебная (боевая и мобилизационная; служебно-функциональная; повседневно-бытовая; общественно-организационная; культурно-досуговая; военно-правовая); по внутренним процессам адаптации – физическая; физиологическая; социально-психологическая; служебно-уставная; этническая; климатогеографическая. Показателями адаптации являются результаты деятельности каждого человека и подразделения. В системе её показателей можно выделить: объективные – уровень и стабильность количественных показателей труда; субъективные – уровень удовлетворенности своей профессией, условиями труда, коллективом и др. **Ключевые слова:** адаптация, виды адаптации, факторы адаптации, механизм адаптации, этапы и стадии адаптации, показатели адаптации.

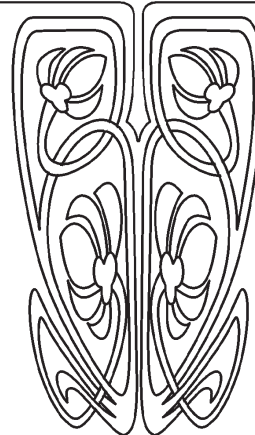
DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-223-228

Уровень современной авиационной техники, требования к боевой готовности войск определяют противоречие между условиями воинской деятельности и уровнем профессиональной готовности летчика, одним из путей его разрешения является поиск адаптационных резервов профессионального становления курсанта-летчика, которые недостаточно исследованы.

Профессиональная подготовка летных кадров на современном этапе требует качественных изменений личности летчика. Считая, что «профессиональное становление – это одна из форм развития личности» [1, с. 66], «ядром профессиональной подготовки летчика является личность человека во всей ее взаимосвязи с социальной и учебной обстановкой» [2, с. 129–130]. «В общем виде развитие личности может быть представлено как процесс и результат вхождения человека в новую социальную среду и интеграции в ней. В том случае, если индивид входит в относительно стабильную социальную общность, он при благоприятно складывающихся обстоятельствах проходит три фазы своего становления в ней как личности. Первая фаза – адаптация – предполагает усвоение действующих ценностей

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

и норм и овладение соответствующими средствами и формами деятельности и тем самым до некоторой степени уподобление индивида другим членам этой общности. Вторая фаза – индивидуализация – порождается обостряющимися противоречиями между необходимостью “быть таким, как все” и стремлением индивида к максимальной персонализации. Третья фаза – интеграция – определяется противоречием между стремлением индивида быть идеально представленным своими особенностями и отличиями в общности и потребностью общности принять, одобрить и культивировать лишь те его особенности, которые способствуют её развитию и тем самым развитию его самого как личности» [3, с. 522–524].

Особенности летного вуза, к которым целесообразно отнести военную организацию жизнедеятельности и быта, особые обязанности военнослужащего, выполнение задач, связанных с постоянной боевой готовностью, задачи летной деятельности и др., определяют важность фазы адаптации к многообразию, сложности и напряженности воинской службы. Подробное рассмотрение этого элемента развития личности курсанта-летчика позволит определить меры по повышению качества подготовки летных кадров в современных условиях.

В общем виде адаптация – «процесс приспособления работника к условиям внешней и внутренней среды» [4, с. 169–177], «процесс познания нитей власти, процесс достижения доктрин, принятых в организации, процесс обучения, осознания того, что является важным в этой организации или ее подразделениях» [5, с. 74–77]. Адаптация (от лат. *adapto* – приспособляю) – приспособление человека (технического устройства) к воздействию новых раздражителей (факторов окружающей среды) или к изменившимся условиям деятельности (функционирования) в целом. По мнению Ф. З. Меерсона, положительный эффект адаптации – относительное соответствие состояния и поведения новым условиям. Выделяют три уровня адаптации – частичную, достаточную и полную. Полнота и прочность адаптации организма (личности) человека характеризуются его устойчивым морально-психологическим состоянием [6].

Система психической адаптации динамична, всегда находится в развитии. Функциональные возможности ее ведущих и второстепенных подсистем и звеньев все время изменяются ввиду нестабильности определяющей их биологической и социально-психологической основы, в том числе благодаря временным или достаточно

стойким изменениям темперамента, способностей человека, его личностной направленности, совокупности потребностей, моральных качеств, волевых и эмоциональных свойств. В этом смысле адаптация – многокачественное, многоуровневое психическое образование. Внутренняя среда индивида – вся его психика, в нее входят потребности, влечения, эмоции, состояния, самочувствие, а также ценностные ориентации, понимание смысла и цели жизни, система установок как стереотипных реакций и поступков, субъективное отражение всей культуры и морали.

Анализ ряда авторов [1, 6] позволяет провести классификацию адаптации по различным основаниям:

1) отношениям субъект-объект: *активная* – когда индивид стремится воздействовать на среду с тем чтобы изменить ее, в том числе и те нормы, ценности, формы взаимодействия и деятельности, которые он должен освоить; *пассивная* – когда он не стремится к такому воздействию и изменению; внешняя и внутренняя;

2) воздействию на работника: *прогрессивная* – благоприятно воздействующая на работника; *регрессивная* – пассивная адаптация к среде с отрицательным содержанием (например, с низкой трудовой дисциплиной);

3) уровню значимости: *первичная* – когда человек впервые включается в постоянную трудовую деятельность на конкретном предприятии (адаптация работника в новой должности; адаптация работника к понижению в должности); *вторичная* – при последующей смене работы;

4) направлениям деятельности: *производственная* – профессиональная, психофизиологическая, социально-психологическая, организационно-административная, экономическая, санитарно-гигиеническая; *непроизводственная*.

Трудовая адаптация – это социальный процесс освоения личностью новой трудовой ситуации, в котором личность и трудовая среда оказывают активное воздействие друг на друга и являются адаптивно-адаптирующими системами.

«Профессиональная адаптация заключается в активном освоении профессии, ее тонкостей, специфики, необходимых навыков, приемов, способов принятия решений, для начала, в стандартных ситуациях. Она начинается с того, что после выяснения опыта, знаний и характера новичка для него определяют наиболее приемлемую форму подготовки, например, направляют на курсы или прикрепляют наставника. Сложность профессиональной адаптации зависит от широты и разнообразия деятельности, интереса к ней, содержания труда, влияния профессиональной среды, индивидуально-психологических

свойств личности» [7, с. 206–224]. Поэтому профессиональная адаптация курсанта-летчика выражается в уровне овладения профессиональными навыками, умениями и компетенциями, в формировании профессионально необходимых качеств личности, в развитии устойчивого положительного отношения к профессии военного летчика. Она проявляется в знании профессиональной деятельности и выполнении требований воинской службы, стремлении к профессиональному мастерству и добросовестном отношении к выполнению функциональных обязанностей.

Необходима адаптация курсанта-летчика и к другим особенностям профессионального становления. *Общественно-организационная адаптация* означает освоение организационной структуры предприятия (коллектива), системы управления и обслуживания производственного процесса, режим труда и отдыха и т.д.

Культурно-бытовая адаптация – это освоение в трудовой организации особенностей быта и традиций проведения свободного времени. Характер этой адаптации определяется уровнем культуры производства, общего развития членов организации, спецификой и особенностями использования свободного от работы времени. Быстро и безболезненно происходит культурно-бытовая адаптация в тех трудовых организациях, члены которых связаны не только отношениями на работе, но и вместе проводят досуг, свободное время, используя его для разностороннего развития личности.

На уровне личности можно выделить адаптации: *биологическую* (например, при акклиматизации во время проведения практики или стажировки курсанта-летчика в других регионах страны), *физиологическую* (например, приспособление организма к теплу или холоду, полетам днем или ночью; притупление слухового восприятия под воздействием шума летательного аппарата и т.д.), *социальную* (например, освоение новых видов деятельности – гарнизонной и караульной службы, вхождение в коллектив учебной группы, эскадрильи, летной группы и др.), *психологическую* (например, становление в должности солдата, курсанта-летчика) [8].

С учетом точек зрения В. Ф. Лазукина [8, с. 17], документов, регламентирующих обучение в летном вузе, а также анализа влияния специфики летного вуза, целесообразно создать классификацию видов адаптации, которые проходит курсант в процессе обучения в военном учебном заведении: *по виду деятельности и внешнему воздействию*: военно-профессиональная деятельность курсанта: образовательная – учебно-воспитательная и летная; военно-науч-

ная; командно-методическая и воспитательная; военно-служебная – боевая и мобилизационная; служебно-функциональная; повседневно-бытовая; общественно-организационная; культурно-досуговая; военно-правовая; *по внутренним процессам адаптации*: физическая, физиологическая, социально-психологическая, служебно-уставная, этническая, климатогеографическая.

Анализ точек зрения А. А. Виру [9], Г. Беккера и А. Боскова, Т. Парсонса [10] позволяет описать механизм адаптации курсанта-летчика: это мобилизация энергетических ресурсов, пластического резерва и всех защитных способностей организма, направленных на энергетическое обеспечение важных функций и сохранение нормальной жизнедеятельности целостного организма. В результате накопления в процессе адаптации количественных изменений организм со временем приобретает новое качество; адаптация индивида проходит в ходе военно-профессиональной подготовки и осуществляется с помощью трех основных механизмов: а) познавательных; б) защитных психических, с помощью которых принимаются решения в тех случаях, когда между потребностями личности возникают конфликты; в) механизмов приспособления, которые тесно связаны с защитными. Среду адаптации определяют различные виды деятельности, которые формируют наиболее оптимальную и адекватную для нее полностью связанную систему, действующую как механизм с однозначным действием; приспособление приводит к интернализации элементов социального контроля, определяет формирование личности курсанта и успешность этой адаптации.

Следует отметить, что многие адаптивные механизмы могут иметь два или более «векторов» функционирования, например, внешняя или внутренняя адаптация. *Внешняя адаптация* – это адаптивный процесс, посредством которого личность приспосабливается к внешним, объективным проблемным ситуациям. Внешняя адаптация может соединяться с сохранением проблемной ситуации или с ее устранением и т.п. [11, с. 57]. По мнению Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина, процесс адаптации можно разделить на четыре этапа:

1) *оценка уровня подготовленности новичка* – необходим для разработки наиболее эффективной программы адаптации, поэтому адаптация предполагает как знакомство с производственными особенностями организации, так и включение в коммуникативные сети, знакомство с персоналом, корпоративными особенностями коммуникации, правилами поведения и т.д.;

2) *ориентация* – практическое знакомство работника со своими обязанностями и требованиями, которые к нему предъявляются со стороны организации;

3) *действенная адаптация* состоит в приспособлении новичка к своему статусу и в значительной степени обуславливается его включением в межличностные отношения с коллегами;

4) *функционирование* – процесс адаптации завершается, он характеризуется постепенным преодолением производственных и межличностных проблем и переходом к стабильной работе – этот этап наступает после года или полутора лет работы. Если процесс адаптации регулировать, то этап эффективного функционирования может наступить через несколько месяцев, и это финансово выгодно [12, с. 237–242].

Внутренняя адаптация (коадаптация) имеет разновидности: а) направленная на разрешение внутренних конфликтов и других внутриспсихических проблем личности; б) внутренняя структурная адаптация в узком смысле – процесс какого-либо адаптивного механизма с теми уже образованными адаптивными механизмами, с которыми он составляет комплекс; в) внутренняя структурная адаптация в широком смысле: приспособление адаптивного механизма или комплекса ко всей структуре личности. Целостная структура личности может оказать сопротивление включению в ее состав новых адаптивных механизмов или комплексов как чужеродных или, напротив, может быть весьма «рецептивной» к другим механизмам и комплексам [11, с. 57]. В процессе адаптации работник проходит следующие стадии: *стадия ознакомления*, на которой он получает информацию о новой ситуации в целом, критериях оценки различных действий, об эталонах, нормах поведения; *стадия приспособления*: работник переориентируется, признавая главные элементы новой системы ценностей, но пока продолжает сохранять многие свои установки; *стадия ассимиляции*, когда осуществляется полное приспособление к среде, идентификация с новой группой.

Таким образом, к общим адаптационным способностям индивида к межличностному взаимодействию можно отнести способности: 1) к сотрудничеству; 2) общению; 3) эмоциональному и рациональному пониманию других людей; 4) самоконтролю и самопознанию; 5) умению выбрать адекватный тип регуляции поведения в зависимости от условий и обстоятельств.

Показателями адаптации являются результаты деятельности каждого человека и подразделения. В системе показателей адаптации можно вы-

делять: *объективные* – уровень и стабильность количественных показателей труда; *субъективные показатели* – уровень удовлетворенности своей профессией, условиями труда, коллективом и др. [4, с. 169–177]. Характеристиками психофизиологической адаптации, особенно на работах с большим физическим напряжением, например, для оценки степени физической или летной натренированности как одного из результатов адаптации, являются показатели выработки и энергозатрат, состояния сердечно-сосудистой системы, функции кровообращения, дыхания, скорость восстановления и т.п. К показателям, характеризующим социально-психологическую адаптацию, относятся уровень психологической удовлетворенности новой для человека производственной средой в целом и ее наиболее важными для него компонентами, характером взаимоотношений с товарищами, администрацией, удовлетворенность своим положением в коллективе, уровень удовлетворения жизненных устремлений и др. [4, с. 169–177]. Учитывая точку зрения А. Г. Поршнева, З. П. Румянцевой, Н. А. Саломатина, А. Я. Кабанова, профессиональную адаптацию характеризуют показатели: степень должностных требований (их выполнение, достижение среднего балла оценки знаний, сложившегося в коллективе), выход на новый уровень [13] и т.д.

Таким образом, профессиональное становление курсанта-летчика определяется его успешной адаптацией в процессе обучения в вузе. Механизм адаптации включает: мобилизацию энергетических ресурсов, пластического резерва и всех защитных способностей организма, направленных на энергетическое обеспечение важных функций и сохранение нормальной жизнедеятельности целостного организма. Адаптация проходит в ходе военно-профессиональной подготовки и осуществляется с помощью механизмов: а) познавательных; б) защитных психических; в) приспособления. Она включает этапы: оценки уровня подготовленности, ориентации, действенной адаптации, функционирования. Показателями адаптации являются результаты деятельности курсанта. Анализ адаптационных характеристик профессионального становления курсанта-летчика позволяет разработать систему мер, мероприятий, программ для его успешной адаптации. Создание полностью связанной системы деятельности органов управления в летном вузе, высокого уровня организации с учетом механизмов успешной адаптации позволит обеспечить управление качеством процесса становления курсантов-летчиков в современных условиях.

Список литературы

1. Бобков О. Б. Учебно-профессиональная мотивация курсантов на разных этапах профессионального становления : учеб.-метод. пособие. Сызрань, 2011. 81 с.
2. Пономаренко В. А. Психология духовности профессионала. М., 2004. 387 с.
3. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М., 1993. Т. 1. А–М. С. 522–524.
4. Маслов Е. В. Управление персоналом предприятия. М., 1999. 312 с.
5. Плешин И. Ю. Управление персоналом. СПб., 1995. 386 с.
6. Меерсон Ф. З. Адаптационная медицина : концепция долговременной адаптации. М., 1993. 138 с.
7. Веснин В. Р. Практический менеджмент персонала. М., 1998. 495 с.
8. Лазукин В. Ф. Развитие теоретических положений и обоснование рациональной системы профессиональной подготовки офицерских кадров в инженерных вузах ВВС : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Воронеж, 2007. 40 с.
9. Агаджанян Н. А. Адаптация и резервы организма. М., 1983. 176 с.
10. Современная социологическая теория в её преемственности и изменении / под ред. Г. Беккер, А. Босков. М., 1961. 892 с.
11. Кон И. С. Социология личности. М., 1967. 383 с.
12. Управление персоналом : учебник / под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. М., 1998. 423 с.
13. Управление организацией : учебник / под ред. А. Г. Поршнева, З. П. Румянцевой, Н. А. Саломатина, А. Я. Кибанова. М., 1999. 352 с.

Образец для цитирования:

Ваулин В. И., Сингеев С. А. Адаптационные характеристики профессионального становления курсант-летчика // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 223–228. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-223-228.

Adaptive Features of Professional Formation of Cadet-Pilot

V. I. Vaulin

Branch Samara State Technical University in Syzran
45, Sovetskaya str., Syzran, 446000, Russia
E-mail: vaul.vladimir2014@yandex.ru

S. A. Sinqeev

Branch Samara State Technical University in Syzran
45, Sovetskaya str., Syzran, 446000, Russia
E-mail: kaf-oid@mail.ru

The article discusses the characteristics of adaptation of the Cadet-pilot during the professional formation, exposed types, mechanism and indicators for adaptation. It argues that the development of the individual comes through three phases: adaptation, differentiation, integration. Taking into account the specificity of the flying University, the author singles out classification of adaptation: by activity and external influences at military-cadet activities (education (educational and flying; the military-scientific-methodical and command; educational); the military service (fighting and mobilization; service-functional; daily-consumer; socio-organizational; cultural and leisure events; the military legal); to adapt internal processes: physical, physiological, socio-psychological; service-statutory; lexternal; internal; ethnic; climatic. The mechanism of pilot-cadet adaptation is observed, which includes: mobilizing of energetic resources, plastic reserve and all protective abilities of an organism; the adaptation happens during military-professional training and put into practice with the help of 3 basis mechanisms: a) learning mechanism; b) protective psychological mechanisms; c) adaptive mechanisms; adaptation sphere is defined by various activities, which form fully connected system, acting as a mechanism with

a unified action; adaptation leads to internalization of social control elements, defines personality formation of a cadet and successful adaptation. Adaptation to the scorecard can be identified: objective indicators the level and stability of quantitative indicators of labor; subjective indicators: level of satisfaction with their profession, working conditions, staff, etc.

Key words: adaptation, types adaptation, adaptation factors, mechanism of adaptation, stages of adaptation, adaptation parameters.

References

1. Bobkov O. B. *Uchebno-professionalnaya motivatsiya kursantov na raznykh etapakh professionalnogo stanovleniya*: ucheb.-metod. posobie (Educational and professional motivation of students at various stages of professional formation: training manual). Syzran, 2011. 81 p. (in Russian).
2. Ponomarenko V. A. *Psikhologiya dukhovnosti professionala* (Psychology spirituality professional). Moscow, 2004. 387 p. (in Russian).
3. *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya*: v 2 t. (The Russian pedagogical encyclopedia: in 2 vol.). Moscow, 1993. Vol. 1. A–M, pp. 522 – 524 (in Russian).
4. Maslov E. V. *Upravlenie personalom predpriyatiya* (Staff management enterprises). Moscow, 1999. 312 p. (in Russian).
5. Pleshin I. Yu. *Upravlenie personalom* (Personnel management). St. Petersburg, 1995. 386 p. (in Russian).
6. Meyerson F. *Adaptatsionnaya meditsina: kontseptsiya dolgovremennoy adaptatsii* (Adaptive medicine: the

- concept of long-term adaptation). Moscow, 1993. 138 p. (in Russian).
7. Vesnin V. R. *Prakticheskiy menedzhment personala* (Practical staff management). Moscow, 1998. 495 p. (in Russian).
 8. Lazukin V. F. *Razvitie teoreticheskikh polozheniy i obosnovanie ratsionalnoy sistemy professionalnoy podgotovki ofiterskikh kadrov v inzhenernykh vuzakh VVS*: avtoref. dis. ...d-ra ped. nauk (Development of theoretical positions and rationale of a rational system for the training of the officers' staff in engineering universities of the AIR FORCE: autoref. diss. ... doct. of pedagogy). Voronezh, 2007. 40 p. (in Russian).
 9. Agadzhanyan N. A. *Adaptatsiya i rezervy organisma* (Adaptation and reserves of an organism). Moscow, 1983. 176 p. (in Russian).
 10. *Modern sociological theory: in continuity and change*. Eds. H. Becker, A. Boskoff. New York; Chicago; San Francisco, 1957. 756 p. (Russ. ed.: *Sovremennaya sotsiologicheskaya teoriya v ee preemstvennosti i izmenenii*. Pod red. G. Becker, A. Boskov. Moscow, 1961. 892 p.).
 11. Kon I. S. *Sotsiologiya lichnosti* (Sociology of personality). Moscow, 1967. 383 p. (in Russian).
 12. *Upravlenie personalom: uchebnik* (Personnel management). Eds. T. Y. Bazarov, B. L. Eremin. Moscow, 1998. 423 p. (in Russian).
 13. *Upravlenie organizatsiyey: uchebnik* (The management of the organization: manual). Eds. A. G. Porshnev, Z. P. Rummyantseva, N. A. Salomatin, A. Ya. Kibanov. Moscow, 1999. 352 p. (in Russian).

Cite this article as:

Vaulin V. I., Sinqeev S. A. Adaptive Features of Professional Formation of Cadet-Pilot. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 223–228. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-223-228.

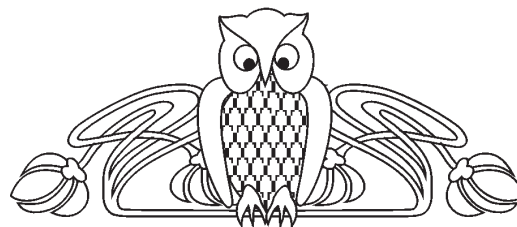

УДК 37.013

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ

Паатова Мария Эдуардовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и туризма, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп. E-mail: mpaatova@mail.ru

Науменко Юрий Владимирович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Волгоградская государственная академия физической культуры. E-mail: naumenko.yv@yandex.ru

В статье развивается социально-культурная концепция здоровьесформирующего образования Ю. В. Науменко: уточняются содержание, структура и уровни проявления социально-личностной жизнеспособности человека. Раскрывается педагогическая модель М. Э. Паатовой процесса формирования социально-личностной жизнеспособности на основе последовательного предъявления специально организованных жизнеутверждающих воспитательно-реабилитационных ситуаций. Описана система принципов проектирования содержания и организации воспитательно-реабилитационных ситуаций. Формулируются законы применения разработанной модели в реальной педагогической практике. Авторская педагогическая модель процесса формирования социально-личностной жизнеспособности была успешно реализована по отношению к подросткам с девиантным поведением в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа и в массовой общеобразовательной школе в воспитательной работе с обычными школьниками. Материал, представленный в статье, может служить основанием для теоретических исследований по формированию социально-личностной жизнеспособности у детей и подростков, а также для разработки в образовательной практике воспитательных систем, авторская педагогическая модель – методологическим ориентиром для реализации требования Федеральных государственных образовательных стандартов общего образования при проектировании программы духовно-нравственного развития, социализации и воспитания обучающихся в начальной и основной школе.

Ключевые слова: социально-личностная жизнеспособность, жизнеутверждающая воспитательно-реабилитационная ситуация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-229-236

В последнее десятилетие появилось много психолого-педагогических исследований, посвященных изучению сущностных характеристик жизнеспособности подрастающего поколения. Выявлению личностных и поведенческих особенностей данного социально-культурного феномена, формирующего у молодого человека возможность противостоять негативным влияниям социума и развивать те качества, которые помогут успешно адаптироваться в социум

(Л. Г. Дикая, Р. Дистефано, А. И. Лактионова, Ю. В. Науменко, А. А. Нестерова, А. В. Махнач и др.) [1, 2].

В педагогических исследованиях понятие «жизнеспособность» подвергалось анализу И. М. Ильинским (1995), П. И. Третьяковым (2004), М. П. Гурьяновой (2005), Ю. В. Науменко (2008), Н. Е. Щурковой (2012), Е. А. Александровой и С. О. Кожякиной (2014), Т. О. Арчаковой (2016), А. А. Ощепковым (2016), Е. Г. Шубниковой (2016).

И. М. Ильинский [3] одним из первых ввел понятие «жизнеспособность» в педагогику. По его мнению, жизнеспособность является совокупностью умений человека – успешно развиваться в трудных условиях социальной и культурной среды (в том числе воспроизводя жизнестойкое, биологически и социально, потомство); стать индивидуальностью, сформировать смысловые установки и самоутвердиться; реализовывать свои задатки и творческие возможности, преобразуя при том среду обитания, делая ее более благоприятной для жизни, не разрушая и не уничтожая.

М. П. Гурьянова [4] предлагает рассматривать жизнеспособность как интегрированное качество личности (совокупность ценностных ориентаций, личностных особенностей, разносторонних способностей и базовых знаний), позволяющее ей успешно функционировать и гармонично развиваться в динамично меняющемся социуме. Ею предложены следующие критерии описания (анализа) жизнеспособности: уровень социальной адаптации к меняющимся условиям жизни; сформированность умений реализовывать свои задатки и творческие возможности; уровень развития способности находить оптимальные решения личностных и жизненных проблем в любых ситуациях; стабильность и широта проявления стремления к жизненным достижениям и успехам; уровень

развития способности к постоянному саморазвитию и совершенствованию своих личностных качеств; стабильность потребности в постоянном овладении новыми знаниями и новыми способностями; уровень развития способности к самостоятельному принятию решений и готовности нести ответственность за принятые решения; уровень развития способности к мобилизации в трудных жизненных ситуациях.

Е. В. Шубникова [2], опираясь на модель адаптивного функционального копинг-поведения, выделяет следующую структуру понятия «жизнеспособность»: способность и возможность осуществлять когнитивную оценку проблемной ситуации; позитивная Я-концепция; интернальный локус контроля; социальная компетентность (умения общаться с окружающими и знания о социальной действительности); стабильное проявление аффилиации (желание и стремление общаться с людьми); эмпатия; позиция человека по отношению к жизни, смерти и любви; духовность и ценностная мотивационная структура личности.

Не оспаривая значимость и научную ценность взглядов И. М. Ильинского, М. П. Гурьяновой, Е. В. Шубниковой и др., заметим, что предлагаемое ими понимание сущности феномена «жизнеспособность» носит излишне широкий и всеобъемлющий характер, из-за чего невозможно выделить уровни проявления жизнеспособности и построить модель процесса её формирования, применимую в педагогической практике. Мы в своём исследовании исходили из того, что жизнеспособность является системным качеством личности, характеризующим органическое единство психофизиологических и социальных способностей человека к эффективному применению средств позитивного самовыражения и самореализации в рамках конкретного культурно-исторического социума [5].

Жизнеспособность может проявляться на двух уровнях – психофизиологическом и социально-личностном: психофизиологическая характеризует жизнедеятельность человека на уровне биологического и индивидуально-типических свойств психики. Социально-личностная жизнеспособность, по мнению Ю. В. Наumenко, характеризует жизнедеятельность человека на уровне субъектности (в трактовке Е. И. Исаева и В. И. Слободчикова): осознание индивидом непрерывности, постоянства и идентичности своего физического, психического и личностного Я; способность управлять своим поведением в соответствии с социальными нормами, правилами и законами; позитивная критичность к себе и собственной жизнедеятельности во всех ее

формах и проявлениях, а также к ее результатам; способность к позитивному планированию своей жизнедеятельности и реализации этого плана в общих чертах; способность изменять поведение и уточнять смысл своего существования в зависимости от смены жизненных обстоятельств.

Таким образом, под социально-личностной жизнеспособностью мы будем понимать особое личностное качество, характеризующее готовность индивидуума к самоопределению (нравственному, личностному, социальному, профессиональному) по собственному жизненному сценарию, а также готовность управлять – модифицировать этот сценарий и нести ответственность за результаты своих решений по жизненному самоопределению [6].

Социально-личностная жизнеспособность рассматривается нами как социально-личностный феномен субъектного управления собственными ресурсами (в эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферах) в контексте социальных, культурных норм и средовых условий с целью социальной адаптации (А. И. Лактионова, А. В. Махнач, Ю. В. Наumenко и др. [1, 2, 5, 6]).

Мы предлагаем следующую иерархическую структуру социально-личностной жизнеспособности:

системообразующий элемент – экзистенциальный – включает в себя социально ориентированные и позитивно развивающие личность смысложизненные установки;

соподчиненные ему интегрированные элементы: эмоционально-поведенческий – способность управлять своим поведением в соответствии с социальными нормами, правилами и законами; позитивная критичность к себе, своей жизнедеятельности и к ее результатам; способность к позитивному планированию жизнедеятельности и реализации этого плана в общих чертах; способность изменять поведение и уточнять смысл своего существования в зависимости от смены жизненных обстоятельств; мотивационно-волевой – устойчивая и осознанная мотивация к длительным усилиям, практически в течение всей жизни, по изменению себя для достижения личного благополучия в соответствии с осознанными и принятыми существующими социально-культурными ценностями и нормами.

Сущность процесса формирования социально-личностной жизнеспособности видится нам в воспитании ответственного отношения человека к собственной жизнедеятельности, формировании созидателя, творца собственной судьбы, человека мысли и действия.

В результате анализа работ, посвященных жизнеспособности, в которых выделяются различные уровни ее проявления (Е. А. Александрова, М. П. Гурьянова, Л. Г. Дикая, А. И. Лактионова, А. В. Махнач, Ю. В. Науменко, А. А. Нестерова и др. [1, 2, 5]), мы выделили четыре уровня развития социально-личностной жизнеспособности. Эти уровни мы предлагаем описывать следующими показателями: теологичность – каузальность, общий уровень осмысленности, соотношение ценностной и потребительской направленности, временная локализация.

Уровень негативного отношения к социально-культурным правилам и нормам жизнедеятельности:

экзистенциальный компонент: негативное отношение ко всем без исключения социально ориентированным смысложизненным установкам, так как, по мнению индивида, они препятствуют достижению личного благополучия. Эта убежденность имеет устойчивый теологический характер и переносится на окружающих: «Все живут только ради себя и личной выгоды и прикрывают свои поступки красивыми словами». Возможные жизненные ситуации, подтверждающие истинность социально ориентированных смысложизненных установок окружающих людей, воспринимаются как случайность;

эмоционально-поведенческий компонент: во всех жизненных ситуациях поведение определяется удовлетворением двух жизненных потребностей – чувства защищенности и достижения личной выгоды, поэтому изменение поведения происходит только в результате внешней угрозы или при возможности получения явной быстрой выгоды. Жизненные планы – идеалистические по форме и материальные по содержанию, неконкретны и не локализованы во времени: «Главное достичь благополучия – жить лучше других – побыстрее и с наименьшими усилиями»;

мотивационно-волевой компонент: мотивация к достижению материального личного благополучия устойчива и не связана с установкой на длительное самосовершенствование. Попытки изменить себя, свое поведение в соответствии с ситуацией кратковременны и возможны при условии гарантированного быстрого получения личной выгоды.

Уровень нейтрально приспособленческого отношения к социально-культурным правилам и нормам жизнедеятельности:

экзистенциальный компонент: признается существование социально ориентированных смысложизненных установок у других людей. Более того, сформирована убежденность, что

в некоторых ситуациях «полезно» оправдывать свое поведение и действия исходя из социально-культурных норм и правил. Одна их важнейших характеристик жизнеспособности – достижение личного благополучия с наименьшими потерями и конфликтами с окружающими;

эмоционально-поведенческий компонент: наряду с чувством защищенности и достижением личной выгоды поведение определяется также желанием достижения личных целей с максимально возможным успехом. При необходимости (угрозе личной безопасности или гарантии личной выгоды) поведение поддается корректировке в соответствии с социально-культурными нормами и правилами. Длительность социально приемлемого поведения определяется силой воздействия внешней необходимости. При отсутствии внешнего контроля безнаказанности и/или существенной личной выгоды возможно проявление девиантного поведения. Жизненные планы материальны по содержанию, конкретны и локализованы по отношению к определенным социально-культурным условиям: «Сейчас с этой группой людей мое личное благополучие может быть... и для этого нужно...»;

мотивационно-волевой компонент: мотивация к достижению материального личного благополучия устойчива и предполагает усилия по изменению себя в соответствии с определенными социально-культурными нормами при условии гарантированного и длительного по времени личного благополучия.

Уровень неполного (частичного) принятия социально-культурных норм и правил жизнедеятельности:

экзистенциальный компонент: признается факт, что жизнедеятельность человека в большинстве жизненных ситуаций определяется социально ориентированными смысложизненными установками, особенно если эти ситуации затрагивают близких людей. Однако параллельно существует убеждение, что в некоторых ситуациях для достижения личного и/или группового (семейного) благополучия возможно отступление от социально-культурных норм и правил, особенно если осуждение будет только моральным. Одна их важнейших характеристик жизнеспособности – достижение личного и группового (семейного) благополучия с наименьшими потерями и конфликтами с окружающими;

эмоционально-поведенческий компонент: поведение внутри группы близких людей полностью определяется социально-культурными нормами и правилами. По отношению к окружающим людям в большинстве ситуаций поведение также поддается контролю со стороны этих норм.

Длительность социально приемлемого поведения определяется чувством защищенности и благополучия близких людей. При угрозе личной безопасности и/или близким людям, а также при возможности достижения личного и/или группового благополучия поведение поддается корректировке, но не всегда в соответствии с социально-культурными нормами и правилами. Отступление от них определяется безнаказанностью и силой морального осуждения. Жизненные планы материальны по содержанию, конкретны и локализованы по отношению к определенной группе близких людей: «Мое личное благополучие определяется благополучием близких людей и для этого нужно ...»;

мотивационно-волевой компонент: мотивация достижения благополучия близких людей устойчива и предполагает усилия по изменению себя в соответствии с определенными социально-культурными нормами при условии гарантированного успеха. Отклонение поведения от этих норм по отношению к окружающим неблизким людям может сопровождаться чувством вины и одновременно оправдываться выполнением долга перед близкими.

Уровень принятия социально-культурных норм и правил жизнедеятельности:

экзистенциальный компонент: счастливая и благополучная жизнь рассматривается как результат реализации социально ориентированных смысложизненных установок. Ситуации, в которых человек вынужден отступить от социально-культурных норм и правил, воспринимаются негативно и как исключения из общего правила. Более того, осознанно избегаются ситуации, которые могут спровоцировать общественно опасное поведение. Осознанно позитивное отношение к социально ориентированным смысложизненным установкам проявляется в требовании к окружающим людям по их соблюдению в повседневной жизнедеятельности;

эмоционально-поведенческий компонент: человек способен управлять своим поведением в соответствии с социальными нормами, правилами и законами; проявлять позитивную критичность к себе, своей жизнедеятельности и к ее результатам; к позитивному планированию своей жизнедеятельности и реализации этого плана в общих чертах; изменять поведение и уточнять смысл своего существования в зависимости от смены жизненных обстоятельств;

мотивационно-волевой компонент: устойчивая и осознанная мотивация длительных усилий, практически в течение всей жизни, по изменению себя для достижения личного и общественного благополучия в соответствии с

осознанными и принятыми существующими социально-культурными ценностями и нормами.

В соответствии с предложенной структурой социально-личностной жизнеспособности мы формулируем принципы проектирования содержания и организации воспитательно-реабилитационных ситуаций как специально спланированных событийных жизненных личностно утверждающих ситуаций, затрагивающих жизненные интересы подростка и принуждающих его к гармонизации (модификации) своей социально-личностной жизнеспособности.

Принцип идейно-смысловой целостности знаниевого компонента воспитательно-реабилитационной ситуации – система знания о социально-культурном феномене «личное благополучие» должна отражать общую идею: личное благополучие человека (физическое, социальное и духовное) невозможно вне и/или в противовес существующим социально-культурным ценностям и без постоянных и системных усилий по совершенствованию социально-личностной жизнеспособности как необходимого условия его достижения.

Реализация данного принципа, в первую очередь, по нашему мнению, должна привести к формированию экзистенциального компонента социально-личностной жизнеспособности воспитанников, а также способствовать более эффективному формированию мотивационно-волевого компонента.

Принцип организации личностной ориентации воспитательно-реабилитационной ситуации – воспитательно-реабилитационная ситуация будет личностно ориентированной, если ее содержание базируется на конкретных ситуациях из жизни воспитанников, которые проживаются и переживаются еще раз как экзистенциальные проблемы: «Какие изменения необходимы в социально-личностной жизнеспособности, чтобы быть благополучным физически, духовно и социально?». Тогда подросток проявит базовые личностные функции.

Реализация данного принципа в первую очередь, по нашему мнению, должна привести к формированию мотивационно-волевого компонента социально-личностной жизнеспособности воспитанников, а также способствовать более эффективному формированию экзистенциального компонента.

Принцип проектирования развивающей и компетентностной направленности воспитательно-реабилитационной ситуации: такая ситуация возникнет, если будет предложена технология решения воспитательно-реабилитационной ситуации в форме индивидуального про-

ектирования стратегии собственного поведения и последующей коллективной рефлексии каждого решения с целью оптимизации индивидуальной социально-личностной жизнеспособности, а ее содержание будет: моделировать реальные ситуации жизненного самоопределения при взаимодействии с конкретной социокультурной группой, которые несут риск проявления общественно опасного поведения; способствовать актуализации и осознанию воспитанниками потребности позитивного взаимодействия с окружающими для решения индивидуальных проблем жизнедеятельности и проблем общественного развития, системообразующая идея: личное благополучие невозможно без достижения благополучия для близких людей и окружающих людей в целом, а тем более за счет их благополучия.

Реализация данного принципа, в первую очередь, должна привести к формированию эмоционально-поведенческого компонента социально-личностной жизнеспособности воспитанников, а также способствовать более эффективному формированию экзистенциального компонента. В частности, опираясь на технологию педагогической помощи, обеспечивающую создание условий для принятия субъектом развития оптимальных решений в проблемных ситуациях жизненного выбора [7], мы разработали алгоритм разрешения воспитательно-реабилитационных ситуаций подростками индивидуально или в группе, который включает в себя познавательный, конструктивный, организационный и оценочный этапы.

Основной задачей первого, познавательного-аналитического этапа является анализ специфики внутреннего (личностного) и межличностного конфликтов подростков в актуальной деятельности во взаимодействии с конкретной социокультурной группой как основного фактора риска нарушения социально-личностной жизнеспособности. На этом этапе необходимо задействовать механизм смыслообразования с помощью следующих микроситуаций: поиска смысла и мотивов жизнедеятельности подростка в актуальной деятельности во взаимодействии с конкретной социокультурной группой на основе социокультурного содержания здоровья и сопоставления существующих желаний и социально ориентированных смыслообразующих установок; анализа и оценки индивидуальных жизненных проблем подростка и обстоятельств их появления в актуальной деятельности во взаимодействии с конкретной социокультурной группой.

Основная задача конструктивного этапа – отбор средств и методов разрешения внутрен-

него и межличностного конфликтов подростков в актуальной деятельности во взаимодействии с конкретной социокультурной группой с целью снижения риска нарушения социально-личностной жизнеспособности. Для этого необходимо задействовать механизм смыслоосознания в микроситуации жизненного выбора и принятия решения об индивидуальной стратегии взаимодействия с конкретной социокультурной группой в актуальной деятельности с учетом сопряжения социально ориентированных смыслообразующих установок и индивидуальных желаний.

На организационном этапе необходимо активизировать роль каждого подростка в овладении конкретными умениями и навыками защиты от воздействия вызывающих стресс факторов или быстрого устранения неблагоприятных последствий такого воздействия при выполнении актуальной деятельности совместно с конкретной социокультурной группой.

В частности, большое значение необходимо придавать: обучению подростков управлению своими эмоциями, осуществляемому путем оказания им помощи в идентификации и понимании своих эмоций, а также в регулировании и словесном формулировании их в соответствии с социокультурными установками общества; обучению методам эффективной коммуникации в условиях стресса или в ожидании воздействия вызывающих стресс факторов при выполнении актуальной деятельности во взаимодействии с конкретной социокультурной группой. На этом этапе эффективны различные психолого-педагогические тренинги и игровые технологии, имитирующие ситуации риска нарушения социально-личностной жизнеспособности при выполнении актуальной деятельности во взаимодействии с конкретной социокультурной группой.

Основная задача оценочного этапа – рефлексия подростками индивидуальной деятельности по совершенствованию своей социально-личностной жизнеспособности. Мы предполагаем, что в результате подростки смогут более эффективно решать проблемы (с точки зрения соответствия социально ориентированным смыслообразующим установкам): во взаимодействиях людей, при ориентировке в этических нормах, в индивидуальной и групповой психологии, при выборе партнеров, при оценке собственных поступков; в практической жизни при выполнении социальных ролей гражданина, члена семьи и т.п.; при ориентировании в среде проживания, в правовых нормах и административных структурах, в потребительских и этических ценностях; при необходимости рефлексии собственных жизненных проблем, самоорганизации, выборе

стиля и образа жизни, обретении личностного опыта общения и разрешения конфликтов.

Представим схематичное описание структурно-функциональной модели формирования социально-личностной жизнеспособности у подростков.

На первом этапе – **переоценки смысложизненных установок** – решается задача формирования у подростков социально ориентированных и позитивно развивающих личность смысложизненных установок.

Основным педагогическим средством является система реабилитационно-воспитательных ситуаций: поиска мотивов и целей повседневной жизнедеятельности, жизненных смыслов и ценностей в открытом социуме для дальнейшей успешной социализации; встречи с Другой личностью, актуализирующая потребность воспитанников к самоизменению и саморазвитию.

Результатом первого этапа должны стать следующие *изменения в структуре* социально-личностной жизнеспособности подростков: *в экзистенциальном компоненте* – социально ориентированные смысложизненные установки при оценке большинства событий будут играть определяющую роль; *в эмоционально-поведенческом компоненте* – в большинстве ситуаций начнет проявляться позитивная критичность к себе и своей жизнедеятельности во всех ее формах и проявлениях, в том числе к ее результатам, и способность уточнять смысл своего существования в зависимости от смены жизненных обстоятельств и в соответствии с социально ориентированными смысложизненными установками; *в мотивационно-волевом компоненте* – появится желание изменить себя для достижения личного благополучия в соответствии с осознанными и принятыми существующими социально-культурными ценностями и нормами.

Педагогический процесс на данном этапе будет реализовывать следующие *функции:* *аксиологическую* – изменение жизненных установок и системы ценностей в результате использования системы реабилитационно-воспитательных ситуаций как необходимого условия позитивного возвращения в социум и дальнейшей успешной социализации; *развивающую* – существенная перестройка смысловой сферы личности подростка с целью жизненного самоопределения и саморефлексии как результат применения механизмов смыслоосознания и смыслотворчества при использовании системы реабилитационно-воспитательных ситуаций.

На втором этапе – **формирования практических умений реализации социально**

ориентированных смысложизненных установок – решается задача формирования у подростков готовности к проявлению позитивной социально-личностной жизнеспособности в различных реальных ситуациях повседневной жизнедеятельности.

Основным педагогическим средством является система реабилитационно-воспитательных ситуаций: рефлексии собственного продвижения по пути гармонизации (модификации) своей социально-личностной жизнеспособности в процессе самоизменения; поиска мотивов и целей повседневной жизнедеятельности, жизненных смыслов и ценностей в открытом социуме для дальнейшей успешной социализации; анализа, оценки и поиска решения жизненных проблем, существующих в открытом социуме и мешающих дальнейшей успешной социализации.

Результатом второго этапа должны стать следующие *изменения в структуре* социально-личностной жизнеспособности подростков: *в экзистенциальном компоненте* – социально ориентированные смысложизненные установки становятся определяющими при моделировании индивидуального поведения; *в эмоционально-поведенческом компоненте* – в большинстве ситуаций начнет проявляться способность уточнять смысл своего существования в зависимости от смены жизненных обстоятельств и в соответствии с социально ориентированными смысложизненными установками; способность управлять своим поведением в соответствии с социальными нормами, правилами и законами; способность к позитивному планированию своей жизнедеятельности и реализации этого плана в общих чертах; *в мотивационно-волевом компоненте* – появится готовность к изменению себя для достижения личного благополучия в соответствии с осознанными и принятыми существующими социально-культурными ценностями и нормами при поддержке воспитателя.

Педагогический процесс на данном этапе (в дополнении к функциям первого этапа) будет реализовывать следующие *функции:* *образовательно-информационную* – формирование специфических знаний, умений и навыков, опыта репродуктивной и продуктивной творческой деятельности по жизненному самоопределению и личностному самостроительству, необходимых для позитивного разрешения системы реабилитационно-воспитательных ситуаций; *социальной адаптации* – обретение опыта разрешения жизненных ситуаций самоопределения в открытом социуме.

На третьем этапе – **формирования готовности к позитивным изменениям себя в откры-**

том социуме – решается задача формирования опыта позитивной реализации социально-личностной жизнеспособности в различных ситуациях повседневной жизнедеятельности.

Основным педагогическим средством является *система реабилитационно-воспитательных ситуаций*: рефлексии собственного продвижения по пути гармонизации социально-личностной жизнеспособности в процессе самозменения; поиска мотивов и целей повседневной жизнедеятельности в открытом социуме для дальнейшей успешной социализации; анализа, оценки и поиска решения жизненных проблем открытого социума, мешающих дальнейшей успешной социализации; успеха в социально значимой деятельности, актуализирующей желания вновь пережить это чувство, преодолевая все трудности.

Результатом третьего этапа должны стать следующие *изменения* в структуре социально-личностной жизнеспособности подростков: *в экзистенциальном компоненте* – социально ориентированные смысложизненные установки становятся определяющими при моделировании индивидуального поведения; *в эмоционально-поведенческом компоненте* – стабильно проявляются способность уточнять смысл своего существования в зависимости от смены жизненных обстоятельств и в соответствии с социально ориентированными смысложизненными установками; способность управлять своим поведением в соответствии с социальными нормами, правилами и законами; способность к позитивному планированию своей жизнедеятельности и реализации этого плана в общих чертах; *в мотивационно-волевом компоненте* – готовы к длительным самостоятельным усилиям по изменению себя для достижения личного благополучия в соответствии с осознанными и принятыми существующими социально-культурными ценностями и нормами.

Педагогический процесс на третьем этапе в дополнении к функциям первого и второго эта-

пов будет актуализировать воспитательную функцию – механизма самовоспитания с целью формирования личностных качеств, необходимых для социально одобряемой жизнедеятельности, осознанных и принятых в результате использования системы реабилитационно-воспитательных ситуаций.

Мы сознаем, что представленная структурно-функциональная модель формирования социально-личностной жизнеспособности подростков не является идеальной, т.е. в реальной практике существуют несовпадения с предложенной схемой. Поэтому такие несовпадения мы обобщили в законах: индивидуально обусловленных сроков и результата формирования социально-личностной жизнеспособности; сложного спиралевидного характера процесса формирования социально-личностной жизнеспособности воспитанников в первичном детском коллективе.

Список литературы

1. Александрова Е. А., Кожаскина С. О. Социокультурные факторы становления социальной успешности обучающихся // Проблемы образования в условиях инновационного развития. 2014, № 1. С. 91–98.
2. Жизнеспособность человека : индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. 509 с.
3. Ильинский И. М. Образовательная революция. М., 2002. 592 с.
4. Гурьянова М. П. Созидательная миссия социальной педагогики в современном обществе // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2011. № 5. С. 36–44.
5. Науменко Ю. В. Здоровьеформирующая функция образовательного процесса в школе. Волгоград, 2008. 368 с.
6. Науменко Ю. В., Паатова М. Э. Социально-личностная жизнеспособность подростков : психолого-педагогическая коррекция // Народное образование. 2013. № 7. С. 249–257.
7. Казакова Е. И., Тряпицына А. И. Диалог на лестнице успеха (Школа на пороге нового века). СПб., 1997. 160 с.

Образец для цитирования:

Паатова М. Э., Науменко Ю. В. Педагогическая модель процесса формирования социально-личностной жизнеспособности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 229–236. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-229-236.

Pedagogical Model of Process of Formation Social and Personal Viability

M. E. Paatova

Adygeya State University
208, Pervomayskaya str., Maikop, 385000, Republic of Adygeya, Russia
E-mail: mpaatova@mail.ru

Yu. V. Naumenko

Volgogradskaya State Academy of Physical Culture
78, V. I. Lenin ave., Volgograd, 400005, Russia
E-mail: naymenko.yv@yandex.ru

In article development of the author's concept of design of the general education focused on formation at students of health as a welfare

phenomenon (Yu. V. Naumenko is offered). In particular, the concept of ability to happy life due to specification of contents, structure and levels of manifestation of personal ability to happy life taking into account combination of welfare requirements and individual desires develops. The author's pedagogical model reveals (M. E. Paatova) process of formation of personal ability to happy life taking into account combination of welfare requirements and individual desires on the basis of consecutive presentation of specially organized educational situations necessary for social resettlement and restoration of socially important personal qualities. The system of the principles of design of contents and the organization of such educational situations is described. Laws of application of the developed model in real student teaching are formulated. The author's pedagogical model of process of formation of personal ability to happy life taking into account combination of welfare requirements and individual desires was successfully realized in relation to teenagers with deviant behavior in special teaching and educational facilities of the closed type and at mass comprehensive school in educational work with ordinary school students. The material presented in article can form the basis for theoretical researches on formation of personal ability to happy life taking into account combination of welfare requirements and individual desires at children and teenagers, and also for development in educational practice of educational systems. The author's pedagogical model of process of formation of personal ability to happy life taking into account combination of welfare requirements and individual desires can serve as a methodological reference point for implementation of the requirement of Federal state educational standards of the general education at design of the program of spiritual and moral development, socialization and education of students in elementary and main school.

Key words: personal ability to happy life taking into account combination of welfare requirements and individual desires, specially organized educational situations necessary for social resettlement and restoration of socially important personal qualities.

References

1. Aleksandrova E. A., Kozhakina S. O. Sotsiokulturnye factory stanovleniya sotsialnooi uspeshnosti obuchayushchikhsya (Sociocultural factors of formation of social success of students). *Problemy obrazovaniya v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya* (Education problems in the conditions of innovative development), 2014, no. 1, pp. 91–98 (in Russian).
2. *Zhiznesposobnost cheloveka: individualnye, professionalnye i sotsialnye aspekty* (Viability of the person: individual, professional and social aspects). Eds. A. V. Makhnach, L. G. Dikaya. Moscow, 2016. 509 p. (in Russian).
3. Plinskiy I. M. *Obrazovatel'naya revolyutsiya* (Educational revolution). Moscow, 2002. 592 p. (in Russian).
4. Gur'yanova M. P. Sozidatel'naya missiya sotsialnoy pedagogiki v sovremennom obshcheste (Creative mission of social pedagogics in modern society). *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* (Pedagogy. Issues of Theory and Practice), 2011, no. 5, pp. 36–44 (in Russian).
5. Naumenko Yu. V. *Zdoroveformiruyushchaya funktsiya obrazovatel'nogo protsessa v shkole* (The educational process at school forming health). Volgograd, 2008. 368 p. (in Russian).
6. Naumenko Yu. V., Paatova M. E. Sotsialno-lichnostnaya zhiznesposobnost podrostkov: psikhologo-pedagogicheskaya korrektsiya (Social and personal viability of teenagers: psychology and pedagogical correction). *Narodnoe obrazovanie* (National Education), 2013, no. 7, pp. 249–257 (in Russian).
7. Kazakova E. I., Tryapitsyna A. I. *Dialog na lestnitse uspekha (Shkola na poroge novogo veka)* (Dialogue on success ladder {School on the dawn of a new century}). St. Petersburg, 1997. 160 p. (in Russian).

Cite this article as:

Paatova M. E., Naumenko Yu. V. Pedagogical Model of Process of Formation Social and Personal Viability. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 229–236. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-229-236.

УДК 316.6:174

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ

Павлова Ольга Вячеславовна – аспирант кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: oliapavl2013@yandex.ru

Осуществлён теоретический анализ понятия «профессионально-этическая культура личности» в рамках деятельностного, аксиологического и личностного подходов. Выявлена взаимосвязь профессии и этики. Отмечено, что этика является ядром профессиональной культуры. Представлено авторское определение профессионально-этической культуры личности как меры и способа усвоения и реализации профессиональных знаний, умений, навыков, норм и ценностей; как особого вида профессиональной деятельности, направленного на реализацию ценностно-насыщенных поступков, вызываемых нравственными чувствами и порождающих нравственные чувства. Раскрыт компонентный состав понятия «профессионально-этическая культура личности», такие его компоненты, как: когнитивный – знания о профессии, её ценностях и нормах, понятия, термины, объединенные в систему профессионального обучения и самообучения; чувственно-эмоциональный – чувства, входящие в категорию «высших», эмоциональное отношение к усвоению профессионально-этических ценностей; аксиологический – выработка системы профессиональных и общечеловеческих норм и ценностей; деятельностный – профессиональные навыки и умения, готовность к высококачественному выполнению поставленных профессиональных задач, имеющих профессионально-этическую направленность. Подчёркивается, что профессионально-этическая культура личности – необходимое условие её социализации и самоактуализации, а также устойчивого развития общества, частью которого эта личность является.

Ключевые слова: культура, личность, профессия, профессиональная культура, этика, профессионально-этическая культура.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-237-240

Любое социальное взаимодействие в обществе происходит в пространстве культуры. Все сферы жизни людей: материальная, духовная, социальная и др. пронизаны культурой. Именно культура, являясь всеобщей формой человеческой деятельности, задаёт её способы, цели, средства [1, с. 13]. Культура обеспечивает выживание общества, его развитие, отбирая и кристаллизуя лучшие созданные человеком объекты в мировую и национальные сокровищницы [2, с. 510]. Современное общество вынуждено противостоять агрессивным попыткам уничтожения культуры в глобальном масштабе, когда идеи национального господства, религиозного фундаментализма и другие виды радикализма в экономической, социальной и политической сферах приводят к эко-

номическим кризисам, социальным конфликтам, войнам, террористическим актам и разрушению культурных памятников.

В современных исследованиях культура рассматривается с позиций разных методологических подходов. Мы основывались на деятельностном, аксиологическом (ценностном) и личностном, которые, дополняя друг друга, помогли выявить теоретические основания определения такого сложного социокультурного понятия, как профессионально-этическая культура личности.

В. М. Межуев пишет, что деятельность – это и есть способ существования и развития культуры [3, с. 305]. При деятельностном подходе культура рассматривается в двух формах: 1) предметной (результаты деятельности); 2) личностной (умения и способности индивида). В ходе освоения культуры – процесса «распредмечивания» происходит развитие человеческой личности, а в процессе личностного творчества – предметное обогащение культуры – «опредмечивание». Автор утверждает, что определение культуры нельзя сводить только к совокупности результатов человеческой деятельности, это является лишь её внешней формой: «Действительным содержанием культуры оказывается процесс постепенного исторического развития человеческих сил и способностей, находящий своё внешнее выражение во всем богатстве и многообразии создаваемой людьми предметной действительности» [3, с. 287].

Понятие «ценность» играет большую роль в осмыслении культуры. Оно появилось в философии XIX в. и обозначало сокровенную жизненную ориентацию [4, с. 398]. Аксиологический подход применяется для осмысления объектов материальной или духовной культуры и формируется во всех областях деятельности человека [1, с. 55].

С. Франк пишет, что культура – это совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человеком и составляющих его духовно-общественное бытие [5, с. 17]. Поэтому культура так многообразна, представляя собой единое целое, запас духовных возможностей, из

которого любой может черпать и одновременно пополнять тем, «что есть истинного и вечного в его индивидуальном своеобразии» [5, с. 18].

Осваивая культуру, исторический и социальный опыт человечества, индивид становится личностью. Как справедливо отмечает А. Н. Леонтьев, понятие «личность» употребляется исключительно к человеку и лишь на определённом этапе его развития. Личностью он называет специальное человеческое образование, создающееся общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности [6, с. 101–103].

Культура личности формируется в результате протекания ряда процессов – познания, деятельности и др. Полученное знание наполняется личностным смыслом, превращаясь в личностное, которое выполняет функцию формирования индивидуального стиля деятельности [7, с. 99, 100]. Первичным видом деятельности является труд. Труд, как пишет С. Л. Рубинштейн, это основной путь формирования личности, а также основной закон развития человека. В труде как реальной деятельности человека участвуют все стороны личности, в нём значительную роль играют знания, навыки, интеллектуальные, мыслительные процессы. В труде присутствует в той или иной мере момент изобретения – введения чего-то нового в контекст действительности: предмет, прием или механизм, который решает определенную проблему [8, с. 474–476].

Разделение труда и возникновение профессий имеет культурно-историческое основание: социально-экономические и материально-технические условия дали возможность для развития профессионального деления людей. Профессия от латинского *professio* – публичное заявление о своём занятии, звании. Профессия даёт человеку возможность личностной самореализации и средства к существованию. По определению А. К. Марковой, профессия – это социально ценная для общества область приложения физических и духовных сил человека [9].

На фоне протекания профессиональной деятельности формируется профессиональная культура личности. О. В. Крыштановская понимает под профессиональной культурой совокупность знаний, умений и навыков, а также традиций, специфических стереотипов и ценностей профессионального поведения. Важно отметить, что *ядром профессиональной культуры автор считает этику труда*. Этика труда, представляя собой совокупность моральных норм, ценностей, выступает в роли регулятора профессионального поведения [10, с. 18].

В. А. Канке даёт простое определение этике как науке о ценностях и поступках, где ценности – основания поступков людей: «...нет этики без концепта “ценность”». Ценности, присущие представителям определённой социальной группы, называются нормами [11, с. 27, 46]. Ценность служит основанием *цели*, именно ценность интерпретирует этический смысл цели. *Идеал* же служит основанием для ценностей. Деятельностной базой как для идеалов, так и ценностей являются *поступки* [11, с. 29, 30]. Как пишет В. А. Канке, любой акт – как речевой, ментальный, так и предметный является поступком лишь в случае его наполненности *ценностным содержанием*. *Реализация ценностно-насыщенных и ответственных поступков является главным содержанием этической деятельности человека*.

Чувства – это «продукт жизненного, общественного опыта личности, её общения и воспитания» [12, с. 92]. Совесть, достоинство, честь и т.п. относятся к этическим чувствам человека. Этические чувства наряду с интеллектуальными, эстетическими входят в категорию «высших» чувств, как пишет С. Л. Рубинштейн. Автор отмечает, что чувства или эмоции всегда являются единством эмоционального и интеллектуального, так же, как и познавательный процесс сопровождается единством интеллектуального и эмоционального [8, с. 552, 557]. В то же время необходимо говорить и о взаимосвязи эмоции и деятельности человека. С. Л. Рубинштейн обращает внимание на их взаимную обусловленность: «...с одной стороны, ход и исход человеческой деятельности вызывают обычно у человека те или иные чувства, с другой – чувства человека, его эмоциональные состояния влияют на его деятельность» [8, с. 559].

Таким образом, можно говорить о профессионально-этической культуре личности, которая определяется как *мера и способ усвоения и реализации профессиональных знаний, умений, навыков, норм и ценностей; как особый вид профессиональной деятельности, направленный на реализацию ценностно насыщенных поступков, вызываемых нравственными чувствами и порождающих нравственные чувства*. Это определение профессионально-этической культуры даёт возможность выделить её основные структурные компоненты: когнитивный, чувственно-эмоциональный, аксиологический, деятельностный.

Когнитивный компонент заключается в знаниях профессии, её ценностей и норм: это понятия, термины, объединенные в систему

профессионального обучения и самообучения. Именно знания, по мнению А. М. Столяренко, являются основным «материалом» для оценивания ситуации, принятия решения и регулирования действий [13, с. 309].

Чувственно-эмоциональный компонент – это чувства, входящие в категорию «высших», имеющие также интеллектуальную и деятельностную природу (по С. Л. Рубинштейну); эмоциональное отношение к усвоению профессионально-этических ценностей.

Аксиологический компонент включает выработку системы профессиональных и общечеловеческих норм и ценностей, которые взаимодействуют друг с другом и создают определённую иерархию.

Деятельностный компонент содержит профессиональные навыки и умения, готовность к высококачественному выполнению поставленных профессиональных задач, в частности, имеющих профессионально-этическую направленность.

Исходя из изложенных выше положений, можно сделать следующие выводы:

определение культуры требует многостороннего методологического подхода благодаря своей сложности, так как в пространстве культуры происходят все социальные процессы;

профессионально-этическая культура, соединяя в себе знания, навыки, умения, определённую систему ценностей, нравственные нормы, «высшие» чувства, срачиваясь с этическими установками, заставляет человека стремиться к более полному профессиональному и личностному самовыражению;

способность человека не только выразить, но и передать всё богатство профессионально-этической культуры является важной задачей

достижения его профессионального, социального, личностного успехов, а также устойчивого развития общества в целом.

Список литературы

1. Драч Г. В., Штомпель О. М., Штомпель Л. А., Королев В. К. Культурология : учебник для вузов. СПб., 2013. 384 с.
2. Гуревич П. С. Этика : учебник для бакалавров. М., 2016. 516 с.
3. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М., 2006. 408 с.
4. Гуревич П. С. Философия : учебник для психологов. М. ; Воронеж, 2007. 1128 с.
5. Хрестоматия по методологии, истории науки и техники : учеб.-метод. пособие / под ред. Е. Я. Букиной. Новосибирск, 2011. 207 с.
6. Общая психология : хрестоматия, учеб.-метод. комплекс / авт. и сост. О. А. Куприна. М., 2011. 256 с.
7. Балакирева Е. К. Общекультурный компонент содержания высшего профессионального образования (компетентностный подход) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 98–104.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2007. 713 с.
9. Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996. 312 с. URL: www.p-lib.ru/pedagogika/markova-psihologiya-professionalizma/professiya-podhody-k-klassifikacii-professii-modul-professii.html (дата обращения 09.01.2015).
10. Крыштановская О. В. Инженеры : становление и развитие профессиональной группы. М., 1989. 144 с.
11. Канке В. А. Этика ответственности. Теория морали будущего. М., 2003. 352 с.
12. Филипченко С. Н. Инновации в патриотическом воспитании студентов. Саратов, 2012. 156 с.
13. Столяренко А. М. Общая педагогика : учеб. пособие для студ. вузов. М., 2006. 479 с.

Образец для цитирования:

Павлова О. В. Профессионально-этическая культура личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 237–240. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-237-240.

Professional-Ethical Culture of Personality

O. V. Pavlova

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: oliapavl2013@yandex.ru

Theoretical analysis of «professional-ethical culture of personality» notion within the bounds of activity, axiological and personal approaches is made. Correlation between profession and ethics is elicited. It is underlined that ethics is the core of professional culture. The author's definition of professional-ethical culture of personality is presented

as extent and method of assimilation and implementation of professional knowledge, abilities and skills, norms and values; as a special type of professional activity intended to implementation of acts filled with values, caused by moral senses and generated by moral senses. The components of professional-ethical culture of personality are disclosed such as cognitive one: knowledge of a profession, its values and norms, notions, terms united in system of professional training and self-training; sensual-emotional one: the feelings being a part of category of «the highest» ones, the emotional relation to assimilation of professional-ethical values; axiological one: system development of professional and universal norms and values; activity one: professional skills and abilities, readiness for high-quality performance of the set

professional tasks having a professional-ethical focus. It is highlighted that professional-ethical culture of personality is an essential condition for its socialization, self-actualization and for sustainable development of the society which part this personality is considered to be.

Key words: culture, personality, profession, professional culture, ethics, professional-ethical culture.

References

1. Drach G. V., Shtompel O. M., Shtompel L. A., Korolev V. K. *Kulturologiya: uchebnik dlya vuzov* (Cultural science: Coursebook for higher education institutes). St. Petersburg, 2013. 384 p. (in Russian).
2. Gurevich P. S. *Etika: uchebnik dlya bakalavrov* (Ethics: Coursebook for bachelors). Moscow, 2016. 516 p. (in Russian).
3. Mezhuev V. M. *Ideya kultury. Ocherki po filosofii kultury* (Idea of culture. Essays about philosophy of culture). Moscow, 2006. 408 p. (in Russian).
4. Gurevich P. S. *Filosofiya: uchebnik dlya psikhologov* (Philosophy. Coursebook for psychologists). Moscow; Voronezh, 2007. 1128 p. (in Russian).
5. *Khrestomatiya po metodologii, istorii nauki i tekhniki: ucheb.-metod.posobie* (Chrestomathy on methodology, history of science and technique: Training and methods book). Novosibirsk, 2011. 207 p. (in Russian).
6. *Obshchaya psikhologiya: khrestomatiya, ucheb.-metod. kompleks. Avt. i sost. O. A. Kuprina* (General psychology: chrestomathy, training and methods book set. Author and compiler O. A. Kuprina). Moscow, 2011. 256 p. (in Russian).
7. Balakireva E. K. *Obshchekulturnyy komponent sodержaniya vysshego professionalnogo obrazovaniya (kompetentnostnyy podkhod)* (General cultural component of the higher professional education {Competence method}). *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, vol. 9, iss. 1, pp. 98–104 (in Russian).
8. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* (Basics of general psychology). St. Petersburg, 2007. 713 p. (in Russian).
9. Markova A. K. *Psikhologiya professionalizma* (Psychology of professionalism). Moscow, 1996. 312 p. Available at: www.p-lib.ru/pedagogika/markova-psihologiya-professionalizma/professiya-podhody-k-klassificacii-professii-modul-professii.html (accessed 9 January 2015) (in Russian).
10. Kryshchanovskaya O. V. *Inzhenery: stanovlenie i razvitiye professionalnoy gruppy* (Engineers: buildup and development of the professional group). Moscow, 1989. 144 p. (in Russian).
11. Kanke V. A. *Etika otvetstvennosti. Teoriya morali budushchego* (Ethics of responsibility. The Moral of theory of future). Moscow, 2003. 352 p. (in Russian).
12. Filipchenko S. N. *Innovatsii v patrioticheskom vospitanii studentov* (Innovations in patriotic upbringing of students). Saratov, 2012. 156 p. (in Russian).
13. Stolyarenko A. M. *Obshchaya pedagogika: ucheb. posobie dlya stud. vuzov* (General Pedagogy: Training book for university students). Moscow, 2006. 479 p. (in Russian).

Cite this article as:

Pavlova O. V. Professional-Ethical Culture of Personality. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 237–240. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-237-240.

УДК 37.015.3

ТЮТОРСТВО: НА ПУТИ К «ДИСЦИПЛИНИРОВАННОМУ ВООБРАЖЕНИЮ»

Феллер Виктор Валентинович – кандидат философских наук, заведующий учебно-производственной практикой, Энгельсский промышленно-экономический техникум. E-mail: feller-vv@mail.ru

Статья посвящена созданию и совершенствованию стратегического видения в процессе тьюторского сопровождения, когда особое значение имеет синергия сценарных методов и кластерной теории. Она позволяет обнаружить динамичную структуру открытого образовательного пространства. Применяются понятие «коллективной индивидуальности» А. де Гиуса и положения кластерной теории М. Портера. Раскрыто значение работы над видением в концепции «памяти о будущем» Д. Ингвара и «сценарного планирования» Г. Кана. В заключение показывается: разыгрывая на этой основе «истории будущего» и увязывая их с событиями реальной жизни, наше воображение становится точным, системным и действенным; открываются новые возможности для взаимопонимания тьютора и тьюторантов. Таким образом, работа с видением и предвидением ведет любого лидера, будь то руководитель компании, предприниматель или тьютор, взявший на себя роль катализатора кластерного развития, к охвату все более широкого и иерархически организованного (как *Unitas Multiplex*, согласно В. Штерну и А. де Гиусу) культурного поля. Образовательное пространство размыкается, становится открытым, но необходимым условием такой открытости является ее динамичный характер.

Ключевые слова: стратегическое видение, сценарные методы, кластерная теория, открытое образовательное пространство, тьюторское сопровождение.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-241-245

Введение

Центральными в тьюторской работе являются, по словам Е. А. Александровой и Е. А. Андреевой, «ценности индивидуализации, самоопределения личности, осмысленного отношения человека к собственной жизни, своему будущему, перспективам. Это напрямую связано с задачами гуманитаризации образования: научить человека видеть свои цели, видеть себя как потенциал и ресурс» [1, с. 224–225]. Понятия индивидуальности и индивидуализации тесно связаны с идеей свободного самоопределения личности, с необходимостью выработки человеком адекватного видения своего настоящего и будущего, с восприятием человеком собственной личности как инновационного ресурса.

Авторы цитируемой статьи раскрывают ряд положений, связанных с инновационным потенциалом тьюторства: «Тьюторство напрямую работает с индивидуализацией человека

вообще, следовательно, этот вид педагогической деятельности возможно применять не только в системе образования, но и в любой сфере, в которой человек хочет себя реализовать. А главный принцип этой деятельности – “расширение” образовательного пространства каждого обучающегося до преобразования его в открытое: в этом смысл введения тьюторства» [1, с. 225]. Таким образом, тьюторское сопровождение выходит далеко за пределы образовательной системы в сферу широкой деятельности, имеющей инновационный характер. В процессе индивидуализации определяется и понятие открытого образовательного пространства. Оно тесно связано с антропологизацией тьюторской деятельности, т.е. с ориентацией на базовые антропологические характеристики человека [1, с. 225]. Эти характеристики включают, например, ограниченность человека определенным жизненным циклом или же указывают на его принадлежность индивидуальностям более широким, чем человеческая личность.

В данной статье рассмотрены ключевые для тьюторства понятия «развивающейся индивидуальности» и «открытого образовательного пространства» в качестве единого инновационного ресурса для развития не только самого человека, но и для развития той среды, в которой человек пытается проложить свою индивидуальную образовательную, профессиональную и карьерную траектории. Анализируются ключевые положения учения о «коллективной индивидуальности», раскрытые А. де Гиусом в книге «Живая компания». Затем идет краткое рассмотрение некоторых положений кластерной теории М. Портера, изложенных в его книге «Конкуренция». После этого раскрыто значение работы тьютора и тьюторантов над видением и предвидением с помощью сценарного метода.

Тьютор как катализатор кластерного развития

А. де Гиус, опираясь на системный подход, разработанный немецким психологом В. Штерном для определения сущности взаимодействия

индивидуальностей (или «персон», как предпочитал называть их сам Штерн), увидел в любой индивидуальности, во-первых, ориентированность на достижение целей; во-вторых, самосознание; в-третьих, открытость внешнему миру и, в-четвертых, конечную продолжительность жизни. Плодотворной идеей в его концепции стала своеобразная «лестница самосознания», согласно которой каждая индивидуальность «воспринимает себя как “я”, хотя состоит из частей и элементов, которые являются самостоятельными персонами». Штерн выразил эту концепцию формулой: персонa – это *Unitas Multiplex* или «структура структур» [2, с. 98–99]. Над личностью индивида возвышаются коллективные институты: «Эти живые сущности гнездятся внутри друг друга как русские матрешки». Позже биолог-кибернетик Ф. Варела показал, что и живая клетка является организацией, имеющей коллективную сущность и цель [2, с. 101–102].

Отсюда следует, что человек, выходящий в открытое социально-культурное пространство, находит в нем не только хаос самых разных течений и сил, но и изнутри понятные ему большие и малые индивидуальности, находящиеся в развитии или упадке. С ними он может отождествлять себя и, в свою очередь, может изнутри вносить свое понимание в их самосознание и деятельность. Рассмотрение человека в иерархии коллективных индивидуальностей ведет к пониманию социального мира как живой экосистемы, в которой выживание зависит от гибкости и разнообразия, максимальной терпимости руководства и спонтанной диверсификации деятельности. От концепции «живой компании» А. де Гиус движется к концепции «обучающейся компании» [2, 142].

«Экологическое» понимание «внешней среды» кардинально сближает сферы экономики и образования. Миссия системы образования – быть посредником между человеком и обществом. Цель такого посредничества – это разрешение повседневно возникающих противоречий между стремлением человека к индивидуализации и свободе, и стремлением государства к сохранению стабильности и безопасности благодаря «усреднению» и унификации, в том числе и самого человека. Обнаруживая в структуре общества «коллективные личности», человек получает мощного союзника и осваивает практические способы приручения бездушного бюрократического механизма и не менее бездушной рыночной стихии.

Идея тьюторства легче приживется и глубже укоренится и уже в ближайшие годы окажет си-

стемное влияние на возрождение целых секторов российского образования и инновационных сегментов российской экономики, если она будет соединена с другой системой родственных ей идей, вытекающих из кластерной теории. Кластерную модель М. Портер назвал «сильной организационной формой в континууме между рынками и иерархиями» [3, с. 232]. Он объясняет, что «хорошо функционирующий кластер выходит за пределы иерархических сетей и превращается в решетки многочисленных перекрывающихся и подвижных взаимосвязей между индивидуумами, фирмами и организациями» [3, с. 234]. В этой характеристике кластера фактически дано определение открытого образовательного пространства как открытого инновационного. Неслучайно сам Портер отмечает, что кластеры «создают форум, в котором новые пути ведения диалога могут и должны иметь место среди фирм, правительственных агентств и организаций (таких как школы, университеты, предприятия общественного назначения)» [3, с. 207].

В совокупности этих характеристик появляется представление о кластере как о «коллективной индивидуальности» и как особой социальной «экологической среде». Из этого следует, что кластерные системы являются своего рода привилегированным пространством для проявления таких «коллективных индивидуальностей» инновационного типа, о которых рассуждал А. де Гиус, фактически описывая Shell как корпорацию, управляемую на основе кластерных принципов.

Но какие условия наиболее благоприятны для инновационного развития? Ими, согласно Портеру, становится региональное построение кластеров, основанное «на местных различиях и источниках необычных преимуществ, где это возможно, с превращением их в сильные грани данного кластера» [3, с. 255].

Понимание условий, в которых происходит кластерообразование, позволяет лучше прояснить перспективу тьюторского сопровождения в профессионализации инновационной среды, когда тьютор становится своеобразным катализатором кластерного развития, конечно, если для этого сложились благоприятные местные условия. Работая над ресурсной картой, тьютор может обнаружить эти благоприятные условия, организации и людей, стремящихся взять на себя определенные роли «ключевых игроков» (стейкхолдеров) инновационного процесса и кластерного развития, а затем сопровождать эти процессы. Но если на данной территории не сложилось определенной «критической массы»

экономически активных субъектов, то тьютору останется лишь выполнять традиционно связываемую с ним сопровождающую функцию в рамках более узко понятой образовательной системы.

Рассматривая тьютора в качестве катализатора инновационных процессов, можно увидеть в нем первооткрывателя, причем не столько теоретизирующего, сколько практического, кластерных структур и их границ. Об этом сам Портер говорит: «нанесение границ кластеров достаточно часто оказывается непростой задачей, требующей творческого процесса на базе понимания наиболее важных связей и взаимного дополнения для разных отраслей и организаций» [3, с. 210]. Тьютор, стремящийся распознать структуру открытого инновационно-образовательного пространства, в котором действуют потенциальные тьюторанты как конкретные люди и «коллективные индивидуальности» фирм, организаций, инициативных групп, ставит перед собой задачу нарисовать ресурсную карту этого пространства. При этом его ключевой компетенцией должно стать умение работать с собственным видением и на этой основе, согласно профессиональному стандарту, умение «работать с видением и позицией тьюторанта». Для этого он должен соотносить действия тьюторанта с трендами развития культуры, науки, образования, находить и анализировать разнообразную информацию, составлять карты потребностей, целей, запросов. Но именно эти качества и эта работа требуются от него при прояснении структуры и границ кластерной «коллективной индивидуальности». Промежуточным и постоянно корректируемым результатом этой работы становится видение того, что есть на самом деле, и предполагающее видение (предвидение) того, что может произойти при разных сценариях, при тех или иных условиях и «поворотах судьбы».

Э. Пестель в своем докладе «Римскому клубу» так разделил «прогноз» и «предвидение»: «Цель прогноза – предсказание будущего. Ясно, что это возможно, если в модели присутствуют только заданные элементы. Цель предвидения – получить представление о неопределенных случайных обстоятельствах, которые могут повлиять на будущий ход событий наравне с заданными элементами. В таких случаях в модель вводят набор альтернативных предположений, чтобы сделать качественную или количественную оценку их возможных последствий. Здесь используется метод допущений типа “если – тогда” или “что – если”» [4, с. 109]. Такие модели не являются предсказаниями будущего, но указывают

направление процесса реалистических и творческих размышлений о будущем. Они учитывают как конкретные аспекты, так и общие понятия, в том числе религиозные верования и традиции, идеологические убеждения и предрассудки, этические ценности и моральные нормы [4, с. 110].

Работа с видением и предвидением ведет любого лидера, будь то руководитель компании, предприниматель или тьютор, взявший на себя роль катализатора кластерного развития, к охвату все более широкого и иерархически организованного (в «матрешке» индивидуальностей) культурного поля. Тем самым образовательное пространство размыкается, становится открытым и расширяющимся, но необходимым условием такой открытости является ее динамичный характер: здесь нельзя останавливаться.

Развивая свою идею «обучающейся компании», А. де Гиус рассмотрел концепции «памяти о будущем» Д. Ингвара и «сценарного планирования» Г. Кана. Результаты исследования, проведенного Д. Ингваром в 1985 г., показали, что каждое мгновение человеческий мозг инстинктивно создает планы и программы на будущее, стремясь предвосхитить надвигающиеся события. Эта активность имеет место в течение всего дня, но еще более концентрированно она осуществляется ночью, во время сна [2, с. 46]. Эти планы организованы как последовательность возможных действий: «если случится это, я сделаю то». Гиус видит особую ценность этой «памяти о будущем» в том, что она «служит бессознательным руководством, помогающим определить, какая входящая информация имеет отношение к делу. Хранимые временные планы служат шаблонами для измерения входящих сигналов. Если входящая информация соответствует одному из альтернативных временных планов, сигнал понимается, информация становится знанием, и сигнал приобретает смысл» [2, с. 48].

Эти «шаблонные» временные планы не отвечают на вопрос «что случится с нами», обычно связываемый с предсказаниями будущего. Ответ на него никогда не может быть вполне убедительным: они отвечают на другой вопрос: «Что мы будем делать, если случится то-то и то-то» [2, с. 50]. «Довольно иронично, – отмечает цитируемый автор, – что снятие упора на предсказание, похоже, ведет к точности оценок будущего. Замечательно, как часто сценарии, публиковавшиеся в *Shell* годами, предсказывали важные изменения в мире вокруг *Shell Group*, часто за несколько лет» [2, с. 66]. «Каждый сценарий – продолжает Гиус, – это просто обычный рассказ о будущем – эскиз “событий жизни”, как она могла развиваться, на-

чина с настоящего момента» [2, с. 57]. В отличие от предсказаний, роль сценариев значительно скромнее, но именно поэтому их использование становится эффективным. Целью этих «инструментов предвидения» является обогащение и изменение характера нашего восприятия и мышления [2, с. 59].

Та же задача стоит перед любым дельным тьютором. Она в том, чтобы преобразовать в головах тьюторантов образовательный «ландшафт», сделать его «дорожной картой». В этом смысл составления ресурсной карты, которая должна наполниться взаимоувязанными сценариями и прецедентами, формирующими динамичную и четко акцентированную картину возможностей, опасностей и активных субъектов «открытого пространства», в котором тьюторант хочет преуспеть. При пересказе сценариев сюжетная линия усиливается, создавая фильтры, выделяющие на шумовом фоне важный сигнал. В результате движущие силы развития той или иной ситуации становятся различимыми [2, с. 63]. Сценарии живут в воображении и взаимодействуют между собой, они вступают в «общение» с хранящимися в памяти значимыми прецедентами как событиями действительной жизни, вновь и вновь распознавая в них важное и малозначимое и, в свою очередь, корректируясь ими и подтверждая, либо опровергая, изменяя и дополняя собственные «ходы».

Сценарий – это тот же прецедент, но находящийся в области воображаемого, а прецедент – это тот же сценарий, но как удостоверенное памятью свершившееся событие прошлого. Таким образом, обращение к сценариям расширяет нашу «логику прецедентов», распространяя ее и на будущее, формируя «память о будущем». Возможно, именно с распространением сценарных подходов связано, отмечаемое Е. А. Александровой и И. Баранаскине, изменение в «современной социокультурной ситуации», в которой взаимодействие «все более и более принимает прецедентный характер», а вопрос «Почему?» вытесняется более практичным вопросом «Зачем?» [5, с. 271].

«Наиболее запоминающиеся сценарии, – отмечает А. де Гиус, – фактически имеют некоторые черты сказок или народного творчества <...> некоторые сценарии, которые были лучше всего поняты и которые дольше всех помнили в *Shell*, имели элементы описанного Кэмпбеллом вечного путешествия» [2, с. 62]. При этом, как подчеркивают У. Беннис и Б. Нэймус, важно иметь в виду, что, «сосредоточившись на видении будущего, лидер оперирует эмоциональными и духовными ресурсами организации, ее ценностя-

ми, обязательствами, устремлениями. Менеджер, напротив, имеет дело с материальными ресурсами компании <...> Если лидерство предполагает хоть искру таланта, то он должен заключаться в необыкновенной, почти волшебной способности вызывать – из множества образов, знаков, прогнозов, вариантов – отчетливое видение будущего, одновременно простого, понятного, желательного и захватывающего» [6, з. 103].

Таким образом, «высший пилотаж» тьюторства (как и лидерства вообще) – это управление собственным видением и видением тьюторантов через коллективное вдохновение. И в этом деле незаменимым средством пробуждения творческой активности человека являются сценарии, имеющие черты «сказок или народного творчества».

Заключение

Использование тьютором сценарных подходов, опирающееся на понимание особенностей кластерных индивидуальностей и структур, позволяет ему сконцентрировать внимание тьюторантов на создании качественно нового уровня видения (и предвидения). В преображенном видении появляется особая организующая и упорядочивающая прецедентно-сценарная сеть, которая открывает возможность постановки наиболее ценного практического вопроса: «Что мы будем делать, если случится то-то и то-то?». При этом рассмотрение кластеров в их собственных границах и в их коллективной «субъектности» позволяет обнаружить подлинные «движущие силы» и отношения «ключевых игроков». Это дает возможность в сценариях разыгрывать живые истории, имеющие непосредственное отношение к жизни, пробуждающие и одновременно дисциплинирующие наше воображение.

В результате наше воображение становится точным в своих сюжетах, образах и сравнениях и при этом эвристически динамичным, а также «опытным» и системным. Таким образом, оно раскрывается в своей когнитивной функции, позволяющей в ситуациях «полной неопределенности» делать интуитивно верные выводы и побуждать к действию. Это подобно тому, как в обычной жизни, хорошо зная характер человека, мы интуитивно точно понимаем его поступки и адекватно реагируем на них, не нуждаясь в подпорках формальной логики. И другие люди, столь же осведомленные в этом вопросе, как и мы, нас хорошо понимают. На этих путях открываются синергетические возможности для консолидации тьютора и тьюторантов, для активизации коллективного разума группы и даже для коллективного вдохновения.

Список литературы

1. Александрова Е. А., Андреева Е. А. Теория и практика тьюторской деятельности в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2, вып. 2. С. 222–232.
2. Гиус А. де. Живая компания. Рост, научение и долгожительство в деловой среде / пер. с англ. СПб., 2004. 224 с.
3. Портер М. Конкуренция / пер. с англ. М., 2005. 608 с.
4. Пестель Э. За пределами роста / пер. с англ. М., 1988. 268 с.
5. Александрова Е. А., Баранаскине И. Стратегия формирования воспитывающей среды и методы воспитания подрастающего поколения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5, вып. 3 (19). С. 268–274.
6. Bennis W., Nanus B. Leaders: the strategies for taking charge. N.Y., 1985. 238 p.

Образец для цитирования:

Феллер В. В. Тьюторство: на пути к «дисциплинированному воображению» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 241–245. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-241-245.

Tutoring: on the Way to «Disciplined Imagination»

V. V. Feller

Engels Industrial-economic College
3, Nesterova str., Engels, Saratov region, 413100, Russia
E-mail: feller-vv@mail.ru

The article is devoted to the strategic vision creation and its perfecting in the process of tutoring. Synergy of the scenario methods and the cluster theory are essential to it that helps to reveal the dynamic structure of the open educational space. In this sense the concepts of «collective identity» of Arie de Geus and the cluster theory of Michael Porter are used. In the article the work about vision in the concept of «memory of the future» of David Ingvar and «scenario planning» of Herman Kahn are also explained. In conclusion it is shown as through roleplaying of «the history of the future», and connecting it with real life situations, our imagination becomes more accurate, systematic and efficient. It is that opens new possibilities for mutual understanding between tutor and students. Thus, while working on vision and prevision, any leader, no matter if it is a company executive, a businessman or a tutor committing himself to the role of an accelerator of the cluster development, comes to the embracing of broader and more hierarchical organization of the culture field. That tells about the openness of the educational space. Moreover, the dynamic character it is that becomes a necessary requirement for this openness. You must not stop here.

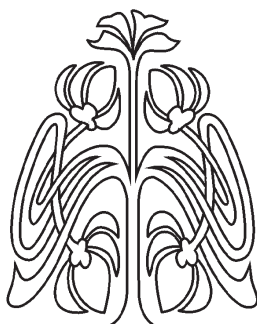
Key words: strategic vision, scenario methods, cluster theory, open educational space, process of tutoring.

References

1. Aleksandrova E. A., Andreeva E. A. Teoriya i praktika tyutorskoy deyatel'nosti v Rossii (Theory and practice of tutoring in Russia). *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2013, vol. 2, iss. 2, pp. 222–232 (in Russian).
2. Geus A. de. *The living company. Growth, learning and longevity in Business*. London; Boston, 1999. 224 p. (Russ. ed.: Gius A. de. *Zhivaya kompaniya. Rost, nauchenie i dolgozhitel'stvo v delovoy srede*. St. Petersburg, 2004. 224 p.).
3. Porter M. *On competition*. Boston, 1998. 486 p. (Russ. ed.: Porter M. *Konkurent'sia*. Moscow, 2005. 608 p.).
4. Pestel' E. *Beyond the limits to growth*. New York, 1987. 192 p. (Russ. ed.: Pestel' E. *Za predelami rosta*. Moscow, 1988. 268 p.).
5. Aleksandrova E. A., Baranaskine I. Strategiya formirovaniya vospityvayushchey sredy i metody vospitaniya podrastayushchego pokoleniya (Strategies for building a parenting environment and parenting methods for the younger generation). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2016, vol. 2, iss. 3 (19), pp. 268–274 (in Russian).
6. Bennis W., Nanus B. *Leaders: the strategies for taking charge*. New York, 1985. 238 p.

Cite this article as:

Feller V. V. Tutoring: on the Way to «Disciplined Imagination». *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 241–245. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-241-245.

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2017 года

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36014, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов».

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала:
410012, Саратов, Астраханская, 83;
тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: izvestiya@sgu.ru